

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

3

1 9 7 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

МАЙ — ИЮНЬ

3

1973

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Р. П. Гришина.</i> Отечественный фронт Болгарии после победы восстания 9 сентября 1944 года	3
<i>Т. А. Кургуныян.</i> «Пакт четырех» и чехословацкая дипломатия	19
<i>М. В. Кирсенко.</i> Роль Греции в образовании Балканского союза 1912 года	31
<i>Мариан Стемпень</i> (ПНР). Между литературой и политикой (Из литературной жизни Польши 30-х годов XX века)	43
<i>Е. И. Рябова.</i> О литературе «измов» и ее службе революции	54
<i>Р. Павлова</i> (НРБ). К вопросу о сопоставительном исследовании семантики предлогов	61
<i>В. Кипарский</i> (Финляндия). К истории славяноведения в Финляндии	68

К VII Международному съезду славистов

<i>В. Д. Королюк.</i> К исследованиям в области этногенеза славян и восточных романцев	73
--	----

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>В. И. Беляева.</i> Деятельность А. А. Вознесенского в Общеславянском комитете и Славянском комитете СССР	92
<i>Н. А. Прокофьева.</i> Репертуар Театра драмы и комедии на Таганке на чехословацкой сцене	94

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>В. Марфина.</i> Книга о Клементе Готвальде	102
<i>И. Костюшко.</i> Czesław Łuczak. «Kraj Warty» 1939—1945. Studium historyczno-gospodarcze okupacji hitlerowskiej	104

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>В. И. Виноградов.</i> А. А. Улунян. Болгарский народ и русско-турецкая война 1877—1878 гг.	106
<i>Е. Е. Станкевич.</i> «Historia Śląska», t. II	107
<i>С. Сидельников.</i> Новые работы о Г. С. Раковском	109
<i>Е. З. Цыбенко, В. И. Хитаршвили.</i> Журнал польских славистов	113
<i>А. Жигулев.</i> Свод польских пословиц	115
<i>Л. Гипова.</i> Второй том «Истории чешского театра»	117
<i>Л. Софронова.</i> Исследование польского школьного театра	120
<i>Ю. К. Бегунов.</i> Вклад в изучение деятельности Кирилла и Мефодия	122

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языку зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1972 г. (продолжение)	125
Содержание иностранных журналов	131

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>А. Б.</i> Заседание Ученого совета Института славяноведения и балканистики АН СССР, посвященное 50-летию образования СССР	135
<i>С-В-Н.</i> Научные сессии за рубежом, посвященные 50-летию образования СССР	135
<i>Е. Пилишек.</i> Научная встреча историков СССР и ПНР	137
<i>Е. Воробьева.</i> Заседание Комиссии историков СССР и ЧССР	139
<i>В. Д.</i> Научная сессия Комиссии историков СССР и ПНР	141
<i>И. Костюшко.</i> <u>М. В. Миско</u>	143

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, П. С. МЛЛЕР, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Е. Ф. СТАХБЕВ (зам. главного редактора), Н. Н. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а. Телефон 290-27-40

Р. П. ГРИШИНА

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ФРОНТ БОЛГАРИИ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ ВОССТАНИЯ 9 СЕНТЯБРЯ 1944 ГОДА

В предлагаемой вниманию читателя статье автор ставит своей целью рассмотреть на примере Болгарии политику Народного фронта после его прихода к власти. Поскольку тема эта весьма обширна, автор ограничивается постановкой лишь основных вопросов сравнительно небольшого периода (победа восстания 9 сентября — конец 1944 г.).

Буржуазная Болгария была экономически отсталой страной. Тем не менее к началу второй мировой войны болгарское общество было уже значительно дифференцировано в социальном отношении.

Социальная структура сельского населения определялась наличием классовых групп, характерных для страны со средним уровнем развития капитализма: бедняки, середняки, кулаки. Специфика болгарского села состояла в сравнительно большом удельном весе середняков. В аграрной Болгарии бедняцко-средняцкие слои крестьянства составляли подавляющую часть не только деревенского, но и всего болгарского населения¹. Целью классовой борьбы для них было уничтожение гнета сельской буржуазии, монополистического капитала и буржуазного государства.

Крупная городская буржуазия в Болгарии была немногочисленной: к 9 сентября 1944 г. в стране насчитывалось всего около 4 тыс. более или менее крупных промышленных предприятий². Важное место в промышленном производстве принадлежало ремеслу: накануне революции в Болгарии существовало около 100 тыс. ремесленных заведений. Многочисленную прослойку буржуазии составляли торговцы, в основном тоже мелкие. Их насчитывалось примерно 100 тыс.

Преобладание мелких и средних предприятий не исключало существования и активного функционирования монополий, финансового капитала. Важнейшим финансовым центром был Болгарский торговый банк (БТБ), подчинивший своему влиянию большое количество зависимых от него банков, несколько десятков крупных промышленных, торговых и страховых акционерных обществ. Кроме БТБ, существовали и другие крупные финансовые центры, что свидетельствовало о вступлении болгарского капитализма в монополистическую стадию развития³.

¹ Считается, что в буржуазной Болгарии в деревне жило до 80% всего населения страны.

² К л а з а р о в. Изменение на класовата структура на нашето общество. «Икономическа мисъл», 1959, № 2, стр. 16; Б о е в. Опитът на БКП в обединяването на демократичните сили на народа за победата на социалистическата революция. «Известия на ВПШ „Станке Димитров“», 1961, № 12, стр. 78.

³ Л. Б е р о в. Картелите в българската индустрия. «Планово стопанство», 1951, № 5, стр. 36.

Таким образом, хотя крупная буржуазия и была немногочисленной, в экономическом отношении она представляла немалую силу. Ее связи с иностранным капиталом, германским или англо-французским, игравшим важную роль в болгарской экономике, приносили большие материальные выгоды. Государственный аппарат монархической Болгарии также был поставлен на службу интересам крупной буржуазии, стремившейся к укреплению своего политического господства и умножению богатств.

Что касается торгово-промышленной средней и мелкой буржуазии, то эти ее слои, сами являясь эксплуататорскими, в свою очередь испытывали гнет со стороны отечественного и иностранного крупного капитала. Естественно поэтому, что социальные интересы каждой группы буржуазии были различными.

Рабочий класс капиталистической Болгарии был сравнительно немногочисленным и не отличался высокой степенью концентрации: в канун революции в его рядах насчитывалось около 100 тыс. человек, а на одно предприятие приходилось в среднем всего 23 человека⁴. Поскольку в стране почти полностью отсутствовала тяжелая индустрия, а следовательно, и крупнопромышленный пролетариат (кроме шахтеров), наиболее многочисленными и боевыми отрядами рабочего класса были текстильщики и табачники. При этом рабочий класс Болгарии, имевший славные революционные традиции, отличался высокими боевыми качествами, приобретенными в ходе острых классовых столкновений предыдущих лет. Ему было присуще глубокое чувство интернациональной солидарности. О довольно высокой организованности и сознательности болгарского пролетариата свидетельствовало то, что коммунисты имели среди рабочих фактически безраздельное влияние, позиции реформистов были слабыми.

Оценивая уровень социального развития страны, Болгарская коммунистическая партия в ряде документов периода до второй мировой войны указывала, что главной стратегической задачей партии и рабочего класса Болгарии являлась борьба за социализм, социалистическая революция. Тактическая линия компартии зависела не только от соотношения сил внутри страны, но и от международной обстановки.

В результате прогерманской политики правящей верхушки Болгария во второй мировой войне оказалась на стороне фашистских сил и фактически потеряла свою политическую и экономическую независимость. Это способствовало революционизированию народных масс в стране.

⁴ «Работническо дело», 8 IX 1965. При отсутствии точных статистических сведений в литературе приводятся различные данные о численности болгарского пролетариата и степени его концентрации. Так, Н. Горпенски считает, что к концу 1934 г. в Болгарии насчитывалось около 177 тыс. промышленных рабочих; если к ним прибавить рабочих, занятых на транспорте, на лесоразработках, а также сельскохозяйственных рабочих, то получается, что пролетариат и полупролетариат (вместе с членами их семей) составлял свыше 2 млн — половину тогдашнего населения страны (см. «Исторически преглед», 1964 № 4, стр. 41). Некоторые авторы отмечают, что, принимая во внимание степень развития капитализма в Болгарии, уровень концентрации рабочих в стране можно считать сравнительно высоким: так, в 1940 г. на крупных предприятиях, с числом рабочих свыше 100 было занято 58,9% всех рабочих, в то время как сами эти предприятия составляли лишь 6,5% от общего числа фабрик и заводов (см. П. П е т к о в. Ликвидирање на капиталистичката сопственост в промишленоста на Българија. София, 1965, стр. 7). В. Георгиев, опираясь на данные Дирекции труда, пишет, что в 1945 г. на одно промышленное предприятие приходилось в среднем 38 рабочих. Он отмечает, что специфика процесса концентрации рабочих в Болгарии состояла в сосредоточении их в нескольких городах, важных в административном, политическом, хозяйственном и культурном отношениях, а не на крупных промышленных предприятиях вообще (В. Г е о р г и е в. Общият работнически професионален съюз в България, 1944—1947. София, 1967, стр. 15).

Восстановление национальной независимости стало самым важным вопросом почти для всех социальных групп болгарского общества. За исключением монархо-фашистских кругов буржуазии, части офицерства и интеллигенции, непосредственно связанных с гитлеровской Германией, а также спекулятивных элементов, весь народ был заинтересован в свертывании освободительной борьбы.

Но возглавить эту борьбу и руководить ею могли только рабочий класс, единственный последовательно революционный класс, главная движущая сила революционного преобразования общества, и его партия. Условия, сложившиеся в Болгарии, благоприятствовали выполнению пролетариатом его исторической миссии: восстановление национальной независимости страны было невозможно без свержения болгарского монархо-фашистского правительства, привязавшего Болгарию к гитлеровской Германии. На это не могли решиться даже те круги болгарской буржуазии, которые были настроены англофильски и находились в оппозиции к правительственному режиму⁵.

Для коммунистов же последовательная борьба за свержение болгарского царизма и возвращение стране национальной свободы открывала при определенных обстоятельствах перспективу борьбы за социализм. Болгарская рабочая партия (коммунистов) — БРП(к) — за десятилетия самоотверженной борьбы в защиту интересов пролетариата и всех трудящихся, творчески применяя опыт компартии Советского Союза и всего международного коммунистического движения, уже накануне второй мировой войны окончательно превратилась в партию нового типа, в марксистско-ленинскую партию⁶. БРП(к) имела и реальные возможности для того, чтобы возглавить освободительное движение болгарского народа: лучше всех других партий страны она смогла приспособиться к нелегальным условиям существования⁷. Несмотря на то, что среди всех запрещенных партий БРП(к) была самой гонимой, она сумела сохранить свои основные организации, кадры, влияние и продолжала функционировать как организованная политическая сила.

Сплочению широких слоев болгарского народа вокруг коммунистов содействовала программа Отечественного фронта (ОФ), разработанная в 1942 г. по инициативе Г. Димитрова. Основными требованиями ее было освобождение страны от гитлеровского ига и монархо-фашистской диктатуры, переход Болгарии в лагерь антигитлеровской коалиции и создание демократического правительства. Однако несмотря на то, что программа Отечественного фронта, предложенная коммунистами, содержала только общедемократические и антифашистские требования, официально поддержать ее согласились лишь представители левого крыла Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС), левого крыла Болгарской рабочей социал-демократической партии (БРСДП) и группы «Звено»⁸.

⁵ Значительные слои болгарской буржуазии экономически были связаны с Англией и Францией. Для них, и в частности для самого крупного финансового центра БТБ, поворот внешнеполитической и хозяйственной ориентации в сторону Германии был нежелательным. Кроме того, политика германского империализма, направленная на превращение Болгарии в свой аграрно-сырьевой придаток, приводила к свертыванию целых отраслей промышленности, отчего также страдали определенные круги болгарской буржуазии (см. А. Ч а к а л о в. Формы, размер и дейность на чуждих капитал в България. София, 1962, стр. 105—106).

⁶ «История на Българската комунистическа партия». София, 1969, стр. 6.

⁷ Компартия была поставлена вне закона в 1923 г., а в 1934 г. последовало запрещение всех политических партий Болгарии. Однако в той или иной форме буржуазные и мелкобуржуазные партии сохранили свои руководящие центры, хотя организационно эти партии были распущены.

⁸ «Звено» — немногочисленная политическая группа, имевшая связи с буржуазной интеллигенцией и офицерством.

Лидеры других политических группировок предпочитали занимать выжидательную позицию.

Но и представители тех партий, которые поддерживали коммунистов и вошли в состав Отечественного фронта, проявляли непоследовательность, колебания. Вполне закономерно поэтому, что решающая роль в Отечественном фронте принадлежала коммунистам. Политическое влияние коммунистов было преобладающим по всей стране, за ними в первую очередь шли массы. БРП(к), поддержанная большинством населения, выступала как главная руководящая политическая сила борьбы болгарского народа за свое национальное и социальное освобождение.

Кульминационным пунктом этой борьбы явилось восстание 9 сентября 1944 г. Оно началось под общедемократическими антифашистскими лозунгами, выдвинутыми программой Отечественного фронта. Но почти повсеместно восстание сразу же стало перерастать рамки борьбы с гитлеровцами и их болгарскими прислужниками и приобрело остро социальный характер. Об этом свидетельствуют случаи захвата рабочими предприятий и попытки наладить на них производство, первые опыты по перераспределению земли в деревне, факты наказания трудящимися предателей болгарского народа и т. п.

Комитеты Отечественного фронта, образовавшиеся в предыдущие годы и только что созданные, в ходе восстания 9 сентября стали превращаться в органы власти на местах: они проводили в жизнь первые декреты нового правительства, осуществляли аресты фашистов и их пособников, сменяли должностных лиц, контролировали деятельность предприятий и т. п.

Болгарская рабочая партия (коммунистов) имела в комитетах ОФ доминирующее положение: 80—90% членов этих комитетов были коммунистами. 9 сентября 1944 г. из подполья вышло 12—15 тыс. организованных коммунистов и около 20 тыс. членов Рабочего молодежного союза (РМС)⁹. Ни одна буржуазная или мелкобуржуазная партия не имела столь крешкой организации.

В массах партия болгарских коммунистов имела огромное влияние. В материалах орготдела ЦК БРП(к) отмечается: «... влияние партии на болгарский народ огромно. Среди пролетариата она имеет господствующее влияние. Среди рабочих частного производства она является единственной политическим авторитетом. Там не существует никаких партийных организаций, кроме организаций БРП(к). Громадное влияние имеет партия среди железнодорожников, шахтеров, почтовиков, докеров и др. В некоторых местах в этих отраслях имеют влияние социал-демократы, главным образом среди руководящего персонала, как, например, на железной дороге и почте. Во многих сельских районах наша партия имеет преобладающее влияние среди крестьянской массы. Но в основном среднее и крупное крестьянство находится под большим влиянием земледельческой партии «Врабча I» и «Пладне»¹⁰.

Какая же тактическая линия вытекала для болгарских коммунистов из сложившейся внутри- и внешнеполитической обстановки?

⁹ «Работническо дело», 19 III 1945 г. В публикации документов, подготовленной М. Горановой, приводятся несколько иные данные: в протоколе заседания Политбюро ЦК БРП(к) от 17 октября 1944 г. говорилось, что численность партии до 9 сентября составляла 7—8 тыс. членов (без заключенных в тюрьмах и концлагерях) (М. Г о р а н о в а. Начални стъпки в организационното укрепване на БКП (IX 1944 — II 1945). «Известия на Института по история на БКП», т. 21, София, 1969, стр. 333). В информации орготдела ЦК БРП(к), посланной в ноябре 1944 г. Тр. Костовым в Москву Г. М. Димитрову, отмечается: «Наша партия до 9 сентября 1944 г. насчитывала всего 8—9 тыс. членов». (Там же, стр. 352—353.)

¹⁰ Там же, стр. 338—339. Материал датирован 19 октября 1944 г.

Болгарии, являвшейся до сентября 1944 г. союзником гитлеровской Германии, предстояло заключить перемирие с государствами антифашистской коалиции и как можно скорее включиться в войну против Германии: только внося свой вклад в разгром гитлеризма, новая Болгария могла обеспечить себе достойное место в послевоенном мире. Однако для вступления в войну необходимо было в кратчайший срок реорганизовать армию, используя при этом и патриотически настроенную часть офицерства. Для воюющей страны, кроме того, нужен был прочный тыл, немедленное переключение экономики на военные рельсы, организация труда под лозунгом «все для фронта, все для победы».

В этих условиях БРП(к) не ставила непосредственно социалистических задач, чтобы не оттолкнуть от Отечественного фронта антифашистски настроенную часть буржуазии и офицерства, ибо это помешало бы осуществлению самой важной в тех условиях задачи — участию Болгарии в разгроме международного фашизма.

Легко было предвидеть и осложнения международного характера. Отход от участия в Отечественном фронте буржуазных группировок, выражавших готовность поддержать программу демократических преобразований, не только поставил бы под сомнение признание Болгарии со стороны США и Англии (последние открыто заявляли, что признают в освобожденных странах только такие правительства, в которых будут представлены все так называемые демократические силы, не запятнавшие себя сотрудничеством с фашизмом), но и мог вызвать обострение отношений между основными партнерами по антигитлеровской коалиции. В условиях еще не завершившихся военных действий против отчаянно сопротивлявшегося гитлеризма естественным было стремление к укреплению антигитлеровской коалиции, а не к ее ослаблению.

Поэтому после 9 сентября 1944 г. БРП(к) не отказывается от платформы общедемократической, антифашистской борьбы, а, наоборот, расширяет и углубляет ее с целью максимального сплочения всех демократических сил страны для борьбы против международного и внутреннего фашизма, с целью закрепления и расширения своего влияния на массы.

Формулируя свою политическую программу, ЦК БРП(к) 12 сентября 1944 г. обратился к низовым организациям с циркуляром № 5, в котором указывалось, что важнейшей политической задачей болгарских коммунистов в условиях «победоносной антифашистской революции» является всестороннее укрепление власти ОФ. «Наша программа, — говорилось в этом документе, — специально подчеркивает, что на настоящем этапе борьбу нужно вести только на основе платформы ОФ. Всякий выход за рамки этой платформы подрывает дело народно-освободительной борьбы и представляет собой услугу классовому врагу»¹¹.

Отечественный фронт был наиболее приемлемой для осуществления принятой БРП(к) тактикой формой организации политических сил в Болгарии. Коммунисты были основной силой ОФ на всем протяжении освободительной борьбы болгарского народа, они сохраняли руководящую роль в ОФ и во всех начинаниях нового народно-демократического государства. Характерно, что деятельность политических партий вне ОФ была запрещена. Попытка представителей прежних радикальной и демократической партий, в свое время отвергших программу ОФ, вновь конституироваться и войти в ОФ уже после 9 сентября 1944 г. не была поддержана Национальным комитетом ОФ (НК ОФ).

В декларации центральных органов партий ОФ об отношениях между ними от 12 октября 1944 г. говорилось: «В ОФ могут быть приняты только

¹¹ «Отечествен фронт», 14 IX 1944; «Работническо дело», 19 IX 1944 г.

те политические организации, которые активно участвовали в борьбе против фашизма и до 9 сентября. Другие партии и организации, оказавшиеся в решительный момент борьбы на стороне фашизма, не могут быть допущены в ОФ»¹². Таким образом, состав ОФ был ограничен; вне политической жизни должны были остаться все организации, стоявшие до 9 сентября 1944 г. в стороне от народно-освободительной борьбы.

Внутри же ОФ, несмотря на разную степень влияния партий в массах, определяющим становился принцип паритетного представительства.

Это касалось прежде всего Совета министров. Вопрос о представительстве партий в правительстве и персональном составе кабинета был решен еще до вооруженного восстания на совещании руководителей партий ОФ, и соответствующее решение было принято по предложению представителей БРП(к)¹³. В результате 16 министерских портфелей первого правительства народной Болгарии были поделены поровну между представителями БРП(к), БЗНС, «Звена»; БРСДП и так называемые «независимые» получили по два места. Кроме того, им были поручены министерство здравоохранения и пост министра без портфеля.

Сильными оказались позиции группы «Звена»: в первом правительстве ОФ премьер-министром стал ее представитель Кимон Георгиев, члены группы «Звено» возглавили военное министерство, министерство пропаганды, а также министерство иностранных дел.

Передача руководства внешнеполитической деятельностью в руки «Звена» базировалась, по-видимому, на традиционной антигерманской линии этой группы и ее ориентации на Советский Союз, обстоятельства, очень важных в тот момент для судеб Болгарии. Но в целом весьма значительная роль «звенарей» в правительстве не соответствовала их небольшому влиянию в массах.

Представители БЗНС возглавили министерство сельского хозяйства, министерство благоустройства и министерство железнодорожного транспорта. Им принадлежал также один пост министра без портфеля.

Социал-демократы встали во главе министерства торговли и промышленности и министерства социального обеспечения. Два «независимых» получили портфели министра финансов и министра просвещения¹⁴.

Таким образом, хотя коммунисты по-прежнему оставались решающей политической силой в стране, в коалиционном правительстве их влияние не было безраздельным, большинство в Совете министров принадлежало партнерам коммунистов по ОФ. Это обстоятельство стало приобретать существенное значение с течением времени, по мере усиления реакционных элементов внутри БЗНС, БРСДП и «Звена», оказывавших влияние на руководство своих партий и их представителей в Совете министров, по мере углубления классово-борьбы в стране. Не самым удачным оказался, кроме того, личный состав кабинета. Только на протяжении одного года семь членов правительства (из 16) проявили себя активными врагами не только коммунистического, но и всего демократического движения ОФ.

Специфична роль, которую после 9 сентября 1944 г. стал играть Национальный комитет ОФ. В нем также равным образом были представле-

¹² «Установяване и укрепяване на народно-демократическата власт. Септември 1944 — май 1945». Сборник документи. София, 1969, стр. 214.

¹³ В. Захаров. Националният комитет на Отечествения фронт и централните държавни органи (1944—1947). В сб. «Роля на социалистическото право през 25 години социалистическо строителство в НР България». София, 1969, стр. 277.

¹⁴ С. С. Вирюзов пишет, что эти двое только считались «независимыми», а фактически примыкали к правым группировкам. См. С. С. Вирюзов. Суровые годы. М., 1966, стр. 508.

ны все партии ОФ. НК ОФ не стал, как и комитеты ОФ на местах¹⁵, органом власти. Функции его в качестве совещательного органа определились к началу 1945 г. В специальном решении Политбюро ЦК БРП(к) говорилось по этому поводу следующее: «Предложения, с которыми выступает НК ОФ, не обязательны для правительства; оно может их изменить, но обязано прислушиваться к ним, принимать их в рамках целесообразного и возможного. В случае отклонения какого-либо предложения правительство должно объяснить причины своих действий»¹⁶. Хотя решения НК ОФ не обладали юридической силой, его широкая контрольно-координирующая деятельность имела большое общественное значение и затрагивала все области политической жизни¹⁷.

Следует упомянуть и регентский совет при малолетнем царе Симеоне (институт монархии сохранялся главным образом извнешнеполитических соображений). Одним из трех членов нового состава регентства был коммунист Тодор Павлов¹⁸.

Так была организована система центральных органов власти в новой народно-демократической Болгарии.

17 сентября 1944 г. премьер-министр К. Георгиев огласил правительственную программу¹⁹. В области внешнеполитической предусматривалось установление дружественных отношений с СССР и его союзниками по антифашистской коалиции, а также с новой Югославией и другими балканскими государствами. Во внутривластной части программы на первый план выдвигалась двуединая задача: восстановление демократических прав и свобод народа и ликвидация наследия фашизма в обще-

¹⁵ До 9 сентября 1944 г. болгарские коммунисты не исключали возможности превращения комитетов ОФ в органы государственной власти (см. «Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конференциите и пленумите на ЦК», т. III. 1924—1944. София, 1945, стр. 464). И хотя после победы восстания стихийно они становились таковыми, вскоре их функции были ограничены: главная задача комитетов ОФ сводилась к общественному контролю над деятельностью органов власти. Кроме того, они осуществляли политическую мобилизацию масс в поддержку мероприятий правительства, давали рекомендации местным властям и т. п.

¹⁶ Централен партиен архив на ЦК на БКП (далее — ЦПА), ф. 1, оп. 9, ед. хр. 2, л. 1.

¹⁷ Я. Радев. Държавни представителни органи в България. 1944—1947. София, 1965, стр. 16—19; В. Захаров, специально изучавший деятельность НК ОФ, считает, что следует различать роль решений НК ОФ, принятых на заседаниях его узкого состава и принятых на расширенных заседаниях, на которые приглашались руководители партий ОФ, министры, государственные и общественные деятели. НК ОФ расширенного состава (в каждом случае за счет разных лиц в зависимости от характера поставленного вопроса) не только и не столько оказывал помощь государственным органам в реализации их задач, что до сих пор в литературе считалось главной функцией НК ОФ, сколько сам ставил перед ними задачи, а также давал им руководящие указания для их осуществления. «Нельзя указать ни одного примера из практики НК, — пишет В. Захаров, — когда бы предложения, указания, рекомендации, пожелания и т. п., принятые на совместных расширенных заседаниях, были бы игнорированы и не учитывались соответствующими государственными органами». Решения же НК узкого состава, по его мнению, были лишь актами помощи и содействия: «В практике НК известны случаи, когда государственные органы под тем или иным предлогом игнорировали его указания и рекомендации, и в таких случаях НК должен был вести настойчивую борьбу за выполнение своих решений» (В. Захаров. Там же, стр. 296—297).

¹⁸ С. С. Бирюзов, возглавлявший Союзную контрольную комиссию (СКК) в Болгарии и имевший возможность непосредственно наблюдать политическую жизнь страны, пишет, что от деятельности регентского совета в определенной мере зависело направление развития политических событий. «Один из трех членов этого совета был замечательный коммунист профессор Тодор Павлов. Два других — профессор Ганев и Бобошевский — принадлежали к лагерю либеральной буржуазии и нередко становились на сторону реакции. Что и говорить, нелегко было Т. Павлову проводить линию БРП(к) в регентском совете!» (С. С. Бирюзов. Там же, стр. 507).

¹⁹ «Отечествен фронт», 18 IX 1944 г.

ственной и политической жизни страны (отмена всех чрезвычайных законов, предание народному суду военных преступников, амнистия борцам за народную свободу, чистка государственного аппарата от антинародных элементов, создание новой администрации и т. п.).

Экономическая часть программы была разработана подробно, но недостаточно четко. Она провозглашала уничтожение «экономически и социально вредного посредничества», частных монополий и их привилегий, создание государственных монополий, уничтожение «паразитической промышленности». Подобные формулировки недостаточно ясно характеризовали отношение народно-демократической власти к частной собственности, и впоследствии потребовались специальные разъяснения по этому вопросу. В программе провозглашалось поощрение кооперативного движения, ограничение максимального размера земельной собственности; снижение косвенного налогообложения, конфискация приобретенных во время войны путем спекуляции доходов и имущества; кодификация трудового законодательства и социального страхования, обеспечение всех трудящихся работой, установление минимума заработной платы и т. д. Предусматривались мероприятия в области просвещения и культуры, здравоохранения, правосудия.

Как видим, программа первого правительства ОФ имела общедемократический, антифашистский характер. Полное ее осуществление революционными силами во главе с коммунистами создавало важные предпосылки для движения страны к социализму.

БРП(к), выступив инициатором немедленной реализации правительственной программы, выдвинула на первый план задачу борьбы с международным и внутренним фашизмом. Конкретно это означало стремление добиться активного участия Болгарии в войне против гитлеровской Германии и заключения перемирия с государствами антигитлеровской коалиции, ликвидировать корни фашизма в стране, сломать фашистский государственный аппарат и заложить основы нового, демократического аппарата.

Как показали дальнейшие события, решение самой жизнью поставленных перед болгарским народом задач стало возможно лишь благодаря тому, что именно коммунисты заняли важнейшие внутривластные позиции в государстве.

Так, для успешного ведения Болгарией войны необходимо было быстро преобразовать армию. Генералитет, связанный с царским двором, фактически был устранен еще в ходе восстания 9 сентября. Активную роль в этом сыграли солдатские комитеты. Сразу же после победы революции по инициативе БРП(к) началась чистка офицерского состава: в армии создавались специальные следственные комиссии, в которые входили представители областных комитетов ОФ и представители повстанческих отрядов²⁰. В результате чистки было уволено свыше 2 тыс. реакционных офицеров²¹. Позже взамен распущенных солдатских комитетов в армии был введен институт помощников командиров, которые по существу выполняли функции комиссаров. Без их согласия не могло проводиться ни одно мероприятие, в их обязанности входило политическое воспитание бойцов и офицеров, контроль за деятельностью командного состава.

Большое значение для демократизации армии имело слияние регулярных частей с партизанскими отрядами. При этом почти 800 командирам и бойцам партизанских отрядов были присвоены офицерские звания

²⁰ Там же, 21 IX 1944 г.

²¹ Г. М а н а ф о в. Към въпроса за смазване съпротивата на буржоазията в НР България. «Исторически преглед», 1962, № 2, стр. 7.

и они заняли командные должности в армии²². В народной армии было много коммунистов и членов РМС²³. Хотя среди офицеров оставалось еще немало притаившихся реакционеров, такая армия уже могла воевать на стороне союзных держав против гитлеровской Германии. 8 октября 1944 г. реорганизованная болгарская армия начала военные действия, стремясь совместно с Народно-освободительной армией Югославии отрезать гитлеровцам пути отступления из Греции. Этот факт имел огромное политическое значение: он создавал основу для переговоров с союзными державами о перемирии. 28 октября 1944 г. соглашение о перемирии было заключено.

Для внутриполитического развития страны большое значение имело принятие специального закона о роспуске всех фашистских организаций и конфискации их имущества. Часть наиболее реакционных фашистских лидеров бежала из Болгарии вместе с гитлеровцами. Центром их деятельности стала Вена, где фашист А. Цанков пытался, без особого, правда, успеха, сгруппировать вокруг себя контрреволюционеров и связаться с фашистским подпольем в Болгарии.

В течение первого года своего существования народно-демократической власти удалось раскрыть ряд фашистских заговоров²⁴. Но в целом фашистское подполье внутри страны было относительно слабым. Между отдельными немногочисленными группами отсутствовали связи. Их участниками чаще всего была молодежь из распущенных фашистских организаций. К тому же международная обстановка на рубеже 1944—1945 гг. была крайне неблагоприятной для деятельности болгарских фашистов, ушедших в подполье или укrywшихся за пределами страны.

Большую роль в борьбе с внутренним фашизмом сыграл быстрый и сильный удар, нанесенный народно-демократической властью по фашистской реакционной верхушке. В соответствии с законом о народном суде над виновниками вовлечения Болгарии в мировую войну на стороне фашистской Германии и связанных с нею злодеяний²⁵ в стране с декабря 1944 г. по апрель 1945 г. было проведено 137 судебных процессов. Народные суды, формировавшиеся при активном участии комитетов ОФ, вынесли суровые, но справедливые приговоры фашистским преступникам²⁶.

Кроме того, министр внутренних дел народно-демократического правительства получил право направлять в специальные лагеря бывших сотрудников полиции и активных участников фашистских организаций, в результате чего с 9 сентября 1944 г. по 23 апреля 1945 г. они подверглись принудительной изоляции.

Этими мерами была обезврежена та часть политической реакции, которая была связана с фашизмом и гитлеризмом²⁷. Решению этой задачи содействовала быстрая и оперативная работа министерства внутренних дел и министерства юстиции.

Коммунисты, возглавив министерство внутренних дел, смело приступили к слому этой части прежнего государственного аппарата. В министерстве была произведена полная смена персонала: почти 30 тыс.

²² «Отечествен фронт», 9 IX 1944; А. С е м е р д ж и е в. Армия на социалистическата революция в България. София, 1969, стр. 18.

²³ «Работническо дело», 18 IX 1944 г.

²⁴ К лету 1945 г. в стране было раскрыто свыше 50 конспиративных групп («Работническо дело», 22 VI 1945). См. также: И. П е т р о в. Класовата борба и съотношението на силите у нас след въстанието на 9 септември. «Народни съвети», 1950, № 5, стр. 274—275.

²⁵ Закон был принят в конце сентября 1944 г. «Държавен вестник», 6 X 1944 г.

²⁶ Централен държавен архив на НРБ (далее — ЦДА на НРБ), ф. 28, оп. 1, ед. хр. III, л. 39.

²⁷ Г. М а н а ф о в. Там же, стр. 10.

служащих его были заменены в течение всего нескольких дней²⁸. Царская полиция и жандармерия были распущены. Одновременно была создана народная милиция. В ее состав вошли главным образом члены БРП(к), РМС и другие участники партизанского движения. К лету 1945 г. численный состав милиции равнялся примерно 10—15 тыс. человек. В руках коммунистов находились также органы государственной безопасности. Кроме того, каждый начальник местного органа государственной безопасности должен был обладать и соответствующей политической подготовкой²⁹.

В министерстве юстиции в первые же недели после 9 сентября была ликвидирована несмешаемость прокуроров и судей. Уже 28 сентября 1944 г. в газете «Отечествен фронт» сообщалось, что 77 работников правосудия из 618, имевшихся в стране, уволено. А в докладе министра юстиции премьер-министру о мероприятиях по выполнению программы ОФ, проведенных с 9 сентября 1944 г. по 22 февраля 1945 г., говорилось об увольнении за это время более 25% всего судейского персонала³⁰.

Для проведения в жизнь распоряжений правительства огромное значение имело то, что органы местной власти в основном находились в руках коммунистов и формировались под контролем министерства внутренних дел. Вплоть до окончания войны правительство назначало директоров областей, представлявших центральную власть; были назначены также кметы областных центров. В обсуждении их кандидатур участвовали представители областных комитетов ОФ. Вся остальная администрация на местах назначалась областными директорами и околийскими управлениями при содействии соответствующих комитетов ОФ³¹. В результате, как явствует из таблицы, в местных органах власти преобладающим было влияние коммунистов.

В комитетах ОФ главенствующая роль также принадлежала БРП(к). К весне 1945 г. больше половины членов комитетов — 53,8% — были коммунистами³².

Т а б л и ц а

Соотношение политических сил в административном аппарате (весна 1945 г.)

	Всего	БЗНС	БРСДП	«Звено»	Беспартийные	БРП(к)
Областные директора	9	3	1	2	—	3 (33,3%)
Околийские управители	93	23	—	—	—	70 (75,3%)
Городские кметы	84	41	2	2	6	63 (75,0%)
Сельские кметы (неполные сведения)	1165	437	8	2	32	979 (92,6%)
Заместители сельских кметов	2591	540	3	5	—	1763 (68,0%)

²⁸ П. Остич. БКП и изграждането на народно-демократическата държава. 9 септември 1944 — декември 1947. София, 1967, стр. 72.

²⁹ П. Иванов. Създаване на органите на държавна сигурност и тяхната дейност за укрепване на народната власт (9 IX 1944—VI 1945). «Научни трудове на Висшата партийна школа „Станке Димитров“», № 31, отдел история. София, 1967, стр. 66, 71.

³⁰ «Установяване и укрепване на народно-демократическата власт...», стр. 519. В дальнейшем процесс чистки аппарата органов юстиции несколько замедлился. В июле 1945 г. Политбюро ЦК БРП(к) вынуждено было специально обсуждать вопрос о необходимости замещения всех руководящих постов в этом ведомстве коммунистами или во всяком случае верными сторонниками ОФ (ЦПА, ф. 1, оп. 9, ед. хр. 48, л. 9).

³¹ «Отечествен фронт», 18, 22 IX 1944 г.

³² В. Захаров. Към въпроса за разбиването на буржоазната държавна машина в България и своеобразие на неговото разрешаване. В сб. «Въпроси на държавата и правото при разгрънатото строителство на социализма в НР България». София, 1964, стр. 211.

Таким образом, в местных органах власти коммунистам после победы восстания 9 сентября принадлежало большинство. Особенно важным для оперативного выполнения задачи борьбы с внутренней реакцией было то, что органы принуждения также находились в руках БРП(к). Хотя в основном их деятельность направлялась против предательских или фашистских элементов, в ряде случаев, особенно на местах, она распространялась и на представителей класса буржуазии вообще, так что органы принуждения фактически выполняли функции, свойственные этим органам в системе диктатуры пролетариата.

Однако таким положение было далеко не во всех сферах государственной и политической жизни. Министры — члены БЗНС, «Звена», БРСДП стремились превратить возглавляемые ими министерства в опорные пункты своих партий³³; многие из них не только не торопились с осуществлением правительственной программы, но вскоре перешли к ее прямому саботажу. Так было, в частности, с чистой государственного и хозяйственного аппарата от фашистских элементов. Чистка явилась одним из радикальных средств коренного изменения социально-классового характера государственных органов. И хотя в 1944—1945 гг. она была направлена главным образом против фашистских элементов, тем не менее с первых же дней существования новой власти в связи с чистой разгорелась острая классовая борьба.

Министры, выражавшие в правительстве интересы буржуазных слоев, добились издания постановления, которое запрещало комитетам ОФ назначать чиновников без согласия соответствующих ведомств. В одном из параграфов этого постановления говорилось, что чиновники, назначенные на должность комитетами ОФ, должны «... немедленно передать ее своим предшественникам». В специальном разъяснении НК ОФ по этому поводу указывалось, что речь ни в коем случае не может идти о передаче должностей фашистским чиновникам. Вместе с тем НК ОФ соглашался, что подбирать кандидатуры служащих должны соответствующие министерства³⁴.

Особые трудности возникли при проведении чистки в армии³⁵, министерствах социальной политики, земледелия, финансов, руководство которыми находилось в руках правых «земледельцев» и социал-демократов. Под их покровительством в этих органах государственного аппарата укрылось немало фашистских и реакционных элементов, изгнанных из других учреждений.

Отношения между партиями ОФ были сложными. Едва конституировавшись в сентябре-октябре 1944 г., партии — партнеры БРП(к) по Отечественному фронту, несмотря на их значительно меньшее по сравнению с БРП(к) участие в народно-освободительной борьбе, стали требовать равного представительства в органах власти, милиции, комитетах ОФ. Руководящие центры БЗНС, «Звена», БРСДП стали прилагать усилия для максимального увеличения численности своих партий и, следовательно, для повышения удельного веса их в политической жизни страны. В БЗНС, «Звено», БРСДП всех желающих принимали без всякой проверки, что позволило сотням реакционеров, участникам распущенных фа-

³³ Ц. Драгойчева. Доклад, направен пред I национален конгрес на отечественофронттовските комитети в страната, състоял се на 9 до 12 март 1945 г. София, 1945, стр. 22.

³⁴ В. Захаров. Там же, стр. 213.

³⁵ В результате деятельности реакционеров в армии, в том числе военного министра Д. Велчева, в военном министерстве сумела укрыться большая часть из 150 военно-служащих, которые подлежали преданию народному суду (И. Пейков. Подготовка, проведение и значение на народния съд през 1944—1945 гг. «Исторически преглед», 1964, № 2—3, стр. 157—158).

шистских организаций, прикрыться удостоверением члена одной из партий ОФ. Правый реакционный деятель Г. М. Димитров (Гемето), возглавивший БЗНС, отдал распоряжение местным организациям содействовать приему в союз бывших ратников, легионеров и пр. В результате в БЗНС устремились реакционеры, ранее входившие в фашистские организации, а также все недовольные преобладанием коммунистов в политической жизни страны.

Примерно то же происходило в «Звене» и БРСДП. Быстрый рост этих партий (к маю 1945 г. БЗНС насчитывал до 350 тыс. членов, народный союз «Звено» — так стала называться эта партия (НС «Звено») — до 9 тыс.³⁶, БРСДП — 12—15 тыс. членов³⁷) сопровождался усиленным проникновением в их ряды реакционных элементов³⁸ и вскоре внутри каждой из них начался процесс размежевания сил. Руководство всех этих трех партий оказалось в руках правых группировок, что не могло не оказывать влияния на политику БЗНС, НС «Звено», БРСДП.

Конечно, не реакционные элементы составляли массовую базу некоммунистических партий ОФ. В БЗНС входили самые широкие слои крестьянства, включая значительную часть бедняков. БРСДП объединяла главным образом служащих, остальные слои рабочих, ремесленников, небольшое число крестьян. Все они были искренними сторонниками ОФ. Что касается НС «Звено», то эта партия стала складываться как партия средней, а частично и крупной промышленной буржуазии³⁹. В нее вошли не только офицеры, интеллигенты, но и многие активные деятели запрещенных правых партий, представители крупного капитала. В НС «Звено» вливались кадры «народняков», одной из самых реакционных буржуазных партий старой Болгарии. За короткий срок «звенари» сумели создать целую сеть своих организаций, в том числе во многих деревнях.

Вначале каждая из этих партий заявляла, что ее программа совпадает с программой ОФ; каждая из них стремилась подчеркнуть, что именно ее программные установки составили основное содержание платформы ОФ от 17 сентября 1944 г.⁴⁰ Но постепенно с усилением дифференциации внутри партий, с появлением левых и правых течений в них все чаще стали раздаваться голоса о том, что каждая из этих партий нуждается в отдельной программе, хотя и опирающейся на платформу ОФ.

Итак, в результате восстания 9 сентября 1944 г., положившего начало социалистической революции, в Болгарии установилась народно-демократическая власть. Ее своеобразие заключалось в том, что политиче-

³⁶ По сведениям, которые приводит болгарский историк И. Димитров, НС «Звено» в начале 1945 г. насчитывал примерно 14—15 тыс. членов (И. Д и м и т р о в. Народен съюз «Звено» 1 X 1944—19 II 1949. «Исторически преглед», 1970, № 5, стр. 6).

³⁷ В сентябре 1944 г. ЦК БРСДП издал циркуляр, предписывавший быстрое организационное оформление членов БРСДП и их единомышленников, немедленное создание сети местных организаций. Однако в организационном отношении партия долгое время оставалась слабой. Деятельность местных ячеек ограничивалась проведением собраний с просветительными целями. Партийных кадров не хватало настолько, что далеко не всюду БРСДП имела возможность делегировать своих представителей в комитеты ОФ, в органы власти и т. п. Вопросами организационного укрепления БРСДП специально занимался только в октябре 1945 г. (П. О с т о и ч. Идейното и организационното развитие на БРСДП от 9 IX 1944 до 5 VIII 1945. «Известия на Института по история на БКП», т. 21. София, 1969, стр. 97, 100, 123).

³⁸ ЦПА, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1, л. 26.

³⁹ См. И. Д и м и т р о в. Народен съюз «Звено»..., стр. 8.

⁴⁰ «Земеделско знаме», 6 XII 1944; «Изгрев», 9 X 1944; «Народ», 4 XI 1944 г. И. Димитров подтверждает: «Задачи, зафиксированные программой (17 сентября 1944 г.— Р. Г.), можно обнаружить в той или иной форме в специальных программных документах буржуазных и мелкобуржуазных партий Отечественного фронта» (И. Д и м и т р о в. Провалът на контрреволюционния пристъп срещу народно-демократическата власт в края на 1944. Известия на БИД, кн. XXV. София, 1967, стр. 12).

ское руководство в центре и на местах, а также очень важные позиции в органах государственной власти (причем в провинции в большей мере, чем в центре) принадлежали партии рабочего класса. Органы принуждения целиком находились в руках коммунистов. Борясь с враждебными новому государству элементами, главным образом фашистскими или профашистскими, эти органы фактически выполняли функции, свойственные им в системе диктатуры пролетариата. Все это, а также запрещение деятельности ряда буржуазных партий и руководящая роль коммунистов в ОФ позволяет говорить о том, что установившаяся в 1944 г. в Болгарии народно-демократическая власть уже заключала в себе элементы диктатуры пролетариата. Естественно, что процесс установления и укрепления диктатуры пролетариата был длительным. В отчетном докладе VII съезду БКП (1958 г.) Т. Живков в качестве своеобразной черты социалистической революции в Болгарии отметил то обстоятельство, что «рабочий класс во главе с коммунистической партией, в союзе с трудовым крестьянством, установил и укрепил свою диктатуру в форме народной демократии не сразу, не одним ударом, а постепенно, в процессе острой классовой борьбы (не гражданской войны), которая в 1947 г. увенчалась национализацией промышленности»⁴¹.

Общим для развития революционного процесса в странах Центральной и Юго-Восточной Европы было участие политических партий буржуазии в народных фронтах, что давало буржуазии определенный доступ к власти. Болгария относилась к группе стран, в которых представительство капитала в органах власти было сравнительно невелико⁴²: определенный доступ к власти (в различной степени в разных сферах государственного управления) имела мелкая буржуазия через БЗНС и БРСДП, а также средняя, и частично крупная буржуазия через НС «Звено». И хотя коммунистам принадлежала ведущая роль во всех областях общественной-политической жизни страны, представители буржуазии не могли не стремиться к тому, чтобы проводить свою классовую политику, а она во многом отличалась от политики ОФ. Правда, добиваться реставрации прежних порядков они не имели возможности из-за неблагоприятного для себя соотношения сил внутри страны. Кроме того, присутствие Красной Армии на территории Болгарии удерживало реакцию от активных контрреволюционных выступлений. Свою роль играла также деятельность Союзной контрольной комиссии⁴³. Но, сохраняя известные позиции в органах власти, представители буржуазии имели возможность срывать и тормозить осуществление ряда важных мероприятий, намеченных правительственной программой. Эти действия, направлявшиеся отдельными членами Совета министров, осуществлялись не от случая к случаю, а систематически, и в конце концов складывались в определенную линию, в реакционную буржуазную классовую политику. Вначале ее главной задачей было сорвать чистку государственного аппарата, затем — осуществление экономической программы ОФ⁴⁴.

⁴¹ «VII конгрес на Българската комунистическа партия. Стенографски протокол». София, 1958, стр. 110.

⁴² См. подробнее: Р. П. Г р и ш и н а. К проблеме народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1944—1945). «Советское славяноведение», 1969, № 2.

⁴³ Главным направлением деятельности СКК была «суровая борьба с фашистскими стремлениями реакционно-буржуазных группировок» (С. С. Б и р ю з о в. Там же, стр. 486).

⁴⁴ Юрист В. Захаров, исследовавший проблему с несколько иной точки зрения, пишет: «Представители ее (буржуазной оппозиции. — Р. Г.) в Совете министров приняли тактику саботажа демократических преобразований, провозглашенных в правительственной программе. Особенно сопротивлялись они решению революционного

В конце ноября — начале декабря 1944 г. реакционеры предприняли первую попытку силой навязать правительству свою линию.

К этому времени разногласия между БРП(к) и руководством других партий ОФ, недовольных преобладающим влиянием коммунистов в комитетах ОФ и административном аппарате, строгими мерами в отношении военных и фашистских преступников, чисткой аппарата, ориентацией на Советский Союз, проявились в открытой форме. Лидер БЗНС реакционер Гемето и его сподвижники развернули массовую кампанию, сея недовверие к коммунистам, настраивая крестьян против рабочих, организуя бунты в действующей армии. В правительстве министры от БЗНС Н. Петков и Б. Бумбаров блокировались с Д. Велчевым («Звено») против коммунистов⁴⁵.

Политический кризис вспыхнул в связи с принятием Советом министров так называемого постановления № 4, которое создавало лазейку для обхода закона о народном суде. Это постановление было немедленно использовано военным министром Д. Велчевым для попытки освобождения из-под ареста фашистских военных преступников — генералов и офицеров. Кроме того, на основании этого постановления Велчев издал специальный приказ, обязывающий офицеров принять меры к личной обороне, с оружием в руках сопротивляться любой попытке «незаконного» задержания, передвигаться только группами и при оружии; во всех гарнизонах военный министр приказывал создать комендантские взводы охраны⁴⁶. Он распорядился также «взять под охрану» все правительственные учреждения и в первую очередь — правительственную радиостанцию⁴⁷.

В этих условиях Политбюро ЦК БРП(к) обратилось непосредственно к трудящимся всей страны с разъяснением смысла выступления сил, недовольных коммунистами⁴⁸. По призыву коммунистов на защиту завоеваний 9 сентября поднялись широкие массы болгарского народа. По стране прошла волна митингов и демонстраций, в которых приняли участие сотни тысяч людей. Движение в поддержку БРП(к), за отмену постановления № 4 и за суровое наказание фашистских преступников стало всенародным. В адрес правительства были направлены тысячи резолюций с требованием последовательного выполнения программы ОФ. Негодование трудящихся было так велико, выступление в поддержку БРП(к) столь массовым, что реакция вынуждена была отступить. Более того, декабрьские события вызвали кризис и внутри БЗНС, его лидер Гемето вынужден был уйти в отставку⁴⁹.

Декабрьские события явились своего рода итогом развития революционного процесса на протяжении первых трех месяцев существования народно-демократической власти. За этот период вполне определились, с одной стороны, глубина революционных преобразований, начало которым было положено победой восстания 9 сентября, а с другой — отношение к ним реакционной части буржуазии. Вместе с тем декабрьский кризис отразил тот факт, что реакционные элементы были не в состоянии изменить соотношение сил в свою пользу. Кризис завершился крупной политической победой БРП(к) и показал, что решительные действия коммунистов, направленные на борьбу с внутренним фашизмом и реакцией

большинства руководства ОФ о проведении выборов в Народное собрание и о придании народно-демократическому управлению представительного характера» (В. З а р о в. Национальный комитет на Отечества фронт..., стр. 279).

⁴⁵ Г. М а н а ф о в. Там же, стр. 10.

⁴⁶ И. Д и м и т р о в. Провалът на контрреволюционния пристъп..., стр. 24.

⁴⁷ С. С. Б и р ю з о в. Советский солдат на Балканах, М., 1963, стр. 267.

⁴⁸ «Работническо дело», 4 XII 1944; «Отечествен фронт», 5 XII 1944 г.

⁴⁹ «Отечествен фронт», 24 I 1945; «Работническо дело», 30, 31 I 1945 г.

и на активное включение Болгарии в войну против гитлеризма, встречали понимание у большинства населения страны, рабочих и крестьян в первую очередь. Опираясь на поддержку масс, БРП(к) не собиралась ни на йоту отступить от достигнутого. Учитывая это, в специальной декларации, принятой после разрешения кризиса, Совет министров вынужден был подтвердить, что правительство «решительно и без колебаний продолжит борьбу против фашистских элементов для скорейшей и окончательной чистки государственного аппарата от фашистских саботажников и агентов»⁵⁰.

Вместе с тем из декабрьских событий делались определенные выводы. ЦК БРП(к), констатируя усиление контрреволюции в стране, указал на необходимость специальных мер для нанесения удара по ней: 17 декабря 1944 г. инспектора службы государственной безопасности отправились в области с устным приказом об аресте реакционеров, выступающих против ОФ, независимо от того, членами какой партии они являются. Этот приказ был немедленно выполнен по всей стране. Так, по фашизму и реакции в Болгарии был нанесен второй сильный удар⁵¹.

В условиях, когда БРП(к) приходилось пусть даже в малой степени делить власть с другими партиями, декабрьские события продемонстрировали первостепенное значение такого фактора, как преобладающее политическое влияние коммунистов. Было ясно, что необходимо максимальное укрепление этого влияния, его расширение и углубление. Поэтому после декабрьского кризиса столь большое внимание коммунисты уделяют теоретическим и практическим аспектам проблемы Отечественного фронта. В партийной печати и других материалах подчеркивалось, что ОФ, в котором роль политического и идейного руководителя играет БРП(к), должен превратиться в настоящую массовую организацию, опирающуюся на самые широкие и различные в социальном отношении слои населения. Но это расширение ОФ должно было произойти не за счет включения в него каких-либо новых партий, а за счет привлечения беспартийных общественных организаций, заинтересованных в скорейшей реализации платформы ОФ и поддерживающих в этом коммунистов. Георгий Димитров в январе 1945 г. говорил, что будущее Болгарии зависит исключительно от крепости Отечественного фронта. Он характеризовал его как «длительный боевой союз рабочих, крестьян, ремесленников и интеллигенции. В нем есть и должны быть представители патристических промышленников и торговцев»⁵². Только благодаря такой тактике можно было рассчитывать на то, что и в будущем никакие раскольнические действия некоторых руководителей партий ОФ не смогут получить массовой опоры.

В частности, коммунисты приняли меры в отношении состава комитетов ОФ.

Хотя комитеты ОФ должны были формироваться на паритетных началах, этот принцип мало где соблюдался, так как на первых порах ни одна партия, кроме БРП(к) не имела необходимых кадров. К тому же коммунисты на местах без особых симпатий относились к тем, кто еще недавно стоял в стороне от трудной борьбы, а после 9 сентября стремился участвовать в деятельности комитетов на равных правах с ними. Естественно, все это вызывало на местах большие споры и разногласия.

С целью максимального укрепления единства ОФ коммунисты после декабрьского кризиса согласились на то, чтобы паритетное представи-

⁵⁰ «Отечествен фронт», 14 XII 1944 г.

⁵¹ П. И в а н о в а. Създаване на органите на държавна сигурност..., стр. 92.

⁵² Г. Д и м и т р о в. Речи, доклады, статьи, т. 3. София, 1947, стр. 49—50.

тельство в комитетах ОФ стало обязательным и чтобы все комитеты, где это условие не было соблюдено, подверглись реорганизации.

Но самой важной для превращения ОФ в широкое массовое движение была та огромная работа, которую в последующие месяцы развернули коммунисты в различных общественных организациях. Особенно большой размах она приобрела после VIII пленума ЦК БРП(к), состоявшегося в марте 1945 г. Это помогло коммунистам не только сохранить свое политическое преобладание в массах, но укрепить и расширить его, что имело существенное значение для дальнейшего развития революционного процесса.

Первые месяцы существования народно-демократической власти в Болгарии были весьма важны для проверки практикой коммунистической политики народного фронта в новых по сравнению с периодом народно-освободительной борьбы условиях — условиях, когда народный фронт овладевает властью. Опыт Болгарии после 9 сентября 1944 г. явился подтверждением правильности политики народного фронта в целом. Он показал, что его национальная форма — Отечественный фронт — удачно найдена для условий этой страны, а необходимость некоторой коррекции политики народного фронта в ходе ее реализации отвечает требованию более глубокого выявления самой ее сути.

Т. А. КУРИУНЬЯН

«ПАКТ ЧЕТЫРЕХ» И ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Буржуазные историки и публицисты, извращая или замалчивая исторические факты и документы, пытаются снять с правящих кругов Запада ответственность за преступное поощрение агрессивного германского империализма, за подталкивание его на Восток — против Советского Союза и малых государств Восточной Европы. Однако факты неопровержимо свидетельствуют, что уже так называемый пакт четырех держав 1933 г. был первой попыткой западной дипломатии «откупиться» от германских агрессоров, пожертвовав интересами малых стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Попытки империалистических кругов Запада вовлечь Германию в антисоветский блок государств — «европейскую директорию» — предпринимались задолго до тридцатых годов. Как известно, еще творцы Локарнского договора стремились отвести германскую экспансию от Западной Европы и направить ее на Восток.

В начале 1933 г. с новой инициативой в этом направлении выступил Муссолини. Хотя Италия имела постоянное место в Совете Лиги Наций и была инициатором Локарнского договора, правящие итальянские круги не скрывали своих ревизионистских стремлений¹. В Риме демонстративно подчеркивали симпатии к гитлеровской Германии с явной целью припугнуть Францию. Муссолини начал активно поддерживать не только требование Германии равенства в вооружениях, но и ее территориальные домогательства. Он связывал с усилением Германии возможность нейтрализовать французское влияние на континенте. Итальянская печать не делала секрета из намерений и планов своего правительства. Она открыто обвиняла Францию в «раздроблении Центральной Европы на множество мелких государств». В начале февраля 1933 г. одна из газет, в частности, писала: «Словения, Хорватия и Далмация имеют с Италией много общих интересов первостепенной важности. С другой стороны, Богемия и польские области связаны крупными общими интересами с Германией. Тем не менее, вопреки интересам своих вассалов Франция делает их предметом политической игры и поддерживает эти страны против Италии и против Германии»².

Борьба против французской гегемонии в Европе, а также общая для всех империалистов ненависть к Советскому Союзу сближали двух фашистских хищников. Между ними, правда, стоял вопрос об Австрии, ко-

¹ Еще 6 февраля 1921 года прозвучал призыв Муссолини к ревизии мирных договоров. В первой же речи как главы правительства, «дуче» повторил ревизионистские требования, подчеркивая, что эта ревизия в общеевропейских интересах. См. L. K r e k e r. Die diplomatischen Verhandlungen über den Vierpakt vom 15 Juni. «Die Welt als Geschichte». Stuttgart, 1964, Н. 4, S. 227.

² Цит. по: «Известия», 1933, 4 февраля.

торуя каждый из них хотел прибрать к рукам. Все же Муссолини надеялся договориться с Германией, пойдя ей на уступки в вопросах вооружения и ревизии ее восточных границ³. С этой целью «дуче» начал усиленно пропагандировать идею создания блока четырех западных держав, который, по его мнению, «принесет действительное освобождение Европе»⁴. В речи, произнесенной в Турине еще в октябре 1932 г., он заявил, что европейского успокоения следует ожидать не от Лиги Наций, а от четырех держав — Германии, Италии, Англии и Франции⁵.

Идея четырехсторонней директории подверглась детальному обсуждению во время визита в Рим премьер-министра Англии Макдональда и министра иностранных дел Саймона в марте 1933 г. Во время переговоров Муссолини выступил с конкретным проектом договора между четырьмя европейскими державами.

Целью «Политического пакта согласия и сотрудничества между четырьмя великими западными державами» было создание блока великих держав вне рамок Лиги Наций⁶, который бы без участия других европейских государств решал все европейские вопросы: проведение фактического уравнивания вооружений Германии с другими державами, осуществление ревизии мирных договоров и т. д. Пакт был чрезвычайно удобной ширмой, за которой могло развиваться тесное сотрудничество двух фашистских государств.

Особенно четко в первоначальном варианте пакта подчеркивалась идея ревизии мирных договоров. На это, в частности, указывали статьи вторая и третья, которые, соответственно, предусматривали возможность пересмотра мирных договоров и предоставления Германии равенства в вооружениях с другими державами. Равенство прав в вооружениях предполагалось и в отношении Австрии, Венгрии и Болгарии⁷.

Одной из важнейших целей сколачиваемого блока был подрыв влияния Советского Союза в Европе, устранение его от участия в решении обще-европейских проблем.

Антисоветская направленность пакта явно просматривалась в статье четвертой, где речь шла об установлении общей позиции империалистических держав по всем политическим и неполитическим вопросам. 9 апреля 1933 г. римская газета «Трибуна» поместила статью, посвященную переговорам о пакте. В ней прямо говорилось, что «в плане Муссолини есть элемент, о котором либо не говорят, либо говорят косвенно». Этим элементом, по мнению газеты, являлось «активное освобождение мира от большевизма». «Если необходимо защищаться от зла, которое нашло себе полное выражение в России и которое поразило также западноевропейскую цивилизацию..., то возможна ли эта защита вне сотрудничества, предполагаемого планом Муссолини?»⁸ — задавал вопрос фашистский официоз.

Стремление сколотить антисоветский блок особенно активно проявлялось в Англии⁹. Британское правительство, по существу являвшееся со-

³ См. «Rundschau über Politik, Wirtschaft und Arbeiterbewegung». Basel, 1933, № 20, 15 VI, S. 6322.

⁴ A. Freitag - Loringhoven. Deutschlands Aussenpolitik 1933—1941. Berlin, 1941, S. 13.

⁵ Ibid.

⁶ Германия и Италия не имели большого влияния в Лиге Наций, где господствовали Франция и Англия. Отсюда понятно стремление двух фашистских государств создать блок, с помощью которого они смогли бы оказывать решающее влияние на европейские дела.

⁷ Полный текст «пакта четырех» см. «Сборник документов по международной политике и международному праву», вып. XVI. М., 1934, стр. 6—10.

⁸ Цит. по: «Известия», 1933, 11 апреля.

⁹ Разумеется, антисоветская направленность внешней политики в равной степени была присуща Франции и ее союзнику Чехословакии. И если правящие круги стран

автором «пакта четырех»¹⁰, было готово ради этого пойти на уступки фашистским державам в вопросе ревизии мирных договоров. Но вместе с тем, Лондон не мог пойти в вопросах ревизии так далеко, как того хотели в Берлине и Риме, отсюда известная осторожность Англии в отношении нажима на Францию в период переговоров о пакте¹¹.

Легко представить себе ту радость, с которой отнеслись в Берлине к идее пакта, дававшего Германии несомненные политические выгоды. Не без оснований германские дипломаты видели в пакте верный путь к практическому решению вопроса «равноправия» в вооружениях. В этом же убеждал правительство Германии и Муссолини. 15 марта 1933 г. в беседе с германским послом в Риме Хасселем «дуче» без обиняков сказал, что через «5—10 лет Германия сможет вооружиться на основе равенства прав, причем Франция будет лишена предлога предпринять что-либо против этого. В то же время возможность ревизии будет впервые официально признана и будет сохраняться на протяжении упомянутого периода... Система мирных договоров будет, таким образом, практически ликвидирована»¹².

Оптимизм Германии становится еще более понятным, если учесть, что в Берлине достаточно четко осознавали угрозу дипломатической изоляции и боялись ее¹³. Итальянская же инициатива позволяла Германии выйти из дипломатического карантина, в котором она находилась с момента захвата власти нацистами. Поэтому главы фашистского «рейха» стремились сблизиться не только с Италией (к которой Гитлер относился с некоторым недоверием), но и прежде всего с Англией. Именно в тесном сотрудничестве с этими государствами гитлеровцы рассчитывали окончательно оттеснить Францию, разбить ее политический союз с Малой Антантой и Польшей и освободить себе дорогу на Восток.

Надежды Гитлера на возможность более тесного сближения с Англией не были беспочвенны. Действительно, предупредительность англичан шла так далеко, что еще до официального выдвижения четырехстороннего договора его проект был представлен 14 марта 1933 г. германскому МИД для ознакомления. Уже на следующий день министерство иностранных дел Германии составило ответный меморандум по поводу предложения Муссолини, в котором особенно высокую оценку получили статьи вторая и третья пакта, т. е. статьи, подтверждавшие принцип пересмотра мирных договоров и предоставления Германии равенства в вооружениях¹⁴. 23 марта 1933 г., выступая на заседании нового кабинета с программной речью, Гитлер официально одобрил предложение о пакте четырех держав. «Мы

время от времени использовали мирную политику Советского Союза для укрепления своих позиций, то это отнюдь не изменяло их антисоветского лица и делалось исключительно из страха перед растущей агрессивностью германского фашизма.

¹⁰ В настоящее время установлено, что подлинным автором «пакта четырех» был премьер-министр Великобритании Макдональд. См. И. Д. О в с я н ы й. Тайна, в которой война рождалась (Как империалисты подготовили и развязали вторую мировую войну). М., 1971, стр. 22—23.

¹¹ Вскрывая подлинные цели британского империализма, «Правда» писала: «Он возражает против ревизии Версальского договора в той степени, в какой такая ревизия парует бы его интересы и „равновесие“ в капиталистической Европе. Но он не возражает против ревизии, т. е. удовлетворения претензий германского фашизма за счет других стран, в частности малых, и в особенности за счет Советского Союза». «Правда», 1933, 2 июня.

¹² Цит. по: И. Д. О в с я н ы й. Там же, стр. 25.

¹³ Еще 12 февраля 1933 г. газеты с тревогой писали, что «напряженность внешнеполитического положения Германии возрастает с ужасающей быстротой». «Frankfurter Zeitung», 12 II 1933.

¹⁴ «Documents on German Foreign Policy» (далее — DGFP), Series «С», v. I, London, 1959, p. 163.

придаем этому пакту серьезное значение, — сказал он, — и готовы на этой основе сотрудничать с другими державами»¹⁵.

Таким образом, германские фашисты получили полную поддержку со стороны Италии и Англии в своих ревизионистских требованиях и в вопросе равенства вооружений.

Если мотивы, которыми руководствовались правящие круги Англии, Германии и Италии, достаточно очевидны, то позиция Франции, оказавшейся участницей этого зловещего квартета, требует определенного выяснения.

Совершенно ясно, что «пакт четырех» не только был направлен против восточных союзников Франции, но и подрывал основу всей послевоенной европейской системы договоров, в сохранении которой Франция была заинтересована более других держав.

Первоначальный проект пакта предусматривал совместное обсуждение всех крупнейших политических вопросов, вследствие чего Франция теряла свободу действий и превращалась в партнера трех других держав, имея против себя блок фашистских государств и лавирующую Англию. Кроме того, «пакт четырех» открыто предусматривал принцип пересмотра мирных договоров, причем ревизия явно должна была осуществляться не в последнюю очередь за счет восточных союзников Франции. Характерно, что Муссолини даже не пытался скрыть ревизионистские цели блока от французского посла в Риме Жувенеля. 4 марта 1933 г. Жувенель передал чехословацкому посланнику Хвалковскому, что диктатор говорил с ним о предполагаемом сотрудничестве четырех держав, которое явится фундаментом «новой организации» Европы. «Под этим дуче подразумевал, — доносил Хвалковский в Прагу, — 1. Возвращение коридора Германии, 2. Ревизию венгерских границ, 3. Полное итальянское господство на обоих берегах Адриатического моря»¹⁶. Поэтому, хотя французскую реакцию и привлекала возможность прекращения разногласий с Италией и укрепление антисоветского фронта, все же правящие круги были чрезвычайно встревожены. Получив коммюнике от 19 марта 1933 г. из Рима, где проходили переговоры Макдональда и Муссолини, министр иностранных дел Франции Жозеф Поль-Бонкур воскликнул: «Этот пакт четырех есть не что иное, как пакт трех против одного»¹⁷. Трезвую оценку пакту давали и многие органы европейской прессы. Одна из женеvских газет писала 20 марта: «Что же будет с Бельгией, Швейцарией, Польшей, Малой Антантой и другими государствами? Они должны будут подчиниться просто-напросто диктатуре четырех великих держав. При этом Франция будет изолирована от всех тех государств, которые всегда поддерживали ее политику»¹⁸.

Предполагая возможное сопротивление Франции, Макдональд и Саймон 21 марта 1933 г. прибыли в Париж, чтобы попытаться уговорить французское правительство пойти на уступки в вопросах ревизии договоров и довооружения Германии. В тот же день состоялась встреча англичан с премьер-министром Франции Даладье и Поль-Бонкуром. Макдональд и Саймон не скрывали от французских коллег, что главная цель пакта — ревизия Версальского договора¹⁹. Как свидетельствуют документы, британский премьер выдвинул в качестве главного аргумента довод,

¹⁵ «Prager Presse», 24 III 1933.

¹⁶ Цит. по: R. K v a č e k. Nad Evropou zataženo, Praha, 1966, s. 23.

¹⁷ Ж. Т а б у и. 20 лет дипломатической борьбы. М., 1960, стр. 186.

¹⁸ Цит. по: «Известия», 1933, 21 марта.

¹⁹ См. L. K r e k e r. Ibid., S. 229.

что «лучше приступить к ревизии в рамках договоренности держав, чем ждать, пока обиженные будут сами требовать удовлетворения»²⁰.

С французской стороны уверяли в неосуществимости подобного варианта; предполагая, что Чехословакия и Польша добровольно не пойдут на территориальные изменения своих границ. Поэтому французы подчеркивали, что поднимать вопросы ревизии до поры до времени бессмысленно²¹.

Все же Франция продолжала переговоры. Причина такой непоследовательности заключалась прежде всего в готовности французских реакционных кругов, возглавляемых будущим «мюнхенцем» премьер-министром и министром обороны Даладье, поступиться своими позициями в Центральной и Юго-Восточной Европе ради создания большого антисоветского блока. Кроме того, правящие круги Франции боялись оказаться в дипломатической изоляции.

Опасения такого рода, как сообщал в письме из Парижа советский полпред, были свойственны многим сторонникам «пакта четырех» в кабинете министров. Довгалецкий писал, что они «рвут и мечут против Малой Антанты и Польши, которые-де тяжелым грузом висят на Франции, не давая ей выйти из состояния изоляции»²². На существование такой опасности указывал и германский посол в Риме Хассель, подчеркивая, что в случае отказа Франции участвовать в переговорах по поводу пакта четырех держав ей грозила дипломатическая изоляция²³. Все это толкало французское правительство к переговорам. Советник французского МИД признавался в это время польскому послу, что «Франция не сможет избежать вовлечения в переговоры четырех держав»²⁴. Таким образом, усилия Макдональда и Саймона не пропали даром. В коммюнике о результатах англо-французских переговоров значилось: «Французский премьер выразил свою волю, что в интересах европейского мира, в рамках и духе Лиги Наций необходимо сотрудничество и доверие между четырьмя европейскими государствами»²⁵.

Согласие Франции облегчало давление на ее восточных союзников. Все же, опасаясь реакции Малой Антанты и Польши, Германия и Италия возражали против сообщения этим государствам о ходе переговоров. В самой Франции ряд дипломатов, в том числе и посол в Риме де Жувенель, также были противниками информирования французских союзников²⁶. Однако французское министерство иностранных дел, стремясь избежать нового общественного возбуждения, все же сообщило сначала Польше, а затем и Чехословакии о переговорах по поводу пакта четырех держав.

Как доносил 31 марта 1933 г. (в день опубликования пакта) польский посланник из Праги, сообщение о «пакте четырех» вызвало сильнейшие опасения Малой Антанты за свою судьбу²⁷. Несмотря на то, что уже давно носились слухи о возможности заключения блока Германии, Италии и Венгрии, столь быстрое осуществление четырехстороннего сговора явилось неожиданностью для чехословацкой дипломатии²⁸. Еще более непредвиденным было участие в пакте Франции²⁹.

²⁰ ИДА, ф. 5, д. 6, л. 127.

²¹ См. Ю. Г. В и л у н а с. Англия и пакт четырех держав в 1933 г. «Вестник Ленинградского университета», Л., 1966, № 2, стр. 47.

²² «Документы внешней политики СССР», т. XVI, док. 113, М., 1966, стр. 224—225.

²³ DGFP, p. 201.

²⁴ ИДА, ф. 5, д. 6., л. 127.

²⁵ «Prager Presse», 22 III 1933.

²⁶ DGFP, p. 229—230.

²⁷ ИДА, ф. 5, оп. 1, д. 6, л. 114.

²⁸ См. «Внешняя политика Чехословакии 1918—1939», М., 1959, стр. 297 и след.

²⁹ Бенеш был уверен в отрицательном отношении Франции к пакту и надеялся, что их общая оппозиция укрепит франко-чехословацкий союз. См. там же, стр. 296—297.

Чехословакия имела достаточно оснований для тревоги. Ослабление французских позиций в Европе было одной из причин создания Организационного пакта Малой Антанты в начале 1933 г. — объединения, которое, по мысли правящих кругов Чехословакии, давало возможность выступить единым фронтом против ревизии послевоенных границ. Поэтому еще со времени подготовки Организационного пакта руководители чехословацкой внешней политики все настойчивее выдвигали тезис о неприкосновенности границ, подкрепляя его намерением решительно противостоять ревизии. В этом смысле показательное заявление первого заместителя министра иностранных дел Чехословакии Камила Крофты о том, что любые уступки чьей бы то ни было территории в Европе будут означать войну³⁰. Первую информацию о ходе переговоров Бенеш получил в Женеве, где делегация Чехословакии участвовала в работе конференции по разоружению. В беседе с Поль-Бонкуром, состоявшейся вечером 3 марта, Бенеш холодно заметил: «Уж не для того ли Франция стремится участвовать в пакте четырех, чтобы, покидая нас, дать тем самым ответ на нашу Малую Антанту»³¹. Разъяснения французского и британского правительства не могли уменьшить тревоги руководителя чехословацкой дипломатии³².

Нервозность Чехословакии еще боле возросла, когда в самый разгар переговоров в лондонском «Телеграфе» появилась статья Муссолини «Ревизия договоров неизбежна», лишняя раз подтвердившая, что ревизия эта будет осуществлена за счет государств Малой Антанты. «Я решительно против стремления Малой Антанты удержать за собой военную добычу, — писал глава фашистской Италии, — это смешно и абсурдно, что с объединением трех стран Малой Антанты образовалась пятая великая держава. Экономические, политические и прочие интересы трех стран противоречат друг другу настолько, что говорить о единстве не приходится. Эти государства объединяет только страх перед ревизией мирных договоров. Однако новые богачи Дунайского бассейна не могут остановить идеи пересмотра договора. Ревизия мирных договоров является неизбежной»³³.

Угроза пересмотра Версальского договора чрезвычайно активизировала чехословацкую дипломатию. Уже 22 марта 1933 г. в Женеве начались переговоры Чехословакии, Румынии и Югославии о возможных путях противодействия установлению директории четырех держав³⁴. Через несколько дней министры иностранных дел Бенеш, Титулеску и Ефтич опубликовали совместное коммюнике, содержавшее «наиболее категорические предупреждения против проекта пакта». Коммюнике гласило, что заключение «пакта четырех» давало бы право подписавшим его державам «распоряжаться правами третьих стран либо путем конкретного решения, либо путем давления... Соглашения такого рода, — говорилось далее, — являются достоянием прошлого, во всяком случае тех времен, когда Лиги

³⁰ Институт истории АН СССР. Отдел рукописных фондов, ф. «Ж», д. 39, л. 171—172.

³¹ Ж. Т а б у и. Там же, стр. 188. Холодность Бенеша по отношению к французскому министру иностранных дел была вызвана, как доносил чехословацкий посланник Осусский из Парижа, положительным отношением Поль-Бонкура к пакту. См. Р. К в а щ е к. Nad Evropou zataženo, s. 25.

³² Пытаясь несколько умерить тревогу, возникшую в правящих чехословацких кругах, Макдональд на заседании кабинета 22 марта 1933 г. заявил, что в переговорах с Муссолини не было и речи о подрыве европейского равновесия. «Не обсуждали мы ни ущемления Чехословакии, не обрубания ей хвоста, — говорил британский премьер. Но мы хорошо отдавали себе отчет в том, что есть такое место, которое называется Чехословакией». ИДА, ф. 5, оп. 1, д. 6, л. 127.

³³ Цит. по: Б. Б о ш к о в и ч. Малая Антанта. М. — Л., 1934, стр. 135.

³⁴ См. J. J u r k i e w i c z. Pakt Wschodni. Z historii stosunków międzynarodowych w latach 1934—1935. Warszawa, 1963, s. 39.

Наций не существовало. Государства Малой Антанты выражают сожаление, что в переговорах последних дней была подчеркнута политика ревизии». В документе особо указывалось на нереальность подобных планов. «Политика ревизии,—говорилось в заключении коммюнике,— неизбежно вызывающая энергичную реакцию, не способна внести успокоение в умы наций и усилить чувство доверия, единственно позволяющее взаимное сотрудничество»³⁵.

Публикация коммюнике, в котором отвергались ревизионистские притязания, не была единственной мерой, срочно предпринятой государствами Малой Антанты. 25 марта 1933 г. Бенеш имел встречу с британским министром иностранных дел Саймоном в Женеве, во время которой весьма резко заявил, что «ни одному государству нельзя навязать изменение границ мирным путем, и если кто-либо что-то подобное захотел бы предпринять против Чехословакии, то должен был бы обратиться к оружию. Мы намерены защищать себя с оружием в руках. Распоряжаться территориями можно было на мирной конференции. С того же времени, как законным путем образовано то или иное государство, является просто абсурдным желать нового передела»³⁶. Бенеш настойчиво повторял, что Чехословакия готова противостоять «всякому давлению извне», направленному на изменение границ страны³⁷.

Одновременно для разъяснения позиции Малой Антанты, а главное, в надежде повлиять на отношение Франции к пакту, еще окончательно не определившееся, Титулеску направился в Париж и Лондон. Стремясь убедить французское правительство отказаться от участия в «пакте четырех», он утверждал, что в случае, если Лига Наций не сумеет разрешить «практически вопрос о пересмотре границ, Германия и ее союзники прибегнут к изменению границ с помощью оружия, поскольку у них есть моральная поддержка великих держав, высказавшихся за пересмотр»³⁸. Видя, что такая аргументация слабо действует на французских союзников, Титулеску бросил главный козырь, заявив, «что пересмотр договоров будет означать войну, за которой последует большевизация Европы»³⁹. Однако ни запугивание «большевистской опасностью», ни угроза изменения ориентации Малой Антанты не помогли румынскому министру склонить Францию к отказу от участия в блоке четырех. Единственный результат переговоров заключался в обещании Франции не подписывать пакта без предварительной консультации с Малой Антантой.

Потерпев явную неудачу в Париже, Титулеску направился в столицу Англии. Тон его выступлений в Лондоне был еще более резким⁴⁰.

Разумеется, ни французское, ни английское правительства, стремившиеся сколотить новый антисоветский блок, не разделяли столь мрачных прогнозов. Поэтому, не рассчитывая больше на изменение позиции великих держав, Чехословакия предприняла попытку наладить отношения с Польшей⁴¹. Как известно, не только чехословацкие правящие круги думали в этот период о сотрудничестве со своим северным соседом. Большие усилия прилагали к этому и руководители польской дипломатии, не менее Чехословакии встревоженные переговорами о пакте четырех держав⁴². Попытка сближения Варшавы и Праги становится понятной на фоне уси-

³⁵ «Prager Presse», 26 III 1933.

³⁶ E. B e n e š. *Voj o mir a bezpečnost statu*. Praha, 1934, s. 752—753.

³⁷ *Ibid.*, s. 754.

³⁸ «Известия», 1933, 2 апреля.

³⁹ См. Ж. Т а б у н. Там же, стр. 189.

⁴⁰ См. «Внешняя политика Чехословакии 1918—1939», стр. 297.

⁴¹ J. K o z e ů s k i. *Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932—1938*. Poznań, 1964, s. 61.

⁴² См. Н. R o o s. *Polen und Europa*. Tübingen, 1957, S. 72.

ливающихся в этот период ревизионистских требований Германии. Тем более, что и многие политические деятели Запада открыто высказывали мнение, что польско-германская граница не может долго оставаться неизменной и что для сохранения мира Польша должна согласиться на территориальные уступки⁴³.

Возможность военного столкновения с Германией учитывали и в Праге. Поэтому после прихода Гитлера к власти Бенеш обратился с прямым призывом к польскому министру иностранных дел Беку выработать общую линию внешней политики. При этом Бенеш предлагал правительству Польши заключить не только договор о дружбе, но и установить сотрудничество на военной основе⁴⁴.

Реакция польских правящих кругов на известие о переговорах по пакту, как уже выше говорилось была резко отрицательной. Пресса Польши выступила с нападками на Францию, обвиняя ее в предательстве интересов своих союзников⁴⁵. 24 марта в печать было передано заявление правительства об отрицательном отношении Польши к пакту⁴⁶.

После того, как стало известно и об отрицательной позиции Малой Антанты, Бек обратился к чехословацкому посланнику в Варшаве Гирсе с предложением устроить ему (Беку) визит в Прагу⁴⁷. Гирса немедленно телеграфировал об этом своему правительству, подчеркнув, что этот визит был бы воспринят польской общественностью как событие большой важности⁴⁸. Из Праги ответили согласием на визит Бека. Чехословацкие правящие круги возлагали немалые надежды на результаты чехословацко-польских переговоров, связывая с ними возможность присоединения Польши к Малой Антанте⁴⁹. Однако польская дипломатия, как и ранее, отрицательно относилась к этой перспективе. 23 марта 1933 г. польский посланник в Москве Лукаевич говорил М. М. Литвинову, что о присоединении Польши к Малой Антанте «не может быть и речи». Возможно, поэтому Бек и отказался от намерения посетить чехословацкую столицу. Известную роль при этом играли, очевидно, и начавшиеся переговоры Польши с Германией. 26 марта Бек известил Гирсу, что вынужден отложить свой визит из-за срочной поездки в Париж и Женеву. Была достигнута договоренность о визите Бека в Прагу в конце мая 1933 г., так, впрочем, и не состоявшемся⁵⁰. Выступая 25 апреля 1933 г. в палате депутатов и в сенате, Бенеш предложил заключить с Польшей договор «о вечной дружбе». В речи чехословацкого министра иностранных дел прозвучало подчеркнуто дружественное отношение к Польше. Он заявил, в частности, что «в Польше стремятся... к проведению большой политики, которая отвечает интересам малых государств. Польша по праву гордится своими национальными традициями. Она по праву претендует на роль, которую будет играть в европейской жизни в будущем»⁵¹. При этом руководитель чехословацкой дипломатии особенно оттенил ту мысль, что «Польша и го-

⁴³ Ibid. Уже в марте 1933 г. во время переговоров Макдональда и Муссолини в Риме обсуждались вопросы ревизии восточных границ Германии. Когда речь зашла о Польше, Муссолини предложил «сократить ширину коридора и гарантировать водный, но не территориальный выход Польши к морю». Цит. по: Ю. Г. В и л у н а с. Там же, стр. 46.

⁴⁴ См. E. B e n e š. *Sest let exilu a druhe svetove války*. Praha, 1947, s. 26.

⁴⁵ См. «Prager Presse», 24 III 1933.

⁴⁶ См. Ibid., 26 III 1933.

⁴⁷ См. J. K o z e n s k i. Ibid., s. 58.

⁴⁸ Ibid., s. 59.

⁴⁹ См. «Prager Presse», 8 IV 1933.

⁵⁰ «Документы внешней политики СССР», т. XVI, док. 90, стр. 183.

⁵¹ «Beneš und der Frieden Europas». Brünn—Wien—Leipzig, 1936, S. 88.

сударства Малой Антанты являлись бы наилучшим примером создания новой Европы»⁵².

Однако недолгий период разговоров о чехословацко-польской дружбе уже подходил к концу. Симптоматично, что чехословацкая дипломатия пыталась свалить всю вину за срыв переговоров между Варшавой и Прагой на польскую сторону. Эта тенденция явственно прозвучала в речи чехословацкого посланника в Париже уже после парафирования «пакта четырех». «Если бы Польша выступила совместно с Малой Антантой, если бы она захотела образовать с нами единый дипломатический фронт в отношении пакта, — заявил Осусский, — это имело бы такое большое значение, что мы готовы были бы пойти с Польшей против Франции, чтобы таким образом устранить подписание „пакта четырех“». Подчеркнув далее существование угрозы экспансии со стороны Германии для обеих стран, чехословацкий посланник указал на необходимость совместных усилий «из соображений наших собственных интересов»⁵³. Позднее и Бенеш писал в своих мемуарах: «После того, как Бек телеграфировал о переговорах в Варшаву, очевидно, от самого Пилсудского пришел категорический ответ: нет, ни в коем случае; все переговоры были немедленно прекращены. Мне кажется, что тогда начала подготавливаться окончательная переориентация Польши на Германию»⁵⁴. В действительности окончанию диалога Бека с Прагой способствовало не только стремление Польши переориентироваться на Германию. Одной из причин был поворот самой Малой Антанты к «пакту четырех». К тому же в этот период чехословацкое правительство опасалось связать себя договором о «вечной дружбе» с Польшей из-за слухов о возможной превентивной войне Германии против Польши⁵⁵.

В результате первоначального активного противодействия «пакту четырех» со стороны Малой Антанты и Польши великие державы вынуждены были лавировать. И хотя в Париже склонялись к продолжению переговоров, французские политические деятели попытались успокоить своих восточных союзников.

10 апреля французское правительство опубликовало свой проект пакта четырех держав, в котором были учтены некоторые их пожелания⁵⁶. В нем, в частности, подчеркивалось, что Франция будет бороться против использования пакта в целях пересмотра мирных договоров. Равенство прав для германских вооружений проект допускал лишь в том случае, если бы была создана «система безопасности для всех наций». О требовании Италии предоставить равные права на вооружения Австрии и Болгарии проект даже не упоминал.

Хотя британское правительство и поддерживало требования ревизии мирных договоров, оно вынуждено было считаться с позицией Франции и принять ее проект⁵⁷. Причина такой уступчивости заключалась в этот период в том, что правящие круги Англии опасались франко-советского сближения. В трудное для Франции время переговоров о четырехсторон-

⁵² См. Е. В е н е ш. *Vojo mir a bezpečnost statu*, s. 744.

⁵³ ИДА, ф. 5, оп. 1, д. 6, л. 37—38.

⁵⁴ Е. В е н е ш. *Paměti*. Praha, 1947, s. 15.

⁵⁵ См. Д. С. К л и м о в с к и й. *Зловещий пакт. Из истории германо-польских отношений межвоенного двадцатилетия*. Минск, 1968, стр. 15.

⁵⁶ Основные положения меморандума были изложены Даладьё 6 апреля 1933 г. во время внешнеполитических дебатов в палате депутатов парламента, где премьер доказывал необходимость учесть требования Малой Антанты и Польши. См. «*Rundschau...*», 1933, № 9, 12 V, S. 227.

⁵⁷ Еще 30 марта 1933 г. в беседе с немецким послом в Лондоне Саймон сказал, что без сотрудничества с Францией весь план должен провалиться. «*Известия*», 1933, 6 апреля.

нем пакте некоторые французские деятели считали, что франко-советское соглашение явилось бы единственным средством упрочения европейского мира на долгие годы⁵⁸. Кроме того, Англия не могла форсировать переговоры, опасаясь реакции собственной общественности, с беспокойством следившей за ростом германского национализма. Состоявшиеся 13 апреля дебаты в английском парламенте по французскому проекту еще раз подтвердили необходимость осторожности в вопросе о принятии германских требований⁵⁹.

Французский проект, а также дебаты в английском парламенте вызвали в Германии опасения за судьбу пакта⁶⁰. Германская пресса подняла крик о британском коварстве⁶¹. Германия категорически требовала ревизии Версальского договора. Еще накануне выдвижения французского проекта Нейрат заявил на заседании правительства: «Нашей главной задачей остается изменение восточной границы. Это может произойти только в случае тотального разрешения вопроса. Промежуточное или частичное решение следует отклонить»⁶². Смысл ревизионистских притязаний германских фашистов довольно точно сформулировал корреспондент лондонской «Таймс» в Берлине, отмечавший, что для Германии «жизненное значение имеет признание самого принципа пересмотра границ. Это даст моральную почву для внешней политики нового германского правительства»⁶³.

Не найдя в новом проекте прямого подтверждения своих требований, правительство Германии поручило послу в Лондоне немедленно заявить протест британскому правительству⁶⁴. По поводу же французского проекта Нейрат с негодованием писал, что в статье второй «ничего не остается от положительного признания идей ревизии», а третья статья «совершенно опускает положительное заявление о необходимости осуществления германского равенства прав»⁶⁵.

Хотя переговоры о пакте и приняли для Германии несколько нежелательный характер, она надеялась исправить положение. 24 апреля германское правительство представило поправки к французскому проекту, в которых снова требовало признания возможности пересмотра договора, а также предоставления Германии эффективного равенства в вооружениях с другими державами. Германские поправки, однако, приняты не были, а лишь частично учтены в статье четвертой, касающейся экономических вопросов⁶⁶. Хотя ход переговоров о «пакте четырех» наглядно показал Чехословакии и всей Малой Антанте, что Франция — ненадежный союзник на будущее, чехословацкое правительство продолжало переговоры с Францией, давая возможность себя уговаривать⁶⁷. Это было следствием слабости Малой Антанты, ее зависимости от французского империализма.

⁵⁸ Так, например, 9 февраля 1933 г. временный поверенный в делах СССР во Франции телеграфировал из Парижа, что Эррио «придает большое значение сближению французской и советской демократий для борьбы с фашизмом». «Документы внешней политики СССР», т. XVI, док. 35, стр. 89.

⁵⁹ См. «Борьба классов», 1933, № 7, стр. 50; «Известия», 1933, 16 апреля.

⁶⁰ В частности «Берлинер Берзенцейтунг» писала: «Англия выхолостила план Муссолини. Англия снова капитулировала перед французской непримиримостью. Вопрос о ревизии практически исключен». «Berliner Börsenzeitung», 13 IV 1933.

⁶¹ См. «Rundschau...», 1933, № 12, 5 V, S. 339.

⁶² См. L. D e n n e. Das Danzig-Problem in der deutschen Aussenpolitik. Bonn, 1959, S. 92.

⁶³ Цит. по: «Известия», 1933, 8 апреля.

⁶⁴ Там же, 15 апреля.

⁶⁵ DGFP, v. I, p. 281.

⁶⁶ См. «Внешняя политика Чехословакии 1918—1939», стр. 198.

⁶⁷ См. «Rundschau...», 1933, № 9, 12 IV, S. 227.

Под давлением французской дипломатии правительство Чехословакии фактически согласилось с новым проектом «пакта четырех», удовлетворилось обещанием, что одновременно с подписанием пакта Франция даст Чехословакии гарантию нерушимости ранее заключенных договоров, в частности договора 1924 г. Однако в соответствии с избранной тактикой чехословацкая дипломатия вплоть до конца переговоров и подписания пакта создавала видимость сопротивления ему, учитывая настроение беспокойного общественного мнения республики.

В одном из документов польского МИД отмечалось, что именно в это время в противовес пакту Бенеш даже «угрожал стать инициатором других союзов, которые бы сделали невозможным заключение договора»⁶⁸. Эту мысль он развивал и во время встречи с советским представителем на конференции по разоружению в Женеве. Как писал Довгалецкий, Бенеш сказал ему, «что если Малой Антанте не удастся провалить пакт, то перед ней встанет вопрос о заключении в противовес директории другого пакта с участием СССР»⁶⁹. Характерно, что советский полпред тут же высказал сомнение относительно искренности заявления руководителя чехословацкой дипломатии⁷⁰. Бенеш продолжал настойчиво демонстрировать свои антипатии к пакту и в выступлении 20 апреля 1933 г. по пражскому радиовещанию, указывая на нереальность самой его идеи, поскольку «ревизионистское предложение Муссолини неизбежно обострит противоречия ряда европейских государств»⁷¹. 25 апреля 1933 г., выступая на заседании обеих палат парламента с изложением позиции Малой Антанты по вопросу о «пакте четырех», Бенеш заявил, что осуществление итальянского плана означало бы шаг назад в развитии послевоенной Европы. Еще категоричнее прозвучали слова Бенеша по поводу ревизии мирных договоров. «Великие державы,— говорил он,— стремящиеся сделать из малых государств лишь инструмент своей политики, которая ведет к новой, ужасной европейской войне, не имеют права распоряжаться чужими территориями»⁷². Но здесь же руководитель внешней политики Чехословакии, вступая в явное противоречие с только что сказанным, давал понять, что если внесенные изменения в проект пакта будут закреплены, то чехословацкое правительство готово поддерживать новый блок. Не удержался Бенеш и от многообещающих авансов германским фашистам, заявив, что «у Чехословакии нет никаких разногласий с Германией и они исключаются в дальнейшем»⁷³.

Хотя чехословацкая дипломатия и утверждала, что последовательно выступает против пакта, опираясь на реальную силу и поддержку «огромного большинства средних и малых европейских государств», которые так же, как и Чехословакия, «подобной директории никогда не подчинятся»⁷⁴, она пыталась нащупать более твердую опору и прежде всего использовать в своих целях принципиальную мирную и антифашистскую позицию Советского правительства. Весной 1933 г. чехословацкая сторона предприняла зондаж относительно возможности заключения договора о ненападении между государствами Малой Антанты и СССР⁷⁵. Поддержка СССР была столь необходима Чехословакии, что, выступая в Национальном собрании 25 апреля, Бенеш заявил о реальной возможности установления в ближайшее время нормальных дипломатических отношений меж-

⁶⁸ ИДА, ф. 6, оп. 1, д. 5, л. 9.

⁶⁹ «Документы внешней политики СССР», т. XVI, док. 113, стр. 225.

⁷⁰ См. там же.

⁷¹ «Prager Tagblatt», 20 IV 1933.

⁷² E. B e n e š. *Voj o mir a bezpečnost statu*, s. 746.

⁷³ *Ibid.*, s. 749.

⁷⁴ «Внешняя политика Чехословакии 1918—1939», стр. 298.

⁷⁵ «Документы внешней политики СССР», т. XVI, док. 77, стр. 166—167.

ду двумя странами, хотя, как известно, чехословацкие правящие круги на протяжении всех 20-х годов упорно отказывались признать СССР де-юре. Делая это заявление от имени Малой Антанты, Бенеш даже отпустил мысль, что малые государства «искренне желают, чтобы это произошло как можно скорее, и будут лояльно работать для этой цели»⁷⁶.

В начале мая чехословацкое министерство иностранных дел передало Советскому правительству проект договора о ненападении, подчеркнув при этом, что проект может служить основой для признания Советского Союза⁷⁷.

Однако дальнейшее развитие событий показало двуличие политики правящих кругов буржуазной Чехословакии и ее союзников по Малой Антанте. Они не стремились к искреннему сотрудничеству с СССР, а лишь хотели использовать миролюбивую политику Советского правительства для заугивания Запада сближением с Советским Союзом. Как только выяснилось, что Франция готова учесть некоторые пожелания государств Малой Антанты, переговоры с СССР были прерваны и на состоявшемся 30—31 мая в Праге заседании Постоянного совета Малой Антанты было официально высказано согласие с французским проектом «Пакта согласия и сотрудничества» четырех держав. И хотя текст подписанного 7 июня 1933 г. в Риме пакта значительно отличался от первоначального проекта, хотя он не был ратифицирован Францией и поэтому никогда не вступил в силу, политика изоляции Советского Союза, политика диктата крупных империалистических держав, готовых решать свои противоречия вопреки и за счет интересов малых государств, политика поощрения реваншизма и агрессии нашла в этом документе свое первое воплощение. Это был прообраз будущей, роковой для народов Европы, мюнхенской сделки.

⁷⁶ Е. Бенеш. *Vojo mir a bezpečnost statu*, s. 749.

⁷⁷ См. «Внешняя политика Чехословакии 1918—1939», стр. 299.

М. В. КИРСЕШКО

РОЛЬ ГРЕЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ БАЛКАНСКОГО СОЮЗА 1912 ГОДА

Обострение противоречий между империалистическими державами в Юго-Восточной Европе и политика государств Балканского полуострова накануне и во время войн 1912—1913 гг. издавна привлекали внимание исследователей. Одним из звеньев Балканского союза была Греция, сыгравшая важную роль в его создании, триумфе и гибели. Между тем, греческая политика сравнительно слабо освещена в обширной научной литературе по проблематике Балканских войн. Наша историография касалась Греции в общих трудах¹ и некоторых специальных исследованиях² только в связи с южными славянами или великими европейскими державами и постольку, поскольку это было нужно для изучения их истории. То же самое видим у болгарских и югославских авторов³. Многие вопросы политической истории Греции отражены на страницах книг западных⁴ и, разумеется, греческих исследователей⁵, однако большинст-

¹ См. «История Болгарии». М., 1954, т. 1; «История Югославии». М., 1963, т. 1; «Исторія південних і західних слов'ян». Київ, 1966; «История южных и западных славян». М., 1969; «История дипломатии», т. II. М., 1963. Автор тома В. М. Хвостов.

² См. например, Ю. О. Б о в е в. Политика Франции на Балканах напередодні першої світової імперіалістичної війни (1912—1913 рр.). Київ, 1958; И. С. Г а л к и н. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции в 1905—1912 гг., М., 1960; В. А. Ж е б о к р и ц к и й. Болгария накануне Балканских войн 1912—1913 гг. Киев, 1960; е го ж е. Болгария в период Балканских войн 1912—1913 гг. Киев, 1961; Б. М. Т у п о л е в. Экспансия германского империализма в Юго-Восточной Европе в конце XIX — начале XX в. М., 1970.

³ См. например, Г. А б а џ и е в. Балканските войни и Македонија. Скопје, 1958; «Балканската война». София, 1961; Т. В л а х о в. Отношенията между България и Централните сили по време на войните 1912—1918 г. София, 1957; А. Г а н ч е в. Балканската война 1912—1913 г. София, 1939; е го ж е. Междусъюзническата война 1913 година. София, 1940; П. С т о я н о в. Македонија во времето на Балканските и првата светска война (1912—1918). Скопје, 1969; «Междусъюзническата война 1913 г.». София, 1963; М. П а н д е в с к и. Политичките партии и организации во Македонија (1908—1912), Скопје, 1965; С. Д а н е в. Очерк на дипломатическата история на Балканските държави. София, 1922.

⁴ См., например, R. R e n k i n. The inner history of the Balkan war. London, 1930, v. 1—2; E. C. H e l m r e i c h. The Diplomacy of the Balkan wars 1912—1913. Cambridge, 1938; E. D r i a u l t, M. L h é r i t i e r. Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 a nos jours, v. 5. La Grèce et la grande guerre de la revolution turque au traité de Lausanne (1908—1923). Paris, 1926; D. D a k i n. The Greek struggle in Macedonia 1897—1913. Thessaloniki, 1966.

⁵ См., например, D. J. C a s s a v e t t i. Hellas and the Balkan wars. London — Leipzig, 1914; D. D r o s s o s. La fondation de l'alliance balkanique. Athènes, 1929; Γ. Κ ο ρ δ ά τ ο υ. Ιστορία της Νεοτερνής Ελλάδας, т. 5. Αθήνα, 1958; Γ. Β ε ν τ ή ρ η. Η Ελλάς τοῦ 191С—1920. Αθήνα, 1931, т. 1; Σ. Θ. Λ α σ κ α ρ η. Διπλωματική ιστορία της Ελλάδας, 1821—1914. Αθήνα, 1947.

во из них тенденциозно (исключение составляют работы прогрессивного греческого историка Г. Кордатоса). Настоящая статья является попыткой показать основные этапы внешней политики Греции в конце XIX — начале XX в. на путях к созданию четверного союза 1912 г. на Балканах.

После завоевания независимости в начале XIX в. Греция оставалась слаборазвитой страной, периодически потрясаемой тяжелыми экономическими и политическими кризисами. Одна из главных причин этого — незавершенность национального объединения. Много островов Эгейского моря и материковых районов с греческим населением оставалось под игом Османской империи. Греческий народ сочувствовал угнетенным соплеменникам и поддерживал их освободительную борьбу. А правящие круги эллинского королевства пытались использовать эту борьбу для широкой территориальной экспансии. Кредо великогреческого шовинизма составляла пресловутая «Великая идея» панэллинизма. Ее поборники — мегалисты требовали аннексировать ряд областей Малой Азии, Эпир и Македонию, а наиболее пылкие среди них грезил о возрождении Греции в древних пределах Византийской империи. Стремления к захвату новых источников сырья и рабочей силы, рынков сбыта и стратегических позиций искусно маскировались ультрапатриотической демагогией. В обосновании своих претензий на различные области мегалисты порой прибегали к фальсификации их этнического характера, ибо греческим было лишь население Крита и других островов. Претендуя на Македонию, поборники «Великой идеи» прибегали к отождествлению с греками всех христиан, подчиненных экуменической патриархии в Константинополе. Этим путем они стремились «доказать» наличие относительного большинства греков на этих территориях⁶. Экуменическая греческая церковь стремилась эллинизировать христианские национальные меньшинства Турции, воспрепятствовать их борьбе за культурно-национальную самобытность. Междоусобную рознь турецких христиан усугубляли интриги австро-венгерской дипломатии и коварная тактика султана, в равной мере следовавших девизу «Разделяй и властвуй!». Примирительные усилия России в этих условиях не имели успеха. Размежевание македонских епархий между константинопольской патриархией и болгарским экзархатом как бы предопределяло будущую государственную принадлежность этих земель. Церковный раскол завершился в 1872 г. тем, что греческое духовенство подвергло схизме болгарскую национальную церковь⁷.

В Афинах ревниво следили за развитием других национальных государств на Балканах — вероятных соперников в предстоящем дележе османского наследства. Греческое правительство хотело бы заблаговременно оговорить свою долю добычи и ради этого после стабилизации внутриполитического положения страны в начале 60-х годов XIX в. постаралось прийти к соглашению с Сербией. Но союз оказался непрочным из-за противоречий в нем, подогреваемых венской дипломатией. Позже, в 80—90-е годы премьер-министр Греции Трикупис выдвинул идею координировать усилия всех балканских государств — Болгарии, Греции, Сербии, Черногории и Румынии — и совместным их давлением на Порту, при нейтралитете великих держав, заставить ее без войны отказаться от Македонии. Трикупис лично отстаивал этот план в Софии и Белграде; но все переговоры оказались бесплодными из-за встречных притязаний сторон на Салоники, Битолю, Струмицу и другие территории. Невозмож-

⁶ См. «International commission of inquiry into the causes and conduct of the Balkan wars. Report of the International commission». Washington, 1914, p. 195.

⁷ См. С. А. Н и к и т и ц. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970, стр. 165—168; А. К. М а р т ы н е н к о. Русско-болгарские отношения в 1894—1902 гг. Киев, стр. 185—197.

ность разграничить сферы влияния стала камнем преткновения в попытках договориться⁸.

Вдобавок и великие державы не собирались оставаться беспристрастными наблюдателями; каждая из них имела свои интересы в Восточном Средиземноморье и не желала поступаться ими. Державы активно вмешались в события 60-х годов, когда греческое население острова Крит восстало против османского владычества, и позднее — во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Общественность Греции требовала от правительства воспользоваться ситуацией, чтобы освободить населенные греками области Турции. К этому же побуждало короля Георга и правительство Александра II. Австро-венгерская и британская дипломатия, наоборот, сдерживала Грецию, не желая разгрома Турции и установления чьего бы то ни было контроля над эгейскими коммуникациями. После долгих колебаний греческие войска перешли границу 2 февраля 1878 г., но их пришлось отозвать, ибо к этому времени уже состоялось русско-турецкое перемирие. Последовавшие затем трехлетние греко-турецкие переговоры с участием великих держав завершились решением Константинопольской конференции о передаче Греции Фессалии (14 тыс. кв. км)⁹.

Мегалисты рассчитывали приобрести не только Крит и другие острова с греческим населением, но также весь Эпир, хотя греки преобладали лишь на юге этой области, и Македонию. Созданные с целью борьбы за присоединение Македонии к Греции «Македонское общество», «Национальное содружество» и другие организации нашли приют в Афинах. В мае 1896 г. вспыхнуло новое восстание на Крите, а на следующий год греческий десант высадился на остров. В то же время отряд «Национального содружества» вторгся на территорию Македонии, и Турция в апреле 1897 г. объявила Греции войну, в которой греческая армия потерпела поражение. В декабре при содействии европейских держав был подписан мир, по условиям которого Греция уплачивала победителю контрибуцию и уступала некоторые позиции в Фессалии.

Великие державы заставили Порту предоставить Криту автономию под их протекторатом. Верховным комиссаром был назначен греческий принц Георг, а реальная власть на острове перешла с 1898 г. в руки консулов Англии, Франции, России, Италии и командования их оккупационных войск. Однако критяне продолжали борьбу за полное освобождение и после нового восстания 1905 г. добились от держав обещания вывести войска, реорганизовать критскую милицию, урегулировать правовые и финансовые вопросы, сменить непопулярного комиссара¹⁰. Среди вождей островитян выдвинулся способный юрист Элефтерий Венизелос, призывавший сограждан ввиду невозможности воссоединения с Грецией (энозиса) пока что «уважать решение держав и принять автономию как следующую ступень к осуществлению национального идеала»¹¹.

В самой Греции продолжалась мегалистская пропаганда, подчеркивавшая, что носящий имя последнего византийского кесаря диадох — престолонаследник Константин, должен рано или поздно вступить на престол не только в Афинах, но и в Константинополе. Мегалисты призывали освободить европейские провинции Османской империи именно для

⁸ Г. А б а щ и е в. Там же, стр. 17—18; П. С т о ј а н о в. Там же, стр. 24; L a d y G r o g a n. The life of Burchier. London, 1926, p. 29.

⁹ С. J. M a r c o p o u l o s. King George I and the expansion of Greece 1875—1881. «Balkan studies», v. 9, № 1, Thessaloniki, 1968, p. 22—37.

¹⁰ См. И. С. Г а л к и н. Там же, стр. 25—32; W. M i l l e r. A history of the greek people (1821—1921). London, 1922, p. 124—125.

¹¹ С. К е р о ф и л а с. Eleftherios Venizelos, his life and work. London, 1915, p. 25.

Греции¹². В Битоле, например, епископ Форопулос цитировал в проповеди греческий гимн: «Узнаю тебя по священному удару твоего меча, (...) воскресающей из священных останков эллинов привет тебе, Свобода!»¹³.

Национально-освободительное движение македонцев с 1893 г. возглавлялось Внутренней Македонско-Одринской революционной организацией (ВМОРО). В то же время болгарские шовинисты из так называемого Верховного македонского комитета посылали в Македонию и свои отряды. Мегалисты отождествляли эти две организации и старались представить ВМОРО простым орудием Болгарии, намеренно игнорируя борьбу этой организации против шовинистов всех балканских государств. Не ограничившись дипломатическими протестами в Софии против мнимого преследования греков во время Илинденского восстания 1903 г. в Македонии, греческое правительство и опекаемый им так называемый Македонский комитет в Афинах координировали и легализировали разрозненные дотоле операции андартов — вооруженных добровольцев, сотнями проникавших из королевства в Европейскую Турцию с целью огнем и мечом вернуть заблудшую македонскую паству в лоно патриархии и напомнить «славяноязычным эллинам» мнение Афин об их национальности. Вскоре каждый третий отряд четников в Македонии был греческим; движение опиралось на разветвленную сеть патриархистских священников, торговцев, чиновников и учителей-греков, а направлялось королевскими консулами. Но оно не могло достичь желаемых результатов, встречая упорное сопротивление со стороны македонцев¹⁴.

Дорогостоящая «вооруженная пропаганда» к тому же портила отношения Греции с Болгарией, Сербией и даже Румынией. Бухарестское правительство выступало в роли защитников куцовлахов Македонии, представлявших собой козырь в его политической игре. В 1905 г. румынская дипломатия даже выхлопотала у султана согласие на предоставление субсидий из Бухареста для куцовлашских школ и церквей, а также признание за этой этнической группой гражданского равноправия с остальными немусульманами империи¹⁵. Однако греческие шовинисты встретили в штыки осуществление этой даже столь ограниченной автономии, ибо не признавали национальной самобытности куцовлахов-патриархистов. Это свело на нет достигнутое было в 1900—1901 гг. не без помощи австро-венгерской дипломатии сближение Греции и Румынии, привело к разрыву дипломатических отношений между Афинами и Бухарестом в 1906 г.¹⁶.

Впрочем, многие влиятельные политики Греции, например Теотокис, не оставляли надежд на сближение с Румынией и Турцией. Греческие дипломаты налаживали контакты с антисултанской оппозицией в Константинополе, вынашивая мегалофантастический план федерации и таможенного союза неславянских стран полуострова. Они рассчитывали, что панэллинизм мог бы воспринять наследие Оттоманской империи не путем ее разрушения, а постепенным вращением изнутри во все поры государственного организма. Базу такого процесса должно было составить многочис-

¹² См. E. Driault, M. Lhéritier. *Ibid.*, v. 5, p. 124; C. M. Woodhouse. *The Story of Modern Greece*. London, 1968, p. 194.

¹³ D. J. Cassavetti. *Ibid.*, p. 7.

¹⁴ См. K. Bitoski. *Armed actions as a means of Greek propaganda in Macedonia*. «La Macedoine et les Macédoniens dans le passé». Skopje, 1970, p. 243—245; его же. *Отпорот на македонците против асимилаторските стремени на грчката вооружена пропаганда 1878—1908*. «Jugoslovenski istorijski časopis», 1969, № 4, s. 125—128; Г. Абаџиев. Там же, стр. 119.

¹⁵ A. Gauvain. *L'Europe au jour le jour*. Paris, 1918, v. 5, p. 60.

¹⁶ E. C. Helmreich. *Ibid.*, p. 69.

енное и экономически сильное греческое население Турции при постоянном руководстве из Афин¹⁷.

После младотурецкой революции в августе 1908 г. был образован реческий центр в Константинополе, возглавивший деятельность периферийных политических клубов, филантропических, просветительных, научных, спортивных и тому подобных ассоциаций оттоманских греков. Выработанная греческой буржуазией программа требовала церковного *status quo* административно-территориальной децентрализации, перестройки воинских частей по религиозному признаку, а также привилегий для находившихся в руках капиталистов — греков торговли, горного дела и промышленности. Декларированные младотурками конституционные гарантии позволяли греческому национальному меньшинству империи надеяться на образование влиятельной фракции в оттоманском парламенте. Греки повсеместно братались с турками, празднуя конец султанской тирании. В Афинах правительство Теотокиса заняло сдержанную позицию, но выражало готовность к контактам с новым турецким режимом¹⁸.

Однако младотурки скоро развеяли иллюзии насчет своей терпимости. Их комитет «Единение и Прогресс» был преисполнен решимости пресечь всякие попытки автономизации или федерализации; а во время проходивших под контролем комитета выборов возобновились вспышки мусульманского фанатизма. Младотурецкие лидеры взяли курс на полную оттоманизацию и ассимиляцию нацменьшинств, а в 1909 г. закрыли все греческие клубы в Турции. Порта упустила возможность сблизиться с Грецией, представившуюся во время Боснийского кризиса и обострения болгаро-турецких отношений в связи с провозглашением независимости Болгарии. Турция не желала поступиться призрачным суверенитетом над Критом, хотя остров фактически уже был свободен, ибо державам-покровительницам пришлось эвакуировать с него свои войска под давлением народной борьбы критян, настойчиво требовавших воссоединения с Грецией.

Не доверявшие друг другу великие державы, однако, оттягивали сроки отмены протектората над островом. Турция бряцала оружием у фессалийских границ, и греческое правительство призывало критян к сдержанности, сознавая свое военное бессилие. Такая унижительная политика возмущала широкие круги общественности и усугубляла общее недовольство царившей в стране коррупцией правящих кругов. Как писал посланник США в Афинах, «политика в Греции рассматривается как вид спорта, а чувство ответственности, необходимое для благосостояния и развития страны, почти отсутствует»¹⁹. Крестьяне требовали аграрной реформы — часто с оружием в руках; буржуазия хотела оздоровления государственного аппарата и стабилизации экономики; офицерство стремилось к созданию боеспособной армии и некоторой ее демократизации. В этой обстановке летом 1909 г. произошел антидинастический путч Военной лиги, связывавшей с именем Венизелоса надежды на выход страны из политического тупика. Критский лидер, однако, не спешил в Афины по призыву лиги и лишь заручился обещанием греческого короля и правительства созвать Национальное собрание и улучшить конституцию.

¹⁷ См. D. Xánalatos. The Greeks and the Turks on the eve of the Balkan wars. «Balkan studies», v. 3, Thessaloniki, 1962, p. 277—296; Γ. Κορδάτου. Ibid., τ. 5, ζ. 277; Γ. Βεντζίρη. Ibid., τ. 1, ζ. 90, 107.

¹⁸ См. М. Пандевски. Там же, стр. 268—271; E. Driault, M. Lhérier. Ibid., v. 5, p. 4—9.

¹⁹ D. E. Peppas. Relations between the United States and Greece 1878—1908. «Balkan studies», v. 9, № 2, Thessaloniki, 1968, p. 357.

В ответ на все эти проволочки греки Крита активизировали освободительную борьбу и готовились послать в афинский парламент своих депутатов. Порта воспользовалась стычками греков с немногочисленными турками на острове для разжигания шовинистической пропаганды в защиту «оттоманской территории» — Крита. По всей Турции развернулся бойкот греческих магазинов и кофеен, товаров греческого происхождения и судов под греческим флагом²⁰. К осени экономическая война нанесла Греции ущерб на 20 млн фр. и чуть не привела к военным действиям. Правительство Греции узнало о сосредоточении у ее границ анатолийских войск и приказало провести ряд оборонительных мероприятий, впрочем явно недостаточных, чтобы чувствовать себя спокойно²¹. Воинственность младотурок подстрекалась австро-германской дипломатией. А покровительствовавшие Греции державы Тройственного Соглашения не были готовы к осложнениям и подтвердили права султана на Крит. Но обстановка оставалась напряженной; вопреки протестам Порты и увещаниям великих держав Венизелос был избран в афинский парламент от Аттики, вслед за чем отказался от турецкого подданства²².

Триумфальный прием, оказанный Венизелосу афинянами, производил «впечатление не встречи скромного депутата, а торжественного въезда народного героя — спасителя отечества», — писал в Петербург российский посланник²³. Впоследствии почитатели критянина вспоминали, что он был встречен, как бог, а недоброжелатели — что он явился на сцену, «как бог из машины»²⁴. Никто из прежних политических деятелей не был в состоянии сформировать устойчивое правительство, и в конце 1910 г. это сделал Венизелос. Он упрочил свои позиции в стране, добился роспуска Военной лиги и приступил к осуществлению программы преобразований в экономике, законодательстве, администрации, народном образовании и др. Эти реформы, по признанию их инициатора, не посягали на устой государственного строя²⁵. Они были призваны укрепить этот строй и предотвратить назревавший в стране социальный конфликт.

Новое правительство приняло энергично наращивать военный потенциал страны и добилось значительных успехов в усилении боеспособности вооруженных сил. Однако даже заново обученные и перевооруженные армия и флот не позволяли Греции рассчитывать на успех в военном столкновении с Турцией один на один²⁶. Венизелос отдавал себе в этом отчет. Еще в феврале 1910 г. он доверительно сказал британскому журналисту Баучеру, что намерен вскоре «повернуть штурвал» к созданию союза балканских государств²⁷. Ко времени, когда он возглавил греческое правительство, внешнеполитическая обстановка благоприятствовала этим замыслам. Национальные меньшинства Оттоманской империи сплачивались и проявляли взаимную лояльность на парламентских выборах перед лицом ассимиляторской политики младотурок; болгарский экзарх установил контакты с патриархом Иоакимом, а последний радушно встре-

²⁰ См. И. С. Галкин. Там же, стр. 53—71.

²¹ См. Архив внешней политики России, ф. Политархив (далее — АВПР, ф. ПА), оп. 482, д. 326, л. 91—94.

²² См. И. С. Галкин. Там же, стр. 69—76; E. Driault, M. Lhéritier. Ibid., v. 5, p. 37—40.

²³ АВПР, ф. ПА, оп. 482, д. 326, л. 101.

²⁴ T. Jonescu. Some personal impressios. New York, 1920, p. 266; Nicholas, prince of Greece. My fifty years. London, 1927, p. 221.

²⁵ См. И. С. Галкин. Там же, стр. 78—82; C. Kerofilas. Ibid., p. 70—73; D. J. Cassavetti. Ibid., p. 281.

²⁶ Полк. Гудим-Левкович. Вооруженные силы Греции (по данным на 1 янв. 1912 г.). СПб., 1912, стр. 2—3, 94; R. Renkin. Ibid., v. 2, p. 398; А. Ганчеве. Балканската война..., стр. 17, 23; C. Kerofilas. Ibid., p. 76—78.

²⁷ См. Lady Grogan. Ibid., p. 136.

чал приезжавших в Константинополь болгарских князей. Новое болгарское правительство Гешова не выдвигало стольких оговорок для соглашения с Грецией, как его предшественники, которые хотели заранее согласовать претензии и незамедлительно привести союз в действие. Ко взаимопониманию звала печать обеих стран; налаживались связи общественности — весной 1911 г. группа болгарских студентов и журналистов, например, посетила Афины²⁸.

Калергис, Коромилас, Драгумис и другие ведущие афинские политики образовали так называемый Комитет десяти и подготовили докладную записку, где положительно оценивались перспективы сближения с Болгарией и указывалось, что «самым важным является определение сфер влияния» сторон²⁹. Разработанное с согласия короля Георга предложение совместной защиты прав христиан в Турции и заключения для этого оборонительного союза было адресовано Венизелосом болгарскому царю Фердинанду и премьер-министру Гешову. В обход дипломатических каналов глава греческого правительства весной 1911 г. передал это послание корреспонденту лондонской «Таймс» Баучеру. Тот попросил английского представителя в Вене обеспечить доставку письма по назначению, «не давая болгарскому министру в Вене или кому бы то ни было другому знать, что это»³⁰. Баучер был удобным посредником, ибо пользовался в равной мере доверием руководителей обоих государств.

Правительство Венизелоса восстановило дипломатические отношения с Румынией, вновь разрешившей открыть в стране греческие школы и газеты, позволившей вернуться изгнанным греческим подданным и наперебой с Афинами демонстрировавшей свое дружелюбие. Пошли слухи, будто австро-венгерская дипломатия опять хочет сколотить греко-румынский блок, потенциально опасный для Сербии и Болгарии. Встревоженное болгарское правительство поторопилось проявить предупредительность в отношении Греции. Оно занялось нормализацией положения греческой церкви и школы в Болгарии и тому подобными вопросами³¹. С другой стороны, отношения Греции с Турцией ухудшались, особенно после подчеркнуто помпезного празднования Дня независимости в Афинах 25 марта 1911 г., сопровождавшегося изъявлением симпатий в адрес французской военной миссии, которая реорганизовала греческую армию. Участились инциденты на фессалийских границах, пикетирование и погромы греческих магазинов в Турции фанатиками-мусульманами. Антигреческий бойкот затрагивал торговые интересы Англии, Франции, России и Италии. Протесты этих держав в Константинополе, однако, не были поддержаны Австро-Венгрией и Германией, которых устраивали неудачи конкурентов на турецких рынках. Бойкот продолжался до осени 1911 г.³².

В критском вопросе великие державы решительно воспротивились требованиям островитян отменить режим капитуляций, удалить в отставку турецких чиновников и допустить представителей Крита в афинскую палату депутатов, т. е. санкционировать энозис. Напрасно Венизелос взывал к посланникам держав и указывал им на взаимосвязь критского во-

²⁸ См. Г. Кордатов. Ibid., т. 5, §. 278; П. Стоянов. Там же, стр. 30; А. Гошев. Балканские войны, т. I. София, 1929, стр. 300—301.

²⁹ Г. Абаџиев. Там же, стр. 33; В. А. Жебокрицкий. Болгария накануне..., стр. 175—176.

³⁰ Н. Steed. Through thirty years 1892—1922. A personal narrative. London, 1924, v. 1, p. 360.

³¹ См. АВПР, ф. ПА, оп. 482, д. 328, л. 49—51; В. А. Жебокрицкий. Болгария накануне..., стр. 177—178.

³² См. И. С. Галкин. Там же, стр. 82—83; E. Driault, M. Lhéritier. Ibid., v. 5, p. 56—59.

проса с внутривосточным положением королевства, напрасно старался произвести впечатление своей лояльностью в отношении «Европы». Надежды на политическое решение проблемы оказались тщетными. Между тем, обстановка в бассейне Средиземного моря накалилась с началом итало-турецкой войны за Триполитанию и Киренаику. Правда, итальянское правительство не хотело ни с кем делить добычу и отрицательно отнеслось к перспективе вступления балканских государств в конфликт. Однако поначалу итало-греческое соглашение казалось весьма вероятным, потому что могло бы позволить итальянским империалистам до известной степени камуфлировать агрессивность своих планов заботой о судьбе угнетенных балканских христиан³³.

Взбешенная африканскими поражениями турецкая военщина грозила, что будет говорить о мире с Европой после занятия Афин. Правительство Греции даже решило на всякий случай провести частичную мобилизацию, но оно не считало конфликт своевременным и отказалось от этой меры, когда Порта дала заверения в отсутствии агрессивных целей³⁴. Эти события еще более стимулировали сближение с Болгарией. На запрос греческого посланника Гешов ответил обещанием помочь Греции «в случае, если на эту последнюю нападет Турция и при условиях, которые должны быть определены в оборонительном договоре»³⁵. А зимой, когда началась турецкая военная демонстрация против Болгарии, то Венизелос со своей стороны заверил ее в вооруженной поддержке в случае необходимости³⁶. Окончательное соглашение было теперь лишь вопросом времени. София хотела сперва заключить союз с Белградом, чтобы удовлетворить Петербург. Кроме того, Болгария использовала сближение с Грецией для давления на сербское правительство в спорных вопросах. Приехавший на празднование совершеннолетия царевича Бориса греческий престолонаследник был окружен в Софии таким вниманием, что даже возникли слухи о предстоящей поездке царя Фердинанда в Афины³⁷.

Обе стороны продолжали уверять друг друга во взаимном расположении. Дружелюбному тону болгарской печати афинский официоз «Эстия» вторил инспирированной Венизелосом статьей о межнациональном примирении, наступившем в последнее время в Македонии, которое «началось в крестьянской среде — в мелких общинах; но завершиться оно должно союзом греческого и болгарского государств»³⁸. Поэтому, отмечала греческая печать, нужно всячески содействовать упрочению дружбы, а не возбуждать скользких и чреватых новыми осложнениями вопросов вроде церковного примирения — дело в том, что патриархия для снятия схизмы требовала удалить болгарского экзарха из Константинополя, что было заведомо неприемлемо³⁹.

Убедившись в принципиальном согласии Гешова, греческий премьер-министр в марте 1912 г. покинул столицу, чтобы в загородном поместье с глазу на глаз с Баучером обсудить подробности соглашения. В эти дни было опубликовано интервью, где Венизелос говорил о предстоящих воен-

³³ См. «Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств, 1878—1917» (далее — МОЭИ), серия 2, т. 19, ч. 2, № 362, 487, 512, 525, 529, 664.

³⁴ См. «Красный архив», т. 1/8. М., 1925, № 13, стр. 26—28.

³⁵ И. Е. Г е ш о в. Балканский союз. Воспоминания и документы. Пг. 1915, стр. 31.

³⁶ См. Г. К о р δ á τ ο υ. Ibid., т. 5, §. 280.

³⁷ См. АВПР, ф. ПА, оп. 482, д. 330, л. 8—9; L a d y G r o g a n. Ibid., p. 137; E. C. H e l m g e i s c h. Ibid., p. 75; В. А. Ж е б о к р и ц к и й. Болгария накануне..., стр. 178; Ю. О. Б о е в. Там же, стр. 63.

³⁸ АВПР, ф. ПА, оп. 482, д. 330, л. 12 (Газета цитируется по вырезкам, хранящимся в архиве).

³⁹ Там же, л. 13—19.

ных маневрах в Фессалии и намекал, что больше не боится Турции. Правда, недовольство великих держав побудило его дезавуировать автора интервью, а маневры состоялись подальше от границы на фиванско-танагрской равнине. Однако приближенным запомнилась оптимистическая фраза, вырвавшаяся у премьер-министра: «...Кто знает, не посчастливится ли наследнику Константину вступить в Константинополь?!»⁴⁰. Значение этих слов ясно, если вспомнить, что диадох был главнокомандующим греческой армии.

Бюджетные ассигнования на военные нужды выросли в Греции с 1904 до 1912 г. в 22 раза и достигли 450 млн фр.⁴¹. Проектом бюджета на 1912 г. предполагалось отпустить кассе национальной обороны 52 млн драхм, тогда как на мелиоративные, дорожные и строительные работы выделялось только 15 млн драхм. Средства на покрытие сметы военного министерства, предусматривавшей создание 130-тысячной армии на случай войны, изыскивались за счет упорядочения финансов, заключения новых внешних займов, продажи казенных земель и т. п.⁴². Тон парламентских речей Венизелоса становился все увереннее: желая прочного мира, но не будучи уверена в его поддержании другими, — говорил премьер-министр, — Греция «надеется на достойное ее прошлого будущее» и готовится «мужественно и с надеждой на успех встретить могущие наступить дни испытания»⁴³. При этом он имел в виду и военное и политическое положение.

13 марта 1912 г. был подписан Договор о дружбе и союзе между Болгарией и Сербией. Греко-болгарским переговорам предстояло одолеть последние препятствия. В своем проекте договора Греция умолчала о столь желанном для Гешова пункте о предоставлении автономии Фракии и Македонии. В Афинах опасались, что автономный режим станет прелюдией к аннексии обеих провинций Болгарией. Греция оспаривала также гешовскую формулировку о совместной защите прав христианского населения Турции, вытекавшей из Берлинского трактата и аналогичных актов. Ведь привилегии патриархии, например, подверждались не международными договорами, а султанскими фирманами! Была, наконец, достигнута компромиссная формулировка о правах, дарованных султаном и вытекающих из договоров. Впрочем, греческая сторона отметила в протоколе, что она не обязана следовать болгарской интерпретации Берлинского трактата. 30 мая 1912 г. премьер-министр Болгарии Гешов и греческий посланник в Софии Панас подписали договор о союзе сроком на три года. Оборонительный по букве, он, однако, очень широко толковал казус-белли, распространяя его, например, на систематические нарушения международноправовых норм со стороны Порты. Правда, если бы конфликт возник из-за допуска критских депутатов в афинский парламент, Болгария должна была лишь сохранять дружественный нейтралитет в отношении союзницы, а не выступать активно⁴⁴.

Венизелос принял оговорку в отношении Крита, так как остров все равно фактически был уже свободен от турецкой власти, считая, что подвергаться неоправданному риску не следовало, если можно было действовать наверняка. Несмотря на критику со стороны оппозиции, премьер-министр не только отговаривал критян от поспешных и опрометчивых поступков, но и убеждал кабинет пойти на самые решительные меры,

⁴⁰ Г. Кордатов. Ibid., т. 5, с. 280—282.

⁴¹ Ю. О. Босв. Там же, стр. 39.

⁴² АВПР, ф. ПА, оп. 482, д. 328, л. 145—146.

⁴³ АВПР, ф. Канцелярия, оп. 470, д. 7, л. 36.

⁴⁴ См. И. Е. Гешов. Там же, стр. 31; В. А. Жебокрицкий. Болгария накануне..., стр. 179—180; E. S. Helmreich. Ibid., p. 76; D. Dakin. The Greek struggle in Macedonia 1897—1913. Thessaloniki, 1966, p. 438.

лишь бы не допустить самовольного допуска критских депутатов в парламент⁴⁵. Заключение союза позволяло теперь балканским государствам выбирать наиболее удобный момент для массивированной атаки на Турцию.

Впоследствии Гешов говорил, что договориться о разделе земель, которые будут отняты у Турции и, в частности, о размежевании в Македонии помешал недостаток времени. Политические противники болгарского премьер-министра резко критиковали его за необоснованные надежды решить вопросы территориального раздела после победы над Турцией путем совместного с Сербией давления на Грецию. Обвиняя в легкомыслии Гешова, его оппоненты утверждали, что Венизелос якобы всегда стремился предварительно обо всем условиться во избежание печальных междоусобных осложнений⁴⁶. Правда, это говорилось после, когда «печальное осложнение» превратилось в поражение Болгарии. На самом деле Венизелос отнюдь не проявлял таких качеств. Накануне подписания договора он говорил, что с отвлечением в ходе предстоящей войны сербских сил к Скопле, а болгарских — к Адрианополю греческие войска смогут беспрепятственно оккупировать Эгейскую Македонию, а затем «раздел земель произойдет на базе военной оккупации»⁴⁷. Неопределенность в этом вопросе, таким образом, соответствовала планам Венизелоса, так же как и Гешова. И восхищавшийся Венизелосом румынский министр Ионеску позднее считал верхом дипломатического искусства греческого премьер-министра именно уклонение от территориальных вопросов, обсуждение которых завело бы переговоры в тупик⁴⁸.

За короткий срок правительство Греции мобилизовало ресурсы для внешней экспансии, ценой большого напряжения сил создало боеспособные вооруженные силы и обеспечило союзническую поддержку. Такое быстрое превращение недавно еще слабой страны в один из существенных элементов балканского и средиземноморского «равновесия сил» породило множество восторженных отзывов о Венизелосе как спасителе Эллады, политике и дипломате, сравнимом с Кавуром и Бисмарком⁴⁹. Сам критянин, однако, признавал впоследствии: «Я не столь плохой знаток характеров или общества, чтобы не знать, что ни один человек сам не может достичь того, чего он достигает. Подспудно дух нации был в действии очень долгое время. Я имел честь быть носителем идей, семена которых были посажены давно и неизбежно дали бы всходы раньше или позже»⁵⁰. Умело используя объективно сложившуюся благоприятную обстановку, Венизелос готовил почву для реализации внешнеполитической программы греческой буржуазии. События заставляли торопиться с активизацией действий.

В Афинах были озабочены будущим оккупированных итальянцами в ходе Триполитанской войны островов Додеканез и возможностью распространения албанской автономии на Эпир. Бурю негодования, кампанию протеста вызвало назначение албанца губернатором Янины, на которую, по словам российского посланника в Афинах, «здесь смотрели

⁴⁵ МОЭИ, сер. 2, т. 20, ч. 1, № 114; Γ. Βαντήρη. Ibid., т. 1, ζ. 94; D. Drossos. Ibid., p. 112—114; C. M. Woodhouse. Ibid., p. 190.]

⁴⁶ См. И. Е. Гешов. Там же, стр. 32; «Доклад на парламентарната изпитателна комиссия». София, 1918, т. 1, стр. 186.

⁴⁷ Γ. Βαντήρη. Ibid., т. 1, ζ. 93.

⁴⁸ См. S. Chester. Life of Venizelos. London, 1921, p. 169.

⁴⁹ См. T. Jonescu. Ibid., p. 263; C. Kerofilas. Ibid., p. 158; W. Miller. Ibid., p. 124—126; D. J. Cassavetti. Ibid., p. 23; V. J. Seligman. The victory of Venizelos, a study of Greek politics 1910—1918. London, 1920; G. Hanotaux. La guerre des Balkans et l'Europe 1912—1913. Paris, 1914, p. 203.

⁵⁰ E. Prevelakis. Eleutherios Venizelos and the Balkan wars. «Balkan studies», v. 7, № 2, Thessaloniki, 1966, p. 367.

чуть ли не как на греческую провинцию»⁵¹. Летом 1912 г. турецкие башибузуки учинили новую резню македонского населения. Греция и ее союзники сочли это удобным поводом к вмешательству, надеясь возложить вину за конфликт на врага. Они решили потребовать назначения европейцев губернаторами в балканские провинции Порты с выборными советами и под контролем великих держав и балканских государств. Понимая неприемлемость ультиматума, его инициаторы намеревались провести демарш до окончания итало-турецкой войны и сопроводить его мобилизацией. В начале августа правительство Болгарии окончательно решило не останавливаться перед войной для реализации своих претензий. В Афинах Венизелос развевал последние колебания и повторял своим коллегам, что привлечение болгарских усилий к Фракии отдаст в руки Греции Македонию. Сохранение нейтралитета опасно, убеждал премьер-министр. Ведь если победят славянские страны, это будет смертельным ударом для панэллинизма, а в случае победы Турции греков сочтут «предателями христианской идеи»⁵².

Боясь активизации балканского блока, австро-венгерская дипломатия выступила с идеей децентрализации в Османской империи, чтобы разрядить атмосферу⁵³. Но этого не хотели ни Турция, ни ее противники, встревоженные вдобавок размахом албанского восстания. В Белграде греческий поверенный в делах Караджа предложил координировать усилия балканских государств. Сербское правительство согласилось на переговоры, заверив на всякий случай Петербург, что не помышляет об активном выступлении. Однако условия предложенного греческой стороной проекта соглашения отпугнули Сербию, «которую... приглашали чуть ли не в Малую Азию для поддержания эллинских притязаний», — писал российский дипломат⁵⁴. Попытки достичь греко-сербского соглашения возобновились гораздо позже, во время антитурецкой войны. Но они вызывались не столько желанием упрочить победоносный Балканский союз, сколько избавиться от доминирующего положения Болгарии в нем. А в 1912 г. Греция не имела формального союза ни с Сербией, ни с Черногорией, хотя по некоторым сведениям с последней в июне было заключено джентльменское соглашение оборонительного порядка⁵⁵. В центре всего Балканского союза, таким образом, оказалась София.

Порта вела себя вызывающе, поставив под ружье войска во Фракии. Союзники торопили Грецию с совместной мобилизацией в ответ, обещая взамен включить критский вопрос в военную конвенцию. Греческое правительство рассмотрело вопрос в отсутствие короля, находившегося в Копенгагене, и 17 сентября ст. ст. был обнародован подписанный диадохом указ о мобилизации. По всей стране колокола церквей били в набат, резервисты отправились на сборные пункты, эмигрировавшие в поисках работы греки поспешили на родину. Сосредоточение греческих вооруженных сил и военных запасов в стратегических пунктах побудило великого визиря распорядиться об укреплении границы, но было уже поздно⁵⁶.

⁵¹ АВПР, ф. ПА, оп. 482, д. 330, л. 137—138; Там же, ф. Канцелярия, оп. 470, д. 7, л. 18.

⁵² Г. Кордатов. Ibid., т. 5, §. 285—286; «Доклад на парламентарната...», т. 1, стр. 178.

⁵³ См. В. А. Жебокрицкий. Болгария накануне..., стр. 217—229; П. В. Жогов. Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и первая балканская война 1912—1913 гг., М., 1969, стр. 81—83.

⁵⁴ АВПР, ф. ПА, оп. 482, д. 528, л. 178—179; там же, д. 529, л. 29, 31.

⁵⁵ См. Е. С. Нелтгейсх. Ibid., р. 89.

⁵⁶ См. АВПР, ф. ПА, оп. 482, д. 1044, л. 247; Г. Βεντῆρη. Ibid., т. 1, §. 100.

22 сентября ст. ст. посланник Греции в Софии Панас и военный атташе Метаксас подписали с болгарским уполномоченным генералом Фичевым военную конвенцию, по которой не позднее двадцатого дня мобилизации Болгария должна была выставить армию в 300 тыс., а Греция — в 120 тыс. человек. Греческий флот должен был оперировать на коммуникациях, связывающих сухопутную армию турок и их базу в Азии. Военная конвенция распространила предусмотренный союзным договором казус-федерис и на случай возникновения конфликта из-за допуска депутатов Крита в афинский парламент⁵⁷. С заключением конвенции греко-болгарские союзные отношения приобрели заверченный вид. Вопреки вмешательству держав Европы, с запозданием выступивших в защиту status quo, Балканы неотвратимо шли к войне.

События в этом районе и, в частности, политика Греции были неразрывно связаны с империалистической политикой великих держав, специальное исследование которой выходит за пределы настоящей темы. Позиция Англии, Франции и России, покровительствовавших четвертому блоку, объяснялась стремлением Тройственного Соглашения «ослабить Турцию и воздвигнуть в лице балканских государств преграду проникновению Германии и Австро-Венгрии на Балканы и далее, в Малую Азию... И оно умело использовало завоевательные стремления династий и буржуазных классов в Болгарии, Сербии и Греции»⁵⁸. Российская дипломатия содействовала заключению союза Болгарии с Сербией для отвлечения австро-германских сил на случай мировой войны, хотя и признавала рискованность преждевременного вовлечения России в войну, если балканские государства развяжут ее по собственной инициативе⁵⁹. А западные державы, в первую очередь Англия, стремились ввести Грецию, словно троянского коня, в покровительствуемый, по их мнению, исключительно Россией славянский блок. Британская дипломатия в лице ее неофициального представителя Баучера прямо способствовала этому.

Внешнеполитическая программа афинского руководства предполагала объединение вокруг греческого пьемонта ряда территорий Юго-Восточной Европы и Малой Азии. В рассматриваемый период балканское направление экспансии преобладало над восточным. Потенциальных соперников Греции в борьбе за османское наследство ей удалось превратить во временных союзников. В западных столицах рассчитывали, что расширение эллинских владений на север станет препятствием для выхода к Эгейскому морю Болгарии и Сербии; но великие державы были едины в намерении не допустить захвата Грецией территории Малой Азии, ибо соперничали между собой за влияние там. Цели внешней политики балканских государств и методы их осуществления выбирались господствующими классами в соответствии с их интересами.

Однако в рассматриваемый период, накануне Балканских войн, образование блока Греции, Болгарии, Сербии и Черногории было объективно большим достижением, ибо позволяло ликвидировать анахроническое иго военно-феодального османского режима над европейскими народами. Это дало В. И. Ленину основание считать антитурецкую войну началом новой главы всемирной истории: «Несмотря на то, что на Балканах образовался союз монархий, а не союз республик, — несмотря на то, что осуществлен союз благодаря войне, а не благодаря революции, — несмотря на это, сделан великий шаг вперед к разрушению остатков средневековья во всей восточной Европе»⁶⁰. Наряду с другими государствами Балканского полуострова, в этом приняла участие и Греция.

⁵⁷ См., например, В. А. Жебокрицкий. Болгария накануне..., стр. 180.

⁵⁸ Г. Димитров. Съчинения, т. 7, стр. 396—397.

⁵⁹ МОЭИ, серия 2, т. 18, ч. 1, № 6; там же, т. 18, ч. 2, № 526.

⁶⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 156.

МАРИАН СТЕМПЕНЬ

МЕЖДУ ЛИТЕРАТУРОЙ И ПОЛИТИКОЙ (ИЗ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ ПОЛЬШИ 30-х ГОДОВ XX ВЕКА)

В 30-е годы нашего века социалистическая идеология стала охватывать все более широкие круги интеллигенции. В области литературы влияние этой идеологии проявлялось чаще всего в попытках перевода актуальной политической проблематики на художественный язык.

Показательны в этом смысле выступления молодых деятелей культуры на страницах лодзинского журнала «Пронды», первый номер которого вышел в марте 1931 г. Позднее этот журнал был охарактеризован следующим образом: «Коммунизм мы не пропагандировали, мы также не призывали к насильственному изменению строя, мы указывали только на новый объект литературных интересов — на трудящиеся массы и на неблагоприятные социальные условия». Однако М. Пехаль, автор приведенных слов, писал и о борьбе тех лет, целью которой «было изменение тогдашних общественных условий, изменение строя при помощи искусства, литературы в качестве вспомогательного орудия в исторической борьбе классов». И далее: «„Пронды“ были <...> этапом в интеллектуальном развитии лодзинской литературной группы на пути к полной идеологической и творческой зрелости»¹.

«Пронды» предвосхитили основные направления в мышлении польской интеллигенции. Со всей определенностью они проявились в статье Р. Лена, который, подвергнув критике доктринерство «Месенчника Литерацкого», писал: «Сейчас ведь речь идет не только о последовательно пролетарской литературе, но также об искренних и честных так называемых союзниках. Расширение фронта, а не изоляция, наступление, а не оборона — вот потребности дня»². Это уже предвестие атмосферы, характеризующей 30-е годы. Но предвестие, прозвучавшее, так сказать, не во весь голос. Во-первых, статья Лена была названа дискуссионной, во-вторых — была опубликована анкета-вопросник «Что скажешь по поводу статьи „Лицом к потребителю“?», содержащая критические оценки положений автора. В результате могла бы развернуться серьезная дискуссия, однако она не состоялась, так как журнал был закрыт.

Вот еще некоторые высказывания деятелей культуры тех лет, касающиеся проблем личности, политики, искусства: «Между всеми областями жизни существует теснейшая взаимосвязь. Не случайно, что в эпоху самой азартной охоты на человека в политической области человек начал исче-

¹ M. Piechał. «Prądy» albo trzecie ogniwo. «Osnowa», Łódź, 1964, s. 157, 168.

² R. L e n. Twarzą do konsumenta. «Prądy», 1931, № 3, s. 93.

зять и из других областей жизни. Не случайно, что в живописи образ человека разложили на геометрические фигуры и объемы»³; «Мощному фронту капиталистических концернов должен быть противопоставлен единый и несокрушимый этический и моральный фронт гуманитариев и интеллектуалистов, т. е. людей доброй воли, не „живущих, чтобы прожить“, а борющихся, чтобы преобразовывать. Каждый этап этой борьбы, каждая, даже самая маленькая, брешь в крепости бездушной жестокости и расчета является бальзамом для измученных человеческих сердец и проблемском надежды, что борьба приближает момент выхода человечества из тупика, не только экономического, но и психического»⁴.

Умонастроение польского интеллигента начала 30-х годов отчетливо, на наш взгляд, проявилось в отзыве о творчестве А. Рудницкого, выступившего с повестью «Крысы». Автор рецензии приветствовал в этом произведении «великолепный всплеск самобытного таланта, тесно связанного с нашей действительностью», видел в нем «крик отчаяния и протеста против серости нашей провинции и одновременно бессильное ломание рук, слишком слабых для борьбы за лучшее будущее». Произведение Рудницкого, по мнению рецензента, метко показывает состояние «безнадежной пустоты» — результат исчезновения старых идеалов и отсутствия новых («у нас нет идеалов, в блеске которых созревает общество»). Герой повести — один из тех молодых людей, которые, по выражению рецензента, «переживают собственную жизнь» и «вопреки „державным“ мечтаниям отцов носят в груди по свету безнадежную пустоту!»⁵.

Многие понимали, что они живут в переломную эпоху, в период кризиса, за которым открываются новые перспективы. Например, Зофья Налковская писала: «Современный кризис мне представляется лишь выявлением состояния вещей, существовавшего много раньше. Колебание и перемещение верхних слоев действительности открыло перед нами те глубины жизни, на которых вырастает и которыми питается наша культура. <...> Сегодняшний день имеет то достоинство, что никому не оставляет сомнений относительно окружающей нас действительности. Эта действительность с каждой минутой все более убедительно требует своего уничтожения»⁶.

Важным и весьма интересным свидетельством литературной эпохи 30-х годов является редакционная статья журнала «Камена». В ней решительно подчеркивалось, что журнал не связан ни с каким политическим лагерем, однако заявлялось: «Мы хорошо понимаем общественную основу литературы, связанной с жизнью и опирающейся на нее; мы отдаем себе отчет в том, что мы живем в переломную эпоху, в период героической борьбы рабочих и крестьян за новый облик мира с умирающим, но злобным еще капитализмом, воплощенным в том или ином, явном или замаскированном фашизме. И в этой борьбе мы безусловно стоим по левую сторону баррикады, не только потому, что так нам подсказывает простое чувство справедливости, но и по той причине, что капиталистический строй, сыграв уже свою роль, стал пережитком, тормозящим прилив свежих, здоровых сил пролетариата в творческий процесс развития цивилизации»⁷.

Е. Корнацкий большие надежды возлагал на сближение интеллигенции с пролетариатом, полагая, что оно «весьма успешно лечит болезни

³ W. J a m p o l s k i. Wracamy do człowieka. «Epoka», 1932, № 1.

⁴ S. C z o s n o w s k i. Inspekty «Bussinesu». «Epoka», 1933, № 15.

⁵ J. Z y c i e Ń s k i. Wykolejeńcy. «Epoka», 1932, № 10.

⁶ «Epoka», 1933, № 15.

⁷ «Spojrzenie wstecz. Słów kilka od Redakcji i Wydawnictwa do czytelników». «Камена», 1933/34, № 10, s. 198.

буржуазной культуры и усиливает то, что в этой культуре было хорошее. Так как было и хорошее. И это факт»⁸.

А. Стерн обращался к писателям с призывом поднимать узловые проблемы своего времени, общественные, политические вопросы, возникающие в конфликтных ситуациях между личностью и государством⁹.

Коллектив «Дзвигаров» обращался к радикальной интеллигенции, желая создать из своего журнала «альманах поэзии, революционной по форме и содержанию»¹⁰.

Крестьянские писатели, связанные с журналом «Весь, ей песнь», тоже заняли радикальную позицию. Она вела к изменению характера журнала, что отразилось и в его переименовании: журнал получил название «Нова Весь». Его задачей должно было стать «объединение собственно крестьянских писателей в чистый, выкристаллизованный фронт новой крестьянской литературы». В связи с этим «Левар» комментировал: «Путь пролетариата — это путь крестьянской бедноты; путь марксизма должен стать путем крестьянского литературного авангарда»¹¹.

На страницах журнала «Нова Весь» М. Чухновский популяризировал идею литературного народного фронта. Он выдвигал требования: 1) свободы издания независимых журналов, 2) свободы создания профессиональных союзов народных писателей, 3) ликвидации цензуры, 4) ликвидации эксплуатации со стороны издателей, 5) нового народного искусства¹².

Выразителем тенденций, нарастающих в молодом поколении, была «Кузня Млодых». На ее страницах появлялись высказывания, обнаруживавшие интерес к радикальным явлениям в литературе, к пролетарской поэзии, родоначальником которой молодой польский критик А. Чижевский признавал Маяковского. Авторами произведений, «брызжущих кровью и пульсирующих бешеным ритмом борьбы», Чижевский считал также Есенина, Пильняка, Броневского, Синклера, Грота, Вандурского, Ясенского, Кручковского¹³.

«Кузня Млодых» была журналом учащихся, оканчивающих среднюю школу. В их среде формировались писатели с повышенным интересом к общественной жизни и ее проблемам. «Новое поколение наших мастеров, — писал журнал „Нове Часы“, — сильнее и искреннее чувствует свою идеальную общность с общественной жизнью народа, чем группа наших несомненно великих мастеров, которые являются нашим официальным литературным представительством в столице, но не удовлетворяют нас сегодня в идейном отношении»¹⁴.

«Молодые — иные, — писал Т. Холлендер, имея в виду авторов группы „Пшедместье“ Кручковского, Василевскую, Шемплинскую; познаньскую группу „Шемяны“; некоторых „жагаристов“, — это люди, которые особенно знают свою неразрывную связь с захватившей их эпохой»¹⁵.

Радикальный журнал «Нурты», недолго выходивший в Радоме, писал: «Общественные вопросы теперь так тесно связаны с литературным творчеством, что, говоря о нем, трудно эти вопросы обойти. События, разыгры-

⁸ J. K o r n a s k i. Pokój Glaesera. «Eżoka», 1933, № 26.

⁹ A. S t e r n. Ludzie, którzy milczą. Nasza powieść wobec Polski dzisiejszej. «Eroka», 1933, № 23.

¹⁰ «Pro domo sua». «Dźwigary», 1934, № 4.

¹¹ W a l. K. «Nowa Wieś» na froncie walki. «Lewar», 1935, № 10.

¹² M. C z u c h n o w s k i. Literatura protestu. «Nowa Wieś», 1939, № 8.

¹³ A. C z y ż e w s k i. Literatura współczesna. «Kuźnia Młodych», 1933, № 16.

¹⁴ «Literacka prasa młodych». «Nowe Czasy», 1935, № 5.

¹⁵ T. H o l l e n d e r. Młodzi są inni. «Nowe Czasy», 1935, № 33.

вающиеся вокруг нас в быстром темпе, и их принципиальное значение требуют от каждого честного писателя определить свою позицию»¹⁶.

В «Газете Артыстув» С. Телега указывал, что «историческим образцом, к которому стремится культура, является общество сознательного и свободного труда»¹⁷. Г. Тимофеев призывал: «Спустимся в мир труда, станем плечом к плечу с людьми, которые в поте лица создают современность»¹⁸.

В Польше 30-х годов возникали предпосылки для создания широкого фронта левых интеллектуальных сил, заинтересованных в защите культуры и гуманистических ценностей от опасности фашизма.

Рождение такого фронта, названного позднее народным фронтом, датируют обычно 1933 годом и связывают это непосредственно с реакцией на Лейпцигский процесс. Этого события касалась анкета «Левара», которую, как пишет В. П. Шиманьский, — «Можно признать формальным началом антифашистского левого литературного фронта»¹⁹. В анкете «Левара» приняли участие среди других С. Бачиньский, А. Барбюс, С. Богушевский, М. Чухновский, К. Ижиковский, Ф. К. Войскофф, Я. Бжостовская, С. Чарновский, Л. Кручковский, Ю. Пшибось.

Одной из целей анкеты было выявление мнений не столько о самом Лейпцигском процессе, оценка которого была сразу дана в редакционном вступлении, сколько о настроениях польской интеллигенции, о степени ее готовности к выступлению, которое бы затормозило процесс фашизации.

Программа народного фронта была широкой. Она охватывала проблемы культуры в целом и выдвигала предложения реформ, политических и социальных изменений. Тенденции к созданию народного фронта усиливались и в левых кругах ППС. Они проявлялись в журнале «Нове Писмо», на страницах которого в поддержку единого фронта выступили такие радикально настроенные публицисты, как А. Прухник, В. Альтер, С. Дюбуа, Т. Военьский и др.

После журнала «Нове Писмо» главным выразителем идей народного фронта стал «Левы Тор». В ситуации, благоприятствовавшей мобилизации писателей вокруг задач защиты культуры от фашизма, была сформулирована его программа.

Выразительно прозвучала на страницах этого журнала статья Я. Н. Миллера «О совместных действиях левых литературных сил»²⁰. Она развивала мысль о создании единого антифашистского фронта, подчеркивая, что «вопреки видимости мы имеем дело с огромной экспансией социалистической идеи». Автор представлял себе общую платформу, которая соединяла бы людей, независимо от их политической, философской позиции, эстетических взглядов. Общим соединяющим элементом должна была быть солидарность с классовым рабочим движением в его стремлении к изменению социального строя. Одна из задач такого соглашения состояла бы в развитии и укреплении пролетарской культуры.

В программной декларации «За соглашение» говорилось, что опасный для культуры и все более последовательно осуществляемый поворот к варварству «заставляет каждого независимого писателя и художника занять ясную и решительную позицию по отношению к сегодняшней действительности». Она указывала, что старый социальный порядок, чувствуя опасность со стороны сил прогресса, лишает массы остатков их политических прав, а также атакует и всякую независимую культурную и твор-

¹⁶ «Od Redakcji». «Nurty», Radom, 27 X 1935, № 1.

¹⁷ S. T e l e g a. Hasła i hafasy. «Gazeta Artystów», 24 II 1935.

¹⁸ G. T i m o f i e j e w. Literatura Łodzi. «Nowe Czasy», 1935, № 16.

¹⁹ W. P. S z y m a Ń s k i. Od metafory do heroizmu. Kraków, 1967, s. 107.

²⁰ «Lewy Tor», 1935, № 7—8.

ческую деятельность; преследует независимых писателей, обрекая их на материальные трудности и молчание; с помощью коррупции и угнетения подчиняет литературу своим целям. Фашизированная литература обрабатывает широкие массы в националистическом военном духе. Литература на услугах реакции, литература фашизма — это литература падения²¹.

Декларация исключала возможность для писателя занимать нейтральную позицию: «Мнимая аполитичность литературы только облегчает фашизму овладеть творческой и культурной жизнью (...), облегчает фашизацию культуры».

Эта декларация, появившаяся в октябре 1935 г., способствовала объединению деятелей левой ориентации независимо от разных оттенков в их идейных убеждениях. Имена писателей, художников и ученых, подписавшихся под декларацией, дают представление о круге людей, находящихся в орбите левых влияний. Декларация была подписана, в частности, такими известными писателями и критиками, как С. Бачиньский, Х. Богушевская, В. Броневский, С. Р. Добровольский, Е. Корнацкий, Я. Н. Миллер, В. Слободник, А. Струг, Э. Шемплинская, Л. Шенвальд, Э. Шиманьский, В. Василевская, А. Ват, А. Важик, М. Чухновский, И. Фик, Л. Кручковский, А. Ольха, Л. Пивовар, А. Полевка, Я. Галан, Х. Гурская, А. Гаврилук, А. Ковальская, П. Козланюк, С. Тудор, Т. Буйницкий, Х. Дембиньский, С. Ендрыховский, А. Микулко, Е. Путрамент, А. Рымкевич, М. Жеромская.

Все это обеспокоило правую прессу. Познаньская «Культура» подняла тревогу: «Так же как и в других государствах, и у нас заметны результаты нового метода проникновения коммунистической пропаганды путем так называемого общего народного фронта, вдохновляемого и явно остающегося под замаскированным еще коммунистическим влиянием. (...) Этот фронт проявлял себя уже и в области культурной жизни, и мы являемся в настоящее время свидетелями неожиданного, просто исключительного развития общественно-литературной прессы левого направления. Ежедневники и журналы коммунистического характера размножаются как грибы после дождя»²².

Движение народного фронта в защиту культуры, охватившее широкие круги творческой интеллигенции, привело к организации во Львове в 1936 г. Съезда работников культуры. В состав организационного комитета входили: Х. Гурская, А. Гронович, К. Курылюк, Т. Холлендер, М. Фрейдман, Т. Банась, М. Проминьский, К. Левицкий.

Этот комитет подготовил «Декларацию Организационного Комитета съезда писателей». Она повторяла основные тезисы платформы «За соглашение», некоторые из них дополняла. Кончалась декларация предложением созыва съезда работников культуры «в защиту свободы, культуры и мира»²³.

Предложенная платформа съезда подчеркивала связь судеб культуры со всей жизнью народа. Из этой предпосылки выводились важнейшие задачи в области просвещения, литературы, театра, изобразительных искусств, журналистики. В области литературы высказывался протест против ограничения свободы слова, деятельности цензуры, а также преследований писателей. Выдвигалось требование выделить фонды для профсоюза писателей, установить нормы, охраняющие писателей от эксплуатации со

²¹ Фрагменты декларации «За porozumieniem», см.: J. N. Miller. Bez kropki nad «i». Warszawa, 1964, s. 211—212.

²² «Kultura», 1936, № 2.

²³ Документы съезда цитируются по: «Materiały i dokumenty na 20-lecie hwojskiego Zjazdu Pracowników Kultury (16 V 1936 — 17 V 1936)». Wydział Historii Partii KС PZPR, kwiecień 1956 (maszynopis powielany).

стороны издателей, а также обеспечить возможность писателям оказывать влияние на школьные программы и подбор книг в государственных библиотеках. Эту платформу съезда, существенные элементы которой повторила позднее резолюция съезда, готовили: А. Дан, Б. Домбровский, Я. Галап, Х. Гурская, В. Ямпольский, М. Нашковский, А. Пронашко, А. Сабат, Б. Скаляк, Х. Стербах, Я. Шчирек.

В почетный президиум съезда были избраны: М. Азана, А. Струг, Ж. Ромэн, Р. Роллан, Г. Манн, И. Силоне, М. Горький, К. Оссецкий. На съезде были заслушаны доклады Дембиньского и Тудора «Культура и фашизм», Зегадловича, Василевской и Чухновского «Пролетарская литература», Пронашко и Готтлиба «Изобразительные искусства», Б. Домбровского «Проблемы театра в Польше», З. Лиссы «Исторический материализм в музыке». Письма с выражением солидарности прислали: Х. Богушевская, С. Чарновский, С. Р. Добровольский, К. А. Яворский, А. Струг, Е. Корнацкий, Е. Васовский, Я. Выка.

Съезд сыграл огромную роль в сближении писателей с людьми повседневного физического труда. Во время съезда проходили встречи его участников с рабочими.

Х. Гурская подчеркивала единство взглядов и настроений у писателей и рабочих. В то же время, понимая огромное значение таких политических и социальных фактов, как съезд и созданная им атмосфера, выходящая за пределы Львова, она писала: «Однако (и это нужно подчеркнуть со всей определенностью) нельзя и не должно делать навсегда из писателя политического деятеля, оратора или автора пропагандистских „агиток“. Она предлагала, чтобы следующий съезд занялся творческими и профессиональными вопросами, стоящими перед строителями новой культуры²⁴.

Аналогичные мысли высказывал В. Ямпольский: «Искусство, всякое духовное творчество должны заключить союз с большими тенденциями социального переустройства, союз, основывающийся, однако, не на подчинении, а на равноправии. Мысль и красота не могут отказаться от своих прав, от своих форм и поисков, от всей своей сущности. Они могут содействовать, но не должны прислуживать. Они реализуют и уясняют общественные стремления момента, переводят их на свой язык, обогащают их своими идеями, но не принимают приказов, не унижаются перед командами и не ограничиваются ими, выходят за их круг»²⁵.

Требования, которые сформулировал съезд во Львове по отношению к литературе, дополнялись общими оценками и полемикой в 1936 г. П. Гулька-Лясковский сожалел, что современная литература вместо правды о жизни приносит «забавные ситуации, увеселительные шутки..., развлекая скучающего мещанина». Он ждал от нее рационального анализа действительности, «которая пухнет из-за отсутствия хлеба, любви и свободы духа», а находил увлечение делами, далекими от этих проблем. «Молчание, — предостерегал он, — убийственно не для тех, о ком молчат, а для тех, кто молчит»²⁶. Я. К. Венде критиковал «идейную стерилизацию» современной литературы, противопоставляя ей в этом плане творчество Жеромского. Он не ставил под сомнение правильность новых формальных поисков, однако при условии, что произведения не будут лишены определенных идейных ценностей: «Борьба за форму не может происходить в отрыве от борьбы за содержание, за идею, и только в их единстве можно ожидать творческих и подлинных успехов»²⁷. Примерами ценных достижений литературы были для него произведения Богушевской, Корнац-

²⁴ H. G ó r s k a. Pisarz i masy. «Sygnały», 1 VI 1936.

²⁵ W. J a m p o l s k i. Lwowski Zjazd Pracowników Kultury. «Epoka», 1936, № 1.

²⁶ P. H u l k a - L a s k o w s k i. Koniec świata. «Sygnały», 1937, № 29.

²⁷ J. K. W e n d e. Sterylizacja ideowa literatury. «Czarno na Białem», 1938, № 6.

кого, Налковской, Кручковского, Василевской. Он отрицательно относился к писателям, отрешившимся от актуальной политической и социальной проблематики.

Социальная, политическая и идейная проблематика, привлекавшая к себе прогрессивно настроенных писателей, оказывала существенное воздействие и на другие интеллектуальные группировки. В данном случае мы имеем в виду прежде всего польские католические круги, эволюция которых отражала некоторые общие закономерности, характеризующие европейское католическое движение в целом (центр его был, как известно, во Франции)²⁸. Очевидна все четче обозначавшаяся в те годы ориентация католиков влево, дававшая повод для серьезных размышлений о возможных контактах и сближениях католицизма и социализма. Примером процессов, происходивших в среде католической молодежи, может быть литературная биография К. Прушиньского²⁹.

Конечно, раздавались и скептические голоса в адрес католиков. «Мы не разделяем иллюзий, — писал Е. Любомянский в „Сыгналах“, — которые есть в лагере левых, о возможностях идеологического согласия марксистского социализма и „социализма“ католического. Социализм и католицизм исходят из диаметрально противоположных принципов»³⁰. Однако и этот автор не исключал, несмотря на оговорки, возможности практического сотрудничества с католиками во многих областях жизни. «Нам кажется, — добавлял он, — что такое сотрудничество для культуры было бы очень плодотворным и составляло бы лучшую гарантию сохранения общих культурных ценностей от варварства фашизма».

На явление «возрождения католицизма в виде „неохристианского гуманизма“» указывал Я. К. Венде в рецензии на повесть Анджеевского «Лад сердца»³¹. В этой повести он приветствовал первую ласточку благоприятных изменений в среде польской католической молодежи. Основой этой оценки было то, что книга «имеет определенную внутреннюю морально-воспитательную тенденцию и именно поэтому она столь захватывающе живая».

Критик одобрил идею взаимозависимости людей, прозвучавшую в рецензируемой им повести. Он хвалил также отход автора от фальшивого морализаторства: «Анджеевский показал, что ему не чужды людские страдания и мотивы неэтичных поступков людей». Ошибкой он счел то, что герои вырваны из окружающей их жизни и покорны действию неких фатальных сил.

Е. Путрамент тоже приветствовал повесть Анджеевского: «В „Ладе сердца“ снова есть люди, а не вылизанные марионетки»³².

Очень симптоматичным документом, демонстрирующим пункты схождения католической эстетической мысли с левой литературной критикой, является статья Фика об эстетических взглядах Маритена.

Признание Фика получила точка зрения французского философа, согласно которой предметом критической оценки должны быть не намерения, а объективное содержание произведения, трактуемое независимо от психических переживаний его создателя. Фик считал, что искусство является творчеством интеллекта и поэтому должно направляться разумом. Он с одобрением излагал взгляды французского автора: «Техническое

²⁸ Ср., например: Z. K a r c z e w s k a. Bunt młodych we Francji. «Kultura», 1936, № 11.

²⁹ K. P r u s z y ń s k i. Katolicyzm i socjalizm (możliwości porozumień). «Odnowa», 1937, № 11, 13.

³⁰ J. L u b o j a ń s k i. Zmierzch antyklerykalizmu. «Sygnały», 1938, № 50.

³¹ J. K. W e n d e. «Lad serca». «Czarno na Białem», 1939, № 6.

³² J. P u t r a m e n t. Wśród nowych powieści. «Sygnały», 1938, № 58.

умение не определяет произведение, однако является его необходимым материальным и внешним условием. Техника не создает нового искусства, по ликвидирует препятствия в его реализации. Искусство существует везде, где ясно вырисовывается разумный замысел создателя, благородство намерений. Нет его там, где есть случайность, неясность или эпигонство»³³.

Общим для Фика и Маритена было подчеркивание воспитательной роли искусства, а также признание интеллекта основным и координирующим элементом эстетического переживания. Обоих авторов объединяло отрицательное отношение к натурализму и символизму.

Фик подчеркивал, что Маритен признает общественную функцию искусства и ее общественный характер, придерживается эстетической системы, которая несмотря на ее религиозное оформление имеет научный и универсальный характер. Из этого он делал вывод о желательности распространения идей Маритена на польской почве. Он был уверен, что взгляды Маритена могли бы послужить основой взаимопонимания между всеми представителями эстетики, которым близки дела культуры.

Несколько слов о критических замечаниях некоторых деятелей искусства и литературы в адрес программы левых. Можно обойти пристрастную необъективную критику, с которой выступили авторы консервативного толка. Однако заслуживают внимания высказывания людей, симпатизировавших левым, но по некоторым причинам не солидаризировавшихся с ними полностью.

Л. Хвистек, например, пытался обратить внимание на те проблемы, которым в прежних дискуссиях уделялось недостаточно внимания. Он писал следующее: «Наркотик искусства усыпил широкие массы Древнего Востока и Средневековья, делая их пассивным орудием в руках имущих. Если бы только так должно было быть, этот наркотик был бы действительно вредным. Но так быть не должно. Искусство не противоречит критицизму, так же как не противоречат любовь и героизм»³⁴.

Хвистек беспокоился о судьбах искусства в условиях все более широкой борьбы за социалистические завоевания. Он защищал «мечты и прозрения». Предостерегал: «Нужно следить, чтобы борьба за социальные права не лишала людей способности поддаваться наркотическому действию искусства, иначе, как последнее средство, останутся только водка и кокаин».

Заслуживает также внимания обмен мнениями между З. Дрогоцким, Е. Анджеевским и К. Митерой. Первый из них выступил с мыслью, что стремление к художественности в искусстве не имеет никакого отношения к делу социального переустройства. Необходимым он считал опираться на рабочих и крестьян: «Разве не на их широких и сильных плечах держится новая польская действительность? Разве не их крепкие руки указывают истории путь развития?»³⁵.

Какую роль в этих условиях предназначал Дрогоцкий художнику? Совершенно ясно он этого не представлял. Он осуждал отход искусства от острых современных проблем, но не хотел связывать мастеров в их чисто творческих поисках. Борьбу за новый строй он рассматривал в плане мысли, интеллекта, но не артистизма. Тем не менее он считал, что авторы, сотрудничающие с «Газетой Артыстув», являются бойцами на политическом участке общего фронта.

Возражая Дрогоцкому, Анджеевский выступал против «призыва художников на политический фронт», но не потому, что отказывался от соли-

³³ I. F i k. Estetyka Maritaina. «Sygnały», 1938, № 53.

³⁴ «Эпока», 1933, № 7.

³⁵ Z. D r o h o c k i. Odcinek polityczny. «Gazeta Artystów», 15 IX 1934.

дарности с ним, а из-за боязни перед уничтожением искусства: «Вталкивание искусства в политические и социальные дела — это обречение его на упадок, на недолговечность, каковую имеют политические и социальные идеи»³⁶. Дрогоцкий, писал он, всю действительность рассматривает с точки зрения эстетических и политических ценностей, не видит ничего, кроме этих ценностей, и совершенно забывает, что ведь жизнь имеет одну наивысшую ценность, вечную, неизменную, абсолютную, — моральную ценность. В этой дискуссии принял участие также Митера. Он подчеркивал общественное значение труда художника, труда, которого не может заменить деятельность политика, настаивал на необходимости защищать и охранять интересы творческих деятелей³⁷. В реплике на эту статью З. Дрогоцкий повторил свой главный тезис: «Условием создания и восприятия хорошего искусства является изменение строя»³⁸.

Актуальной проблемой, широко дискутируемой в 30-е годы, была проблема индивидуализма. Ее, в частности, затронула М. Домбровская, мотивируя свой отказ подписать декларацию «За соглашение». Она защищала право писателя на индивидуализм, в этой связи настороженно относилась к подписыванию коллективных документов, допуская, впрочем, что писатель может «подписать по собственной инициативе декларацию, которая ему представляется необходимой, результативной и соответствующей его убеждениям и знаниям фактов»³⁹.

Полемизируя с Домбровской, журнал «Облице Дня» подверг критике индивидуалистскую позицию художника: «Индивидуализм — это один из наиболее страшных и подлых порождений разобщенного мещанского общества, основанного на неправде и эксплуатации, на власти человека над человеком». Автор статьи считал, что читатель имеет право ожидать, и даже требовать, чтобы писатель своим авторитетом, своим именем поддерживал общую борьбу; призывал писательницу к участию в освободительной борьбе масс: «Разве цели, которые ставит перед собой пролетариат, недостаточно грандиозны для того, чтобы им могло служить большое искусство?»⁴⁰.

«Облице Дня», полемизируя с Домбровской, не зачеркивало ее талапта. Домбровская требовала терпимости по отношению к писателям. Автор полемической статьи отвечал: «Мы постараемся быть терпимыми, насколько можно быть терпимым перед лицом подлости и неправды, в доме, который горит. Но протянем к ней (к Домбровской. — М. С.) братские руки и призовем ее в наши ряды, для общей борьбы за лучшую, новую жизнь»⁴¹.

В непосредственной связи с дискуссией между журналом «Облице Дня» и Домбровской появилась статья С. Березовского «Забывтая дискуссия»⁴². Это было сообщение об обмене взглядов между Барбюсом и Ромеюном Ролланом на тему об ограниченности индивидуализма, об эволюции автора «Жана Кристофа» от воспевания индивидуальной независимости до позиции солидарности с пролетариатом и крестьянством.

Интересным свидетельством внутреннего разлада писателя, затрудняющегося определить свою политическую позицию, являются «Разговоры над Вислой и Неманом» Ч. Милоша⁴³. Это внутренний диалог, спор между соблазном отхода от левых симпатий, от жгучих социальных проблем, и

³⁶ J. Andrzejewski. Kilka uwag. «Gazeta Artystów», 29 IX 1934.

³⁷ K. Mitera. To samo inaczej. «Gazeta Artystów», 3 XI 1934.

³⁸ Z. Drohocki. Artysta, państwo, społeczeństwo. «Gazeta Artystów», 17 XI 1934.

³⁹ M. Dąbrowska. Próba wyjaśnienia. «Oblicze Dnia», 1936, № 7.

⁴⁰ m b. Wyjaśnienie próby. «Oblicze Dnia», 1936, № 7.

⁴¹ Ibid.

⁴² «Oblicze Dnia», 1936, № 9.

⁴³ «Karta», 1936, № 2.

голосом гражданской совести, угрызениями, рожденными гражданской сознательностью. Второе оказалось сильнее: «Основой всякой культуры является правда. Эта страна является страной лжи, краем лгунов и слепцов. <...> Уже не жалость, не гуманизм ведут меня и моих ровесников. Нас ведет несправедливость ко лжи, которая подчипила эту страну. <...> Было время, когда я хотел все это отбросить, забыть о гадкой, отчаявшейся родине. Но ее голос летел за мной и не было столь отдаленного места, чтобы от него укрыться». И даже отсутствие всяких надежд на светлое будущее не означает, что человек напрасно «поддерживал голос протеста против зла, что не умел рассудительно молчать ради ... собственного спокойствия».

Впоследствии Милош выступал против актуальной проблематики в литературе, отождествляя ее с узким доктринерством и высмеивая произведения с четко выраженной левой тенденцией. Упрекал Василевскую, «специализирующуюся на социальной справедливости», по его словам. Осуждал писателей, которые отсутствие таланта хотят компенсировать, а в сущности прикрывают политической активностью. Возражал против механического и некритичного заимствования форм советской литературы, не разделял признания Маяковского. Но в то же время Милош подчеркивал, что все эти его мнения (как видим, высказывавшиеся в довольно острой форме) не мешают ему «признавать необходимость совместных действий против опасностей, которыми культуре грозит фашизм», и выражал свою солидарность с писателями, подписывающими воззвание «За соглашение»⁴⁴.

В ответе на «Письмо к защитникам культуры» Милоша М. Жеромская указывала на пример французских писателей и их прогрессирующей общественный радикализм. Учитывая их опыт, она писала: «Сознательное и добровольное подчинение дисциплине, которое является чем-то иным, чем „стойка смиренно“, не угрожает ни одной сильной индивидуальности и большому таланту. Оно может уничтожить только посредственность»⁴⁵.

Милошу ответил также Л. Шенвальд в статье, тезисы которой редакция признала спорными. Он требовал от писателей заниматься политической публицистикой, требовал даже отказа от художественного творчества ради политической деятельности, если возникнет такая необходимость. Можно предположить, что это как раз были те положения, несогласие с которыми высказывала редакция. Шенвальд сформулировал здесь мнения, с которыми трудно согласиться и которые отрицательно сказались и в его собственной поэзии: «Нет полноценного творчества без абсолютной, последовательной отдачи делу. Настоящий пролетарский мастер, мастер, любящий свое искусство, еще больше любит дело освобождения людей. Если для него существует что-либо выше дела, то эта непоследовательность может отразиться на качестве его искусства, может замутить его кристальную чистоту, его моральную основу. Гарантией чистоты источника, из которого вытекает революционное творчество, является готовность художника отказаться в случае необходимости, от собственной музыки, чтобы посвятить себя борьбе. Пролетариат не требует такой жертвы от художников. Они сами, без просьб, должны принести ее, скромно, без крика»⁴⁶.

Такой ответ мог только утвердить Милоша в его сомнениях. Действительно, он при них остался. «Новая Квадрига» с сожалением находила в его произведениях «трагический апокалипсис современности, современ-

⁴⁴ Cz. Miłosz. List do obrońców kultury. «Po prostu», 1936, № 12.

⁴⁵ M. Żeromska. Drogami najlepszych pisarzy francuskich. «Po prostu», 1936, № 14.

⁴⁶ L. Szewald. W odpowiedzi Czesławowi Miłoszowi. «Lewar», 1936, № 4.

ный „Dies irae, dies illa“, отсутствие социальной основы, паническое возвращение к искусству для искусства»⁴⁷.

Аналогичные, хотя не столь далеко идущие сомнения, высказывал также В. Ямпольский. Он хотел сотрудничества литературы с политикой, а не диктата последней. «Литература, — писал он, — может быть призывной песнью, может быть политическим оружием, и понятно, что мы с особой симпатией относимся к прогрессивной и левой литературе, близкой нашим политическим идеалам. Но литература одновременно является самой глубокой, единственной беседой душ, т. е. плоскостью эмоционального взаимопонимания взглядов и индивидуальностей, которые в других областях, в своей сути далеки друг от друга. <...> Литература как целое, при этом не только левая, но, говоря, упрощенно, и правая, реакционная <...> должна быть свободна»⁴⁸.

Иного свойства сомнения имел Я. Охендушко, выступивший по поводу статьи Кручковского «Бездорожье национализма и социалистические идеалы»⁴⁹. Охендушко солидаризировался с борьбой против национализма за демократию и культуру. Однако он опасался некоторых последствий, вытекающих из марксизма. Он видел в нем фатализм («что-то является исторической необходимостью, — говорит марксизм, — поэтому произойдет, хотим мы этого или нет»), а как его следствие — отход от героизма, величия человека и его моральной ответственности за собственные поступки. «Там, где все или неизбежно, — писал он, — или невозможно, а третьего не дано — там нет места для каких-либо этических оценок»⁵⁰.

Заслуживает внимания еще одно обстоятельство. Экономические, социальные и политические потрясения, пережитые Польшей, состояние напряженности привели к тому, что социальные вопросы стали в известном смысле делом интеллектуальной моды, что уже само по себе могло вызывать некоторое раздражение. Это вело к нежеланию определенным образом квалифицировать социальную позицию писателя, повторять идейные декларации, наклеивать ярлыки. Вот что писал об этом С. Р. Добровольский: «Нас обвиняли в отсутствии так называемой идеологии, ясно декларированной позиции по отношению ко многим актуальным, социальным, политическим, национальным явлениям, словом — в отсутствии того, что так охотно называют «мировоззрением» писателя. Это упрек одновременно и важный и несерьезный. Чего требовали? Требовали, чтобы я ясно высказался <...>. Я декларировал многократно и признаюсь со всей смелостью, что мне этого надоело. Никто уже, пожалуй, не сомневается, что тот или иной из нас представляет нечто определенное. Несмотря на это, а, может быть, именно поэтому, задача писателя не состоит в том, чтобы постоянно давать понять, какой ярлык ему полагается»⁵¹.

В нашей статье изложены дискуссии по вопросам, возникавшим на стыке литературы и политики, дискуссии, которые должны были обострить интерес писателей к социальной и политической проблематике, наиболее актуальной в атмосфере второго десятилетия независимой Польши. Эта проблематика, концентрировавшаяся главным образом вокруг идей народного фронта, в значительной мере определила литературную программу левых писателей и оказала существенное воздействие на их творчество.

⁴⁷ (S p). Apokalipsa w cuglach. «Nowa Kwadryga», 1937, № 3.

⁴⁸ W. J a m p o l s k i. Literatura i polityka. «Epoka», 1936, № 13.

⁴⁹ Статья Кручковского была напечатана в «Prosto z mostu», 1936, № 59.

⁵⁰ Z. O c h e d u s z k o. W panteonie nieporozumień. Artykuł dyskusyjny. «Sygnały», 1936, № 15.

⁵¹ R. D o b r o w o l s k i. Uwagi o Zbigniewie Uniłowskim. «Ateneum», 1938, № 2.

Е. И. РЯБОВА

О ЛИТЕРАТУРЕ «ИЗМОВ» И ЕЕ СЛУЖБЕ РЕВОЛЮЦИИ

Среди проблем литературы XX в. одной из наиболее дискутируемых является проблема авангардистских (и родственных им) течений. Оценка их общественной функции представляет предмет споров между литературоведами, споров, в значительной мере вытекающих из двойственной и противоречивой природы этих течений. С одной стороны, многие из этих течений генетически связаны с эпохой первой мировой войны и подъема революционного движения в странах Европы. Они порождены разочарованием в буржуазном миропорядке и являют собой картину разных форм его неприятия. Некоторым из этих течений присущи интенсивные поиски нового гуманистического идеала, антивоенный пафос. Наконец, отдельным представителям авангардизма и целым группам внутри него были свойственны прямые революционные симпатии. С другой стороны, неотъемлемыми атрибутами авангардизма являются анархичность его протеста, индивидуализм, нередко — асоциальность, уход в мистику или сферу подсознательного, субъективизм формы, доходящий порой до полной герметичности. Многие зарубежные литературоведы, абсолютизируя антибуржуазную и шире — нонконформистскую направленность авангардистских течений, при решении вопроса об их социальной сущности склонны преувеличивать степень их прогрессивности. При этом поэтику авангардизма они считают единственной подлинно адекватной современному миру в отличие от поэтики реалистической.

Эта концепция находит свое выражение и в работах югославских литературоведов. В частности, она оказала определенное влияние на словенского ученого М. Кмецла, автора серьезных работ, посвященных главным образом современной словенской литературе (см., например, написанный им раздел большой коллективной монографии «Словенская литература 1945—1965»¹). Его интересуют также проблемы советской литературы и освещение их в нашем литературоведении. В одном из недавних своих выступлений М. Кмецл, оперируя материалом словенской и советской литератур межвоенного периода, выразил убеждение, согласно которому советское литературоведение должно, наконец, признать, что «совершенно так же как реализм, служила революции литература „измов“ и что она «способна на это во все времена»². Между тем советскому литературоведению, по мнению М. Кмецла, присуще «полемическое и отрицательное отношение ко всему, что в литературе нерелигиозно».

Однако соответствует ли это действительности? Прежде всего напомним, что в последние годы у нас появилось особенно много работ, где

¹ B. Paternu, H. Glušič-Krišper, M. Kmecl. Slovenska književnost 1945—1965. Lirika in proza. Ljubljana, 1967.

² M. Kmecl. Odličen ruski prikaz slovenskega slovstva med obema vojnama. «Jezik in slovstvo», Ljubljana, 1971/72, štev. 1—2, s. 34.

в той или иной связи анализировались теория и практика различных не-реалистических течений XX в. — символизма, экспрессионизма, сюрреализма, чешского поэтизма и др.³ Оценки этих течений, даваемые разными авторами, различны; но в основе их лежит не априорное «отрицательное отношение», о котором говорит М. Кмецл, а стремление разобраться в противоречивой природе этих течений, их идейной дифференциации, причинах и условиях их возникновения, роли в духовной жизни общества, соотношении эстетической реальности, создаваемой средствами данного художественного метода, с объективной реальностью и т. п.

Освещение материала литератур Югославии, в том числе и словенской, в работах советских югославистов также, мне кажется, не подтверждает тезиса М. Кмецла об «отрицательном отношении ко всему нереалистическому». «Отрицательное отношение» вряд ли может сочетаться с признанием закономерности возникновения нереалистических течений в словенской литературе 20-х годов, с признанием того, что они «по-своему ответили на потребности времени» и пришли к «определенным художественным открытиям»⁴. В самом деле, экспрессионизм с его высокой степенью обобщенности, с его напряженной эмоциональностью был типом искусства, который соотвествовал моменту острого кризиса буржуазного мира и рождения мира нового, поре возникновения новых, еще не во всем ясных социальных и философских устремлений. В некоторых произведениях экспрессионистического искусства состояние умов, настроения и искания начала 20-х годов выражены с большой силой; немалую роль в этом сыграло открытие новых выразительных средств, новых форм художественного обобщения, многие из которых обогатили арсенал литературы.

Но при этом в экспрессионизме как искусстве, которое строится на выражении эмоционального или философского (или того и другого вместе) отклика художника на окружающую действительность, на символе и аллегории, призванных выявлять суть и изменяющих конкретно-чувственную сторону явлений, картина мира сильно трансформируется. Познавательное начало присутствует в экспрессионистическом творчестве не в прямом своем виде, а иносказательном, у экспрессионистов же мистического толка обычно сведено к минимуму. Это приводит к определенной односторонности экспрессионистического искусства. Потому и в обществе, и в недрах самого экспрессионистического направления, в первую очередь — его революционного крыла, возникает тяга к искусству другого типа — воспроизводящему действительность не путем ее метафоризации, а путем анализа и изображения реально существующих связей, отношений, материальной среды и т. п., т. е. к искусству реализма.

Именно этот процесс происходил в Словении в 20-х — начале 30-х годов. И мнение М. Кмецла о равноценности — и притом равноценности непреходящей, существующей, как он говорит, «всегда» — нереалистических «измов» и реализма в революционной литературе, как мне кажется, ставится под сомнение тем, что именно представители словенской революционной поэзии 20-х годов и ряд прогрессивных писателей начали пе-

³ Сб. «Формирование социалистического реализма в литературах западных и южных славян». Изд-во АН СССР, 1963; сб. «Генезис социалистического реализма в литературах стран Запада». Изд-во АН СССР, 1965; С. М. Ф р а д к и н. Бертольт Брехт. М., 1965; сб. «О литературно-художественных течениях XX века». Изд-во МГУ, 1966; Л. Н. Б у д а г о в а. Витезлав Незвал. «Наука», 1967; сб. «Критический реализм XX в. и модернизм». «Наука», 1967; сб. «Социалистический реализм и художественное развитие человечества», М., 1966; сб. «Национальные традиции и генезис социалистического реализма», М., 1965; Д. Ф. М а р к о в. Генезис социалистического реализма. «Наука», 1970, и др.

⁴ См. Е. Р я б о в а. Основные направления в межвоенной словенской литературе. В сб. «Зарубежные славянские литературы. XX век». «Наука», 1970, стр. 131.

реходить на позиции реализма раньше, осознанней и последовательней, чем литераторы иных ориентаций. Очень рано, когда словенский экспрессионизм еще только близился к своему апогею, критик-марксист В. Мартеланц, который приветствовал первые манифестации экспрессионизма как искусства, протестующего против попрания человека и адекватного духу современности, ощутил историческую недолговечность этого течения. Он писал: «Экспрессионизм и футуризм становятся уже слишком ограниченными для выражения всего содержания нашего времени»; подчеркивал, что экспрессионизм, как и футуризм, — порождение кризисного периода, когда старое общество терпит крах, а новое еще только рождается, когда большая часть страждущего, ищущего выхода человечества еще не обрела ясности цели. Мартеланц видел в экспрессионизме и футуризме «неосознанное искание и неясное стремление, протягивание рук, не знающих, за что ухватиться»⁵. Это «судорожный крик о человеке, об индивидуальности, которой современное общество не дает свободно развернуться. Экспрессионизм, впрочем, не имеет отчетливой прогрессивной идейной основы. Это лишь выражение внезапно вскипевших чувств...»⁶.

Уже тогда не в экспрессионизме, за которым Мартеланц, однако, признает «большое моральное значение», критик видел магистральный путь развития будущего пролетарского искусства, а в реализме: «В реализме выражается прежде всего критика современного общества, его социального устройства и его культуры; реализм — выражение активной, позитивной стороны в современных духовных стремлениях буржуазного общества. И поскольку всякая критика имеет свою положительную конструктивную сторону, это искусство становится идейным предтечей грядущей пролетарской культуры»⁷.

И творческая практика и литературные взгляды представителей словенского, используя термин М. Кмедла, «революционного литературного нереализма» 20-х годов, т. е. левозекспрессионистической группы молодых литераторов, отличались от практики и теории других экспрессионистических течений, в частности сильным развитием реалистических тенденций. Вожаком молодой революционной поэзии 20-х годов С. Косовел, при всей сложности и многогранности его эстетических исканий, главный смысл литературы видел в отображении внутреннего мира человека, неразрывно связанного с окружающей его социальной действительностью, звал к анализу социальных конфликтов, гнетущих человека, к тому, чтобы литература служила борьбе с общественным злом. Творчество Косовела, Т. Селишкара, М. Клопчича и др. наряду с идущими от экспрессионизма абстрактностью, «космизмом», визионерской фантастикой содержало в себе существенные элементы реализма, которые в 30-е годы у Клопчича и Селишкара (Косовела не стало в 1926 г.) переросли в ведущий эстетический принцип.

С конца 20-х годов в словенской литературе начался период широкой критики экспрессионизма. Ощущение ограниченности его возможностей, тяга к более конкретному искусству обнаружилась у писателей, стоящих на самых разных эстетических платформах. Развернулись споры о «новом реализме», о соотношении «духовного» и реального в нем, причем за преобладание духовного, идеалистического начала, за «нереализм» выступали экспрессионисты-католики, но отнюдь не представители революционной литературы. Литераторы, сознававшие необходимость активного сопротивления буржуазно-монархическому гнету и угрозе со стороны внутреннего и внешнего фашизма, литераторы, ощущавшие свой гражданский долг

⁵ V l. M. Zenitizem. «Učiteljski list», Trst 1922, s. 11.

⁶ V l. M. Moderna umetnost in njene naloge. Ibid., s. 210.

⁷ V l. M. Razredni moment v moderni umetnosti. «Učiteljski list», 1923, s. 39.

перед народными массами, ратовали за социальную проблематику и ее реалистический анализ. Среди них были и коммунисты Э. Кардель, Д. Кермаунер, позже — И. Брничч, и активно сотрудничавший с компартией Б. Крефт, и экспрессионист-«космист», поэт углубленного нравственного поиска М. Ярц, и выходец из христианско-социалистического движения, впоследствии деятель компартии и один из крупнейших словенских прозаиков М. Кранец, и многие другие.

В результате интенсивных объединенных усилий писателей и критиков реализм победил в первую очередь именно на левом крыле литературы, ознаменовавшись в 30-е годы выдающимися художественными достижениями и интенсивным развитием эстетической мысли. Нереализм — да и то гораздо более «предметный» и «земной», чем это было в 20-е годы, — сохранялся только на правом ее крыле и стал формой выражения индивидуалистического или религиозного мировоззрения. На этом этапе экспрессионизм, окончательно лишившийся того революционного содержания, которое несло в себе творчество левоэкспрессионистов в 20-е годы, становится объектом критики со стороны прогрессивного крыла литераторов. Й. Видмар, Б. Фатур, В. Павшич (М. Бор) развенчивают поэтику экспрессионизма, демонстрируя, главным образом, психологическую недостоверность произведений экспрессионистов, их экзотичность, склонность к экзотике и т. п. И. Брничч в статьях, посвященных анализу творчества экспрессионистов-католиков, доказывает, что они уходят от важнейших проблем, в то время как реализм их ищет и раскрывает. Б. Зихерл критикует декадентский экспрессионизм за проповедь безысходности, порожденную страхом перед революцией.

О чем могут свидетельствовать эти и многие другие высказывания словенских писателей и критиков 20-х и 30-х годов, как не о признании определенных преимуществ реалистического метода, признании несоответствия средств, которыми располагал экспрессионизм, задачам новой эпохи. Смятенные, неуверенные вначале искания прогрессивных сил общества приобрели все более целеустремленный и осознанный характер, и в связи с этим все более властно заявляла о себе потребность во внимательном исследовании жизни средствами искусства⁸.

Экспрессионизм — искусство эмоциональное. В этом его сила и его необходимость в определенный момент истории. И в этом же его односторонность, недолговечность. В реализме же эмоциональность соединяется с мощно развитым объективным, познавательным началом.

Реалистическому искусству свойственно бесконечное разнообразие творческих индивидуальностей и способов «обработки» жизненного материала; постоянны обогащающие реализм контакты и взаимодействия его с другими творческими методами и стилями. И в этом — залог вечной жизненности реалистического искусства и объяснение того предпочтения, которое оказывается ему, как мы только что видели, отнюдь не одним лишь «официальным советским литературоведением».

Различные творческие методы не равноценны по своим потенциальным возможностям художественного освоения мира. Различны и их социально-

⁸ О том, насколько притягательно было в этот период реалистическое искусство для многих адептов экспрессионизма, можно судить, например, по высказываниям одного из наиболее талантливых представителей последнего (на его позднем этапе, в 30-е годы) — драматурга и прозаика С. Грума. Писатель, весьма далекий от революционной идеологии, но страстно и болезненно ненавидевший стоячее болото буржуазно-мещанского мира и изображавший его в фантастически-гротескных образах, создающих ощущение безысходной абсурдности жизни, был, по его собственным словам, «восхищен», «поражен», «очарован» реалистическими произведениями Прежихова Воранца (S. G r u m. Proza in drame. Maribor, 1957, s. 30).

исторические функции. Нереалистические течения, входившие в революционное, социалистическое искусство, внесли (а некоторые вносят и сейчас) большой художественный вклад в развитие революционного сознания. Революционно-романтические течения, преобладавшие на ранних этапах формирования социалистического искусства в России, Польше, Болгарии и других странах, создали неувядаемую поэзию, зовущую к подвигу. Лево-экспрессионистические течения и группы в Германии, Словении, Хорватии поддерживали борьбу прогрессивных сил против милитаризма, лживой пропаганды классового мира, за революционную солидарность трудящихся.

Однако при всем значении нереалистических методов революционное искусство в силу своей социальной функции тяготеет к реализму. Реализм наилучшим образом удовлетворяет потребности общественных сил, стремящихся к познанию мира в целях его революционного преобразования, ибо это — метод, дающий наиболее полную, верную и объективную картину действительности. В этом смысле реалистический метод, условно говоря, «научнее» других художественных методов, в особенности тогда, когда его философской основой становится диалектический и исторический материализм⁹.

М. Кмецл предлагает считать, что литература «измов» «служила революции совершенно так же, как реализм». С этим уравнением различных течений по степени их эффективности согласиться никак нельзя. Не могут одинаково успешно служить революции искусство, вооруженное идеями научного социализма, анализирующее жизнь общества с позиций этого учения и мобилизующее его прогрессивные силы на сознательную борьбу за осуществление социалистического идеала, и искусство, вдохновляющееся, скажем, анархо-индивидуалистическими утопиями или мечтающее раскрепостить человека через раскрепощение его инстинктов. Не могут в равной степени воздействовать на общество искусство коммуникативное и искусство герметическое, искусство, «революционно» отвергающее логику, с головой уходящее в эксперимент. «Можно как угодно экспериментировать, можно кувыряться, как угодно, но дело в том, примет ли участие в этом такая решающая сила в литературном процессе, как читатель, будут ли ему интересны эти эксперименты»¹⁰. А для революционной литературы, стремящейся к глубокому и активному воздействию на широкие массы людей, эта связь с читателем особенно необходима. Эксперимент, дающий новые, свежие краски и приемы, которые способствуют более тесному контакту между автором и читателем, совершенствованию способов передачи мыслей и чувств автора во всей их сложности и ему одному присущей окраске, — такой эксперимент необходим революционной литературе. Но эксперимент, приводящий к «деструкции логического синтаксиса», о которой пишет М. Кмецл в связи с С. Косовелом, не может быть столбовой дорогой для литературы вообще, а для революционной — в особенности. Можно допустить (хотя это далеко не аксиома), что увлечение подобными экспериментами не ослабляет «социальной анга-

⁹ Об этом, кстати, пишет в своей недавно вышедшей статье и словенский литературовед Ф. Задравец. Имея в виду словенский «социальный реализм» 30-х годов, он говорит: «Реалист стал „ученым“ в том смысле, что он отказался руководствоваться в литературе априорной таинственной природой и стал писать, опираясь на убедительный опыт, на познание, углубляемое мировоззрением и притом тем мировоззрением, которое обеспечивает максимум истины о человеке, обществе и мире. Социальный реалист признает диалектику в человеческой личности и в равной мере — общественную диалектику и включенность личности в нее» (F. Z a d r a v e c. Realistična estetika po ekspresionizmu v Sloveniji. «Slavistična revija», Ljubljana, 1972, štev. 3, s. 283).

¹⁰ А. Т в а р д о в с к и й. Выступление на конгрессе Европейского общества писателей в Риме. «Иностранная литература», 1966, № 1, стр. 245.

жированности», но совершенно ясно, что деструкция логики и синтаксиса ослабляет контакт между поэтом и его читателями.

Некоторые эксперименты Косовела помогли ему выразить свое мироощущение, напряженность своего духовного мира, помогли схватить черты нового в окружающей действительности. Примером того, как такое экспериментаторство оправдывает себя, может служить стихотворение «Эвакуация духа»:

Дух в пространстве.
 Пожар бурь разжигает тьму.
 Дух горит в пространстве.
 Рассеивает магический луч.
 Зеленые окна освещенного
 экспреса на впадуге.
 Я одип горю и свечу себе;
 слепые чувствуют только электричество
 моего луча, не видят света.
 А все трепещут, подобно мне,
 как в смертном дурмане.
 И не знают, что это трепет
 крыл, которые хотят простереться,
 вспламенеть, как золотой огонь, в почч.
 И проклиная полицейских солнца,
 которые спят ночью,
 точно мещане.
 И все люди спят ночью
 и не чувствуют магических откровений,
 которые сверкают во мне из меня.
 Люди — это эвакуация духа.
 Аномалия психологши.

В этом стихотворении поэт доносит до нас во всей его трепетности ощущение одиночества души, пламенеющей огнем стремления к лучшему миру, основанному на справедливости и красоте, огнем самоотвержения; это одиночество среди людей, погруженных в слепоту и полусон повседневного существования. В них, «слепых» и «спящих», живет неосознанная тяга к идеалу, но они слишком задавлены бременем забот, «эвакуировавших» из них «дух». Здесь есть внутренняя логика, образы подчинены задаче выявления вполне оформившейся поэтической идеи. Но в тех случаях, когда эксперимент Косовела устремляется в сторону намеренного алогизма, стихийного нагромождения явлений, попыток выразить нечто неуловимое, это затрудняет восприятие текста, создает возможность его произвольных толкований.

Например:

...Магия пространства.
 Мерцание пространства.
 Сквозь песню
 светит луч души,
 свет слова,
 подобно радужному стеклу.
 Не оживляйте мертвеца!
 Естествознание — духовная наука,
 география — наука о человеке,
 политика — наука о разуме.
 Сердце, сердце, сердце.

Конструктивность замечает
 космос в предмете.
 Человек — предмет с душой и телом.
 Вам плохо ездить в III классе?
 В купе молодые дамы.
 Мы едем в космос...

(«Калейдоскоп») 11

Конструктивистские опыты Косовела дали ему возможность овладеть еще одним новым, современным поэтическим «наречием», рожденным веком широкого проникновения науки и техники в сознание людей. Здесь поэт работает на очень высоком уровне обобщения, требующем предельного напряжения и открытости философского звучания, полного отказа от описательности, нарративности. Но трактовка поэзии как «магического откровения», порой иррациональный характер текста говорят о том, что поиски в этом направлении уводили поэта с его магистрального пути — пути к искусству, глубоко познающему жизнь человека и общества и соединяющему людей труда в их борьбе за осуществление революционных идеалов. Обращение к широкой аудитории во имя достижения конкретных социальных целей плохо совмещается с усиленным субъективизмом формы выражения. Эксперимент для большого поэта, которому есть что сказать людям, — не самоцель, не вершина творчества. Его цель — быть понятым в своей необходимой для человека, для общества мысли. И чем зрелее мысль, тем сильнее это стремление быть понятым. Чем отчетливей поэт ощущает, что в своем чувстве он един с тысячами соотечественников, тем настойчивее ищет он предельно ясную форму для того, чтобы высказать это чувство многих. История литературы знает множество примеров, когда поэты, культивировавшие сложные, изощренные формы или тяготевшие к эксперименту и разного рода «измам», в годину суровых испытаний, выпадавших на долю их народа, начинали творить в духе целомудренной и высокой простоты чувства и слова. Так это было в годы второй мировой войны со многими поэтами — с Ахматовой, Незвалом, а в Словении — с Удовичем, Впютником и др.

Таковы, в общих чертах, те возражения, которые мне хотелось бы высказать в связи со статьей М. Кмецла, возражения, которые мешают принять его рекомендацию — считать, что революции в равной мере служат реализм и литература «измов».

¹¹ Не исключено, что некоммуникативность некоторых произведений из конструктивистского цикла Косовела «Интегралы» в какой-то мере объясняется тем, что они представляют собой первичный эскиз, набросок недостаточно вызревшего замысла. Неизвестно, как выглядели бы эти стихи в окончательном варианте, если бы они были напечатаны самим поэтом, а не изданы посмертно.

Р. ПАВЛОВА

К ВОПРОСУ О СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИССЛЕДОВАНИИ СЕМАНТИКИ ПРЕДЛОГОВ

Предлоги, как известно, служат для выражения разнообразных отношений: пространственных, временных, посессивных, аблятивных, компаративных, финальных, каузальных и т. п. Для сопоставления предлогов, обозначающих один и тот же вид отношений в двух или более языках, требуется, по нашему мнению, соблюдение следующего условия: необходимо, чтобы в отдельных языках эти предлоги были описаны одним и тем же способом. Одинаковая процедура определения их значений даст возможность построить сопоставительную таблицу, которая покажет все их возможные сходства и различия. В связи с этим задачи нашей статьи могут быть сведены к следующему: прежде всего необходимо уточнить критерии и методы, которые могут быть использованы для определения семантики предлогов, после этого станет возможным приступить к решению вопроса о построении сопоставительной таблицы.

Предлогам посвящена большая литература. Однако, несмотря на это, вопрос, связанный с определением содержательной стороны синтаксических предложных конструкций, остается дискуссионным. Поэтому закономерен вопрос: какие критерии необходимо использовать при определении значений предлогов, чтобы метод был формально строгим? Семантика предлогов, как и семантика вообще, не дана в тексте в явном виде. Каким способом ее определить?

В последнее время делаются попытки определения семантики грамматических средств через их синтаксические свойства. Так, Ю. Д. Апресян устанавливает, что значения элементов текста проявляются в доступном для непосредственного наблюдения синтаксическом поведении языковых элементов¹. Поэтому, фиксируя сходства и различия в синтаксическом поведении языковых элементов, т. е. в их синтаксических признаках (свойствах), мы могли бы сделать объективные заключения об их семантических свойствах и различиях². Под синтаксическими признаками (свойствами) языковых средств понимаются: 1) их дистрибутивные признаки и 2) их способность к тем или другим трансформациям³.

¹ Ю. Д. Апресян. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.

² Подобные взгляды ранее высказывали и другие авторы, например: V. M a t h e s i u s. On some problems of the systematic analysis of grammar. «A Prague school reader in linguistics». Bloomington, 1964; Е. Курдюмович. Проблема классификации падежей. «Очерки по лингвистике», М., 1962; Н. Хомский. Синтаксические структуры. «Новое в лингвистике», вып. II. М., 1962; R. J a k o b s o n. Implications of language universals for linguistics. «Universals of language», edited by N. Greenberg. Cambridge, 1963 и др.

³ Ю. Д. Апресян. Там же, стр. 25.

Дистрибуция (или распределение) устанавливается через совокупность всех окружений (контекстов), в которых встречается языковая единица. К дистрибутивным признакам относится лексическое наполнение членов синтаксической конструкции и их место в синтагме (порядок слов).

Какой контекст является достаточным для возникновения отношений, которые выражает предлог? Исследование проблемы словосочетаний показывает, что минимальная дистрибутивная модель, необходимая для возникновения пространственных, объектных, причинных, временных и прочих отношений, — это контекст простого словосочетания, т. е. «главное слово + предлог + зависимое слово». Например ⁴, *еду в Москву — пьтувам за Москва, бросился к окну — хвърли се към прозореца, вернусь в среду — ще се върна в сряда, превратить в развалины — да превърна в развалини, о чем рассказывает — за какво разказва* и др.

При рассмотрении дистрибутивных свойств предлогов, кроме лексического наполнения знаменательных слов предложной конструкции, нужно учитывать и некоторые их грамматические признаки: вид, переходность, формы лица и времени глагола, некоторые словообразовательные особенности.

Иногда, однако, контекст простого словосочетания оказывается недостаточным, и функциональный анализ предлогов не может ограничиться рамками этого контекста. Так, вторичный предлог *благодарение на* в болгарском языке обозначает причину, способствующую достижению положительного, благоприятного результата. Часто эта специфика причинного значения создается при помощи других слов предложения, например: *Но благодарение на кръзната и пластична фраза никъде не се достига до сухотата в разсъжденията на някои претенциозни «модерни» произведения*. Конструкция «благодарение на фразата не се достига» не является достаточной для раскрытия причинного значения предлога *благодарение на* — благоприятность результата создается посредством других синтаксических единиц: *кръзна, пластична*. Другой пример: только на основании словосочетания «направи го заради нея» нельзя судить о том, какое значение выражает предлог *заради* — «ради» или «вместо».

Итак, мы уточнили вопрос о границах контекста, необходимого для возникновения тех отношений, которые выражает предлог. Если рассмотрим совокупность контекстов, в которых может функционировать какой-либо предлог, мы приходим к заключению, что он может иметь два типа контекстов.

Первый тип — это такие контексты, в которых может употребляться только один из предлогов той группы предлогов, которые выражают один тип отношений (пространственных, временных, комитативных, компаративных, финальных, каузальных и т. п.). Например, контекст, в котором главное слово — глагол на *-еть*, образующий совершенный вид обыкновенно с приставкой *по-* и обозначающий изменение цвета субъекта, а зависимое слово — существительное, обозначающее чувство, физическое состояние, вещество, природные явления, мыслительные процессы, требует в русском языке употребления предлога *от* ⁵, например: *побелел от злости, покраснел от смущения, лицо почернело от гнева, побледнела от речной сырости, бульвары розовеют от заката, помрачнел от неприятных воспоминаний* и т. п. Аналогичное положение находим и в болгарском языке, например: *почервеня от гняв, очите му бяха потъмнели от жажда, беше почерняла от саждите, пожълтя от багрите на есента, посивя от*

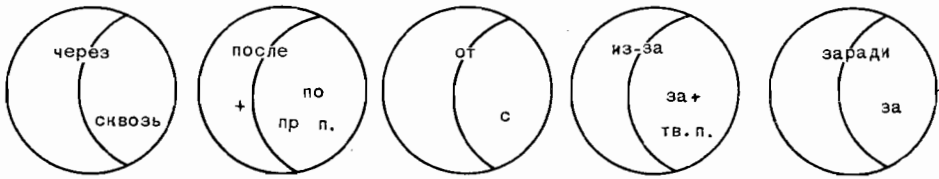
⁴ В качестве иллюстративного материала используются русские и болгарские предложные конструкции.

⁵ См. Р. П а в л о в а. Конструкции с русскими причинными предлогами. «Годишник на Софийския университет», т. LXV, II, 1971.

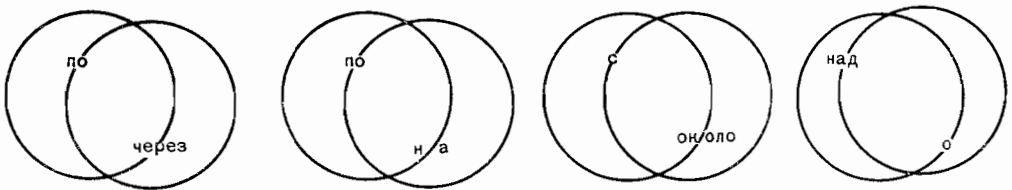
праха, побеля от тия мисли, посиня от задухата и тревогата, порозова от слънцето и др.

Второй тип — это такие контексты, которые являются общими для двух или нескольких предлогов, выражающих один тип значений. Здесь возможны следующие типы соотношений контекстов.

а. Включение сочетаемости⁶: более узкая сочетаемость одного предлога включается полностью в сочетаемость другого предлога. Так, сочетаемость русского пространственного предлога *сквозь* включается в сочетаемость предлога *через*, однако предлог *через*, кроме того, имеет контексты, в которых предлог *сквозь* употреблен быть не может. Аналогичное соотношение наблюдается у русских темпоральных предлогов *после* и *по* + пр. п., каузальных предлогах *от* и *с* + род. п., *из-за* и *за* + тв. п. в русском, *заради* и *за* в болгарском языке⁷ и т. п. Графически это можно представить следующим образом:

б. Может быть пересечение сочетаемости, когда у предлогов часть контекстов является общей, и в этих контекстах может быть употреблен тот и другой предлог, а кроме того, оба эти предлога имеют контексты, в которых может функционировать только один из них. Пересечение сочетаемости встречается значительно чаще, чем включение или совпадение сочетаемости предлогов. Пересечение сочетаемости представлено, например, у пространственных предлогов *у*, *около*, *при* (*сад у больницы — сад около больницы, сад при больнице*), *по* и *на* (*валяться по траве — валяться на траве*), *по* и *к* (*ездить по объектам, ездить на объекты*), *по* и *к* (*ездить по знакомым, ездить к знакомым*), *в* и *внутри* (*сидеть в беседке, сидеть внутри беседки*), *под* и *на* (*греться под солнышком, греться на солнышке*) и др.; при темпоральных предлогах *под* и *перед* (*вечер под праздник, вечер перед праздником*), *с* и *около* (*поработать с неделю, поработать около недели*), при делиберативных предлогах *над* и *о* (*размышлять над проектом, размышлять о проекте*) и многие другие. Графически это бы выглядело так:

в. Совпадение сочетаемости имеем тогда, когда все контексты, в которых употребляется один предлог какой-либо семантической группы, совпадают со всеми контекстами, характерными для другого предлога той же семантической группы. Случай совпадения сочетаемости наблюдаем, например,

⁶ Термины «включение сочетаемости», «пересечение сочетаемости», «совпадение сочетаемости» заимствованы из статьи Ю. Д. Апресяна «Синонимия и синонимы». («Вопросы языкознания», 1969, № 48, стр. 83).

⁷ См. Р. П а в л о в а. Каузальная функция на предлога *за* в болгарския литературен език и неговите синоними. «Известия на института за български език», кн. ХІХ, 1970, стр. 335—344.

в древнеболгарских, обыкновенно постпозитивных предложениях *ради* (вариант *радьма*) и *дъла* (вариант *дъльма*)⁸. Следует отметить, что совпадение сочетаемости предлогов — сравнительно редкое явление в системе языка.

Таким образом, мы видим, что имеются различия и сходства в дистрибутивных свойствах предлогов. Следуя принятому нами исходному положению, что «синтаксическим различиям и сходствам соответствуют, как правило, существенные семантические различия и сходства»⁹, мы можем сделать вывод, что: 1) в специфичных для отдельных предлогов контекстах возникает и специфическое для них значение; 2) возможность употребления различных предлогов в одинаковых контекстах свидетельствует об их семантической близости, т. е. что при идентичности лексического состава контекста предлоги семантически сближены.

Здесь возникает, однако, другой вопрос: можно ли формальным методом подтвердить интуитивное представление о том, что в идентичных контекстных условиях предлоги сближаются семантически?

Формальным аппаратом нашей работы может быть метод трансформируемости и метод совместности.

З. Харрис первый отметил, что в трансформируемых фразах представлена идентичность лексических морфем и связывающих их синтаксических отношений, т. е. определил трансформируемость как эквивалентность¹⁰. Впоследствии эту идею используют в своих трудах И. И. Ревзин, С. К. Шаумян и другие ученые¹¹. Ю. Д. Апресян вносит некоторые уточнения в понимание трансформируемости в смысле З. Харриса, указывая, что трансформируемость предназначена для формализации интуитивного представления о семантической инвариантности.

Рассматривая фразы типа *Он узнает подробности от него — Он узнает подробности у него; Он получает приказ от (у) командира; Он принимает полк от (у) своего предшественника*, Ю. Д. Апресян пишет, что во всех таких случаях инвариантом значения фразы является обозначенная ею конкретная ситуация, что эти фразы показывают очень существенную ситуативную общность — обозначают общую ситуацию перехода объекта от источника к получателю. Но инвариантность фраз, как отмечает автор, совсем не означает абсолютной семантической идентичности, так как всякому различию в форме соответствует различие в значении и «способ представления данной ситуации варьируется от трансформации к трансформации»¹².

Следуя определению понятия трансформируемости как эквивалентности, Ю. Д. Апресян выделяет два типа трансформаций, которые называет конверсными и синонимическими. Для определения семантических разновидностей предлогов могут быть использованы синонимические трансформации, т. е. фразы, которые при идентичности полнозначных слов различаются предлогами. Обозначая ситуативную общность, фразы-синонимы не обладают абсолютной семантической идентичностью. Различия в форме (различные предлоги) сигнализируют об известных семантических различиях. Так, болгарские предлоги *поради* и *благодарение на* могут функционировать в одинаковых контекстах: *И може би поради широките си познания той беше най-добрия адвокат в града <—> И може би благодарение*

⁸ См. нашу работу «Конструкция, выражающие отношения причины в древнеболгарском языке». («Годишник на Софийския университет, т. LXIII, 2, 1969, стр. 100—113, 134—140).

⁹ Ю. Д. Апресян. Экспериментальное исследование..., стр. 25.

¹⁰ З. С. Харрис. Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре. «Новое в лингвистике», вып. II. М., 1962.

¹¹ И. И. Ревзин. Модели языка. М., 1962; С. К. Шаумян. Структурная лингвистика. М., 1965 и др.

¹² Ю. Д. Апресян. Экспериментальное исследование..., стр. 58.

ние на широките си познания той беше най-добрия адвокат в града; Благодарение на/поради инициативата на режисьора бяха събрани всички варианти на пиесата и др. И в том и в другом случае выражена общая ситуация мотивированности действия, однако, в конструкциях с предлогом *благодарение на* — это способствующая мотивированность, тогда как в конструкциях с предлогом *поради* обозначена мотивированность-обоснование, т. е. фразы с предлогами *благодарение на* и *поради* инварианты относительно значения мотивированности, которое варьируется от трансформации к трансформации.

Другой пример. При идентичности значения фразы с русскими делиберативными предлогами *о* + пр. п. и *про* + вин. п. различаются стилистически как нейтральные (конструкции с предлогом *о*) и более разговорные (конструкции с предлогом *про*), например: *легенда о богатырях* — *легенда про богатырей*; *рассказывать о родном городе* — *рассказывать про родной город* и пр.

Какую информацию можно извлечь, исходя из трансформируемости фраз? Во-первых, трансформируемость фраз как, например, V после $\bar{N}g \langle - \rangle V$ по Np^{13} , V через $Na \langle - \rangle V$ сквозь Na , V о $Np \langle - \rangle V$ про Na , V с $Na \langle - \rangle V$ около Ng , V под $Na \langle - \rangle V$ перед Ni , V по $Nd \langle - \rangle V$ на Na и др. показывают их семантическую инвариантность. Во-вторых, набор трансформаций (совокупность всех трансформаций) одного какого-либо предлога может отличаться от набора трансформаций другого предлога. Например, на основе трансформации V *поради* $N \langle - \rangle V$ *заради* N мы можем сделать заключение о равнозначности предлогов *поради* и *заради* в болгарском языке. Впрочем, этот вывод часто делается в болгарских грамматиках и лексикографической литературе. Но так ли это? Набор трансформаций этих двух предлогов показывает существенные различия:

- $$1) V \text{ поради } N \langle - \rangle \left\{ \begin{array}{l} V \text{ вследствие на } N \\ V \text{ по } N \\ V \text{ благодарение на } N \\ V \text{ от } N \\ V \text{ заради } N \end{array} \right.$$
- $$2) V \text{ заради } N \langle - \rangle \left\{ \begin{array}{l} V \text{ за } N \\ V \text{ вместо } N \\ V \text{ по повод на } N \\ V \text{ поради } N \end{array} \right.$$

Отсюда следует, что предлоги *поради* и *заради*, с одной стороны, показывают семантическое сходство, а с другой, — существенные семантические различия.

Для подтверждения интуитивного представления о семантическом сходстве предлогов при идентичных полнозначных словах в словосочетании, кроме метода трансформируемости, можно использовать еще один более формальный принцип — принцип совместимости. Этот метод был успешно использован Ю. Д. Апресяном при исследовании семантики русского глагола в цитированном труде автора. В приложении к семантике служебных, а не знаменательных слов, принцип совместимости, по нашему мнению, действовал бы при следующих условиях: 1) в совместимых фразах предлоги должны употребляться одновременно при одном и том же глаголе; 2) в совместимых фразах реализуется одно и то же значение предлога, проявляющееся в том, что предлоги могут употребляться при однородных

¹³ Мы принимаем следующие широко используемые обозначения: V — глагол, N — существительное. Строчные латинские буквы обозначают падежи: n — именительный, g — родительный, d — дательный, a — винительный, i — творительный, p — предложный, $\langle - \rangle$ знак трансформации.

членах предложения, связанных сочинительным союзом (эти условия необходимы, но недостаточны для признания совместимости фраз); 3) фразы будут совместимыми лишь в том случае, если один из предлогов может быть опущен без нарушения правильности фразы. Например: *От бессонницы и (вследствие) напряженной борьбы с возрастающей слабостью со мною происходит нечто странное.* (При опущении предлога *вследствие* фраза остается правильной); *Не се смязвайте за празни работи и (заради) хорски приказки.* (Правильность фразы не нарушится при опущении предлога *заради*); *Сгрешил е по невнимание и (поради) липса на умение.* (При отсутствии предлога *поради* правильность фразы сохраняется).

Если же предлог опущен быть не может, значит предлоги употреблены в разных значениях. В этом случае фразы будут несовместимы. Например, во фразе *Обичам я от признателност и поради добротата и предлог заради не может быть опущен, так как от и заради имеют здесь различные значения. Поэтому фраза Обичам я от признателност и добротата и будет неправильной.*

Итак, мы принимаем, что при идентичности полнозначных слов словосочетания предлоги сильнее всего сближены семантически. Интуитивное представление об их семантическом сходстве может быть подтверждено двумя формальными методами — методом трансформируемости и методом совместимости. Однако это правило все же не является универсальным. Например, в некоторых фразах с пространственными предлогами — *Буду стоять перед театром и Буду стоять за театром (Ще стоя пред театъра и Ще стоя зад театъра); Книга лежит на столе и Книга лежит в столе* и др. — наличие одних и тех же знаменательных компонентов не обуславливает семантической близости предлогов. Но тут нужно отметить, что и наша интуиция не подсказывает семантического сходства. Предположим, что фразы *Буду стоять перед театром и Буду стоять за театром* — два трансформа. Полученный результат не согласовался бы с семантической интуицией лиц, владеющих русским языком, так как эти фразы семантически неравнозначны. К ним не может быть применен принцип совместимости. Отсюда следует вывод, что для осуществления техники трансформационного анализа необходимо иметь информанта, владеющего данным языком.

В заключение обобщим наши выводы. Разграничение значений среди пространственных, временных, финальных, трансгрессивных, каузальных и т. п. конструкций основывается на определении специфического для данного предлога контекста, в котором данное предложное словосочетание не имеет трансформов, — это специфическое значение конструкций с данным предлогом. После этого определяются контексты, имеющие трансформы с различными предлогами. Наличие этих трансформов дает возможность определить другие значения исследуемой предложной конструкции, а также определить их отличия от специфического значения. Так, предлог *заради* в болгарском языке имеет свой специфический контекст, в котором другой предлог не может быть употреблен¹⁴. Здесь возникает и его специфическое значение: мотивированная причина — виновность лица. Т: \bar{V} заради N $\langle - \rangle$ V по повод на N дает информацию, что для предлога *заради* характерно также причинное значение повода; Т: \bar{V} заради N $\langle - \rangle$ V вместо N показывает, что этот предлог может употребляться еще и в аблятивном значении и т. д.

После того, как мы постарались выяснить, какие методы и критерии могут быть использованы при определении семантики предлогов, необхо-

¹⁴ См. Р. П а в л о в а. Предложите *поради, заради* в причина употреба. «Български език и литература», 1968, кн. 6.

дим ответить и на второй вопрос, поставленный в нашей статье: как нужно сопоставлять предложные конструкции?

Мы уже отмечали, что для сопоставления предложных конструкций двух языков, необходимо, чтобы эти конструкции были описаны одним и тем же способом. Это требование может быть выполнено, если построить модели на основе, например, описанной выше процедуры выделения значений. Сопоставление можно провести по единым контекстам (иначе: по единым дистрибутивным моделям). Оно должно нам показать, во-первых, совпадающие для предлогов различных языков контексты и значения и, во-вторых, не совпадающие в разных языках контексты и значения. Так, например, русский предлог *из-за* и болгарский предлог *поради* имеют:

1. Совпадающие контексты, когда возможны следующие трансформации — а) русск. V из-за Ng $\langle - \rangle V$ от Ng, болг. V поради N $\langle - \rangle V$ от N, например: *Из-за/от дыма и сажки в городе исчез белый цвет — Поради/от дыма и саждите в града исчезна белият цвят*; б) русск. V из-за Ng $\langle - \rangle V$ вследствие Ng, в болг. V поради N $\langle - \rangle V$ вследствие на N (причинно-следственное значение), например: *Из-за/вследствие какой-то тяжелой болезни кровеносных сосудов ему ампутировали обе ноги — Поради/вследствие на някакво тежко заболяване на кръвоносните съдове му ампутираха двата крака*; в русск. V из-за Ng $\langle - \rangle V$ благодаря Ng, болг. V поради N $\langle - \rangle V$ благодарение на N, например: *Ресторан завоевал популярность из-за хорошей кухни $\langle - \rangle$ Ресторан завоевал популярность благодаря хорошей кухне — Ресторанът завоева популярност поради/благодарение на доброта си кухня*.

2. Несовпадающие контексты: а) в специфическом для русского предлога *из-за* контексте «Главное слово, глагол, характеризующий поведение субъекта — зависимое слово, существительные — названия лица или заменяющие их местоимения», например: *Из-за дяди судился, Из-за меня пойдет* и т. п., болгарский предлог *поради* не функционирует; б) контекст, в котором возможна трансформация: V из-за Ng $\langle - \rangle V$ ради Ng (например: *Куска хлеба ради пошла она по рукам — Из-за куска хлеба пошла она по рукам*). В данных контекстах в болгарском языке нужно употребить предлог *заради*. Совокупность трансформаций каждого из предлогов показывает их сходства и различия:

В русском языке

$$V \text{ из-за } Ng \langle - \rangle \begin{cases} V \text{ от } Ng \\ V \text{ вследствие } Ng \\ V \text{ благодаря } Nd \\ V \text{ за } Ni \\ V \text{ ради } Ng \\ V \text{ по поводу } Ng \end{cases}$$

В болгарском языке

$$V \text{ поради } N \langle - \rangle \begin{cases} V \text{ от } N \\ V \text{ вследствие на } N \\ V \text{ благодарение на } N \\ V \text{ заради } N \end{cases}$$

Из краткого сопоставления предлогов *из-за* — *поради* в русском и болгарском языках следует, что они обладают, с одной стороны, совпадающими, с другой, несовпадающими контекстами.

К ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ В ФИНЛЯНДИИ

Несмотря на территориальную близость, довольно живые торговые сношения и, главное, частые военные столкновения с Россией, в Финляндии и Швеции, частью которой Финляндия являлась, особого интереса к русскому языку вплоть до начала XVIII в. не наблюдалось. В этом отношении финны и шведы резко отличались от своих соседей датчан и ганзейских немцев в Риге и Ревеле, которые усердно изучали русский язык еще в средние века. В шведские библиотеки и архивы попало, правда, много славянских, в частности русских, рукописей в качестве военной добычи шведских полководцев в так называемый великодержавный период шведской истории (XVI—XVII вв.), но ими стали серьезно заниматься только в XIX в. После Столбовского мира 1617 г., когда Швеция получила всю Ингерманландию и значительную часть восточной Карелии с находившимся там православным селением, шведское правительство начало миссионерскую деятельность с целью обращения этих православных карел в лютеранство. Был напечатан лютеранский катехизис на карельском языке кириллическими буквами и составлен букварь. Единственным исключением был Ян Габриэл Спарвенфельдт (1655—1722), который, приехав в Москву в качестве секретаря особой королевской миссии в 1684 г., отпросился там в платный отпуск с целью изучить русский, церковнославянский и польский языки. Так как шведы заметили, что знание русского языка приносило большие выгоды их датским, немецким и английским конкурентам, Спарвенфельдт легко получил отпуск, провел в Москве четыре года и по возвращении в Швецию получил стипендию для приведения в порядок уже раньше находившихся в Швеции, а также привезенных им самим славянских рукописей. В только что вышедшей диссертации шведка Улла Биргегорд показала, что Спарвенфельдт настолько хорошо знал славянские языки, что был весьма близок к современному пониманию славистики, что особенно ясно видно из его переписки с Лейбницем. К сожалению, этот первый шведский славист не имел никакого влияния на преподавание или изучение славистики в Швеции или Финляндии, а после его смерти интерес к русским рукописям заглох на целое столетие.

Спарвенфельдт относится, по меткому выражению крупнейшего северного слависта, Адольфа Стендера-Петерсена, к «доисторическому периоду скандинавской славистики», между которым и периодом историческим (со времени создания при скандинавских университетах официальных кафедр по славистике) «зияет непреодолимая пропасть». Эта пропасть уже всего в Финляндии, где незадолго до смерти Спарвенфельдта родился Микаэл Грэнинг (1714—1778), заинтересовавшийся еще в молодости русским языком. Грэнинг побывал в России, где ему удалось получить место переводчика при императорской Академии наук в Санкт-Петербурге.

но вернулся в 1750 г. в Швецию-Финляндию и сделался официальным королевским переводчиком русского языка. Это назначение он получил на основании изданной им в 1750 г., на пять лет раньше М. В. Ломоносова, «Российской Грамматики» на шведском языке, под заглавием: *Thet är Grammatica Russica, eller Grundelig Handledning til Ryska Språket; jemte et tirläckeligt Vocabularium, Ryska och Swenska Samtal, samt efter Ryska Språkets egenskap inrättade små Historier til öfning i Läsande* (Stockholm: Tryckt uti Kongl. Tryckeriet, 1750). Это был первый учебник русского языка на языке шведском. Обширное исследование об этой грамматике и ее авторе подготавливает мой ученик Рейно Пелтола. От Б. А. Успенского я узнал, однако, что Грэнинг, по-видимому, просто перевел на шведский рукописную грамматику Ададунова, которую Успенский случайно нашел в архиве.

Грэнинг умер еще до отделения Финляндии от Швеции и, хотя был по рождению и воспитанию финляндцем, не повлиял на развитие славистики в Финляндии. Не повлияло на славистику также и присоединение к России так называемой «Старой Финляндии», т. е. частей Выборгской губернии, в 1722 и 1743 гг., так как управление этой провинцией попало в руки балтийского дворянства и велось, как и в Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерниях, по-немецки. Положение изменилось только с 1809 г., когда вся Финляндия сделалась автономной частью Российской империи и значение русского языка стало ясным для всех. Одним из первых подчеркивал это в своих статьях и проповедях абосский епископ Якоб Тенгстрэм. По его инициативе Михаил Сперанский, бывший тогда близким сотрудником Александра I, учредил при Абосском университете стипендию для изучения русского языка финляндцами. Первыми стипендиатами были Эрик Густав Эрстрэм и Карл Густав Оттелин, которые выехали в Москву в 1812 г., но им пришлось из-за нашествия французов бежать в Нижний Новгород.

Перипетии «государственных стипендиатов» Эрстрэма и Оттелина можно рассматривать как переход от «доисторического» (любительского) периода к «историческому» (официальному) периоду скандинавской славистики. Этот последний в Финляндии точно датируется пожаром Абосского университета.

Когда после пожара 1828 г. основанный еще в 1640 г. древний финляндский университет был по повелению императора Николая I перенесен из Або (Турку) в Гельсингфорс (Хельсинки), в нем была учреждена кафедра русского языка и литературы. Ее занял сперва присланный из Петербурга Сергей Васильевич Соловьев (1830—1843), которого не следует смешивать с известным историком Сергеем Михайловичем Соловьевым, хотя история была общим интересом обоих. Гельсингфорский Соловьев часто выезжал в Швецию и изучал сохранявшиеся в тамошних библиотеках и архивах древнерусские рукописи. Это он нашел и первым опубликовал сочинение Григория Котошихина «О России в царствовании Алексея Михайловича» как на русском языке, так и в шведском переводе XVII столетия.

После Соловьева на кафедру был назначен Степан Иванович Барановский (1844—1862), всесторонне образованный и одаренный человек, который, однако, в славистике не оставил сколько-нибудь заметных следов, кроме опубликованного им в 1846 г. «Руководства к первоначальному изучению русского языка», переведенного на шведский язык и служившего некоторое время учебником для финляндских студентов.

В 1841 г. в помощь ординарному профессору, которому следовало заниматься главным образом русским языком и филологией, был послан в Гельсингфорс экстраординарный, очень хорошо оплачиваемый профес-

сор «русского языка, литературы и статистики» (т. е. учения о государстве Российском) Яков Карлович Грот (1841—1852). Главной заслугой Грота было учреждение специального русского отделения в университетской библиотеке, которая еще в 1828 г. получила права так называемого *dépôt légal* и в которой поэтому впоследствии оказалась одна из самых больших в мире коллекций русских книг XIX столетия. Грот был серьезный ученый-филолог, который известен главным образом своими «Филологических разысканиями» и упорядочением русской орфографии. Как известно, «по Гроту» писала вся Россия до 1 января 1918 г. Грот во время пребывания в Гельсингфорсе хорошо выучил шведский язык и стал понимать по-фински, что дало ему возможность знакомить русских читателей со скандинавской и финской литературой при помощи переводов и статей в русских журналах. Вернувшись в Россию, Грот мало интересовался Финляндией и посвятил свою жизнь изданию сочинений русских писателей XVIII столетия; наилучшим считается монументальное издание сочинений Г. Р. Державина.

Через десять лет после возвращения в Россию Грота вернулся туда и Барановский. На ординарную кафедру этого последнего, которая теперь называлась кафедрой «русского языка и словесности», был назначен природный финн Маттиас Акиандер, урожденный Матти Акканен (1862—1867), который еще при Гроде занимал должность лектора (преподавателя) русского языка. Акиандер, еще будучи лектором, заметил, что древнерусские летописи содержат интересные известия о Финляндии и финно-угорских народах; он выбрал эти места и опубликовал в 1848 г. «*Utdrag ur ryska annaler*» («Выписки из русских летописей») на шведском языке. Этой книгой пользовались еще в начале XX столетия не знавшие русского языка шведские и финские историки.

В 1867 г. Акиандер должен был выйти в отставку по возрасту и на кафедру был назначен финляндец Арвид Фритиоф Нурдквист (1867—1889), к сожалению, совершенно не интересовавшийся наукой. Его единственным «произведением» была журнальная статья о польском поэте А. Мицкевиче, и когда Нурдквист после более чем двадцатилетнего профессорствования вышел в отставку, оказалось, что он даже не подготовил себе преемника, так что на кафедру был опять послан русский.

Преемник Нурдквиста, Виктор Александрович Семенов (1890—1896), к сожалению, не сумел найти правильного подхода к ученикам и коллегам, так что его пребывание в университете сделалось совершенно невозможным, и он перешел на должность директора русской гимназии в Гельсингфорсе. Никаких научных следов его пребывания на кафедре не оставило.

Его преемником стал Иосиф Емельянович Мандельштам (1897—1911), после Грота самый выдающийся из занимавших эту кафедру русских ученых. Его исследования «О характере гоголевского стиля» (1902) и «Об уменьшительных суффиксах» (1903) сохраняют известное значение и теперь и, хотя Мандельштам ничего не писал о русско-финских лексических или культурных отношениях, память о нем в Хельсинки все еще жива, отчасти благодаря тому, что его дочь от последнего брака с Черстин Сергелиус, Карин Мандельштам, все еще принимает активное участие в культурной жизни Финляндии.

Еще до назначения Мандельштама на кафедру в Финляндии выдвинулся молодой славист-компаративист первой величины Йосеппи-Йулиус Миккола (род. в 1866 г.). Будучи школьным товарищем, другом и сотрудником знаменитого финно-угроведа Эмиля Нестора Сетяля и получив университетское образование частью в Упсале, частью у датского компаративиста Вильгельма Томсена, Миккола превосходно знал финно-угрове-

дение, германистику и сравнительное индо-европейское языкознание. Молодым кандидатом Миккола слушал лекции Ф. Ф. Фортунатова в Москве, провел несколько месяцев в Литве, где хорошо усвоил литовский язык, а затем учился польскому языку в Варшаве, чешскому — у Я. Гебауера в Праге, и, наконец, общей славистике у В. Ягича в Вене. В результате появилась в 1893 г. докторская диссертация «Berührungen zwischen den Westfinnischen und Slawischen Sprachen», которая и до сего времени считается основой учения о славяно-финских лексикальных отношениях. Известно, что Миккола одновременно с Ф. де Соссюром и Ф. Ф. Фортунатовым заметил известное соотношение славянских и литовских интонаций, но не опубликовал этого по молодости и неопытности, что выяснилось только после смерти Микколы. Закон Фортунатова — де Соссюра мог бы по праву называться законом Фортунатова — де Соссюра — Микколы. Защитив диссертацию и получив в 1895 г. доцентуру, Миккола отправился в Германию, где изучал говор словинцев, на котором тогда еще говорили несколько десятков людей преклонного возраста. Говор этот окончательно заглох во время первой мировой войны, так что записки Микколы имеют теперь очень большое значение.

На основании опубликованного Микколой в 1899 г. исследования под заглавием «Betonung und Quantität in den slavischen Sprachen», в котором ударение и долгота словинского говора сравнивалась с фактами, засвидетельствованными в памятниках вымершего в XVIII столетии полабского языка, Миккола получил специально для него учрежденную экстраординарную кафедру славянской филологии. Таким образом, в Гельсингфорсе опять, как при Гроте, оказались две кафедры по славистике. Так как Мандельштам ничего не понимал в компаративистике, разграничение компетенции обоих профессоров не представляло трудности.

После смерти Мандельштама за его кафедру соревновались кроме выдающихся русских литературоведов Н. К. Пиксанова и П. Н. Сакулина и малоизвестный русский Константин Иванович Арабажин и финский фольклорист, уже тогда известный своими описаниями севернорусских говоров, Вильо Мансикка. Факультет выдвинул на первое место Сакулина и на второе Мансикку, но царское правительство назначило Арабажина, которого факультет даже не признал компетентным. Говорили, что действительной причиной такого выбора было то, что Сакулин считался левым либералом, а Арабажин сторонником самодержавия. Арабажин не оставил после себя никаких следов, кроме неприязни коллег и студентов, и, когда он в 1918 г. в связи с революцией, не приехал из отпуска в Хельсинки, было решено упразднить его кафедру и превратить кафедру Микколы в ординарную. Начиная с 1919 г. Миккола стал единственным представителем славистики в Финляндии. Вышеупомянутый Мансикка получил в 1926 г. кафедру по сравнительному фольклору и как славист сошел с арены. В том же году начал свои занятия славистикой последний ученик Микколы — Валентин Кипарский, защитивший диссертацию в 1934 г. за месяц до выхода Микколы в отставку.

У Микколы были, однако, еще два ученика — Яло Калима и Эйно Ниеминен, которые успели защитить свои диссертации в 1915 и 1922 гг. Между ними началось ожесточенная, оставившая глубокий след в атмосфере Хельсинского университета борьба за кафедру, в которую были вовлечены даже крупные иностранные слависты: М. Фасмер, Я. Розвадовский и Н. ван Вейк. В 1935 г. Калима одержал победу и пробыл на кафедре до своей смерти в 1952 г. Его перу принадлежит несколько хороших исследований о славяно-финских и балто-финских лексических заимствованиях, которые являются еще и теперь отчасти последним словом в этой области.

Однако еще значительно раньше, в 1946 г., после окончания второй мировой войны было решено восстановить упраздненную из-за бегства Арабажина в 1918 г. кафедру русского языка и литературы. Единственным компетентным кандидатом на эту кафедру оказался доцент Валентин Кипарский, который и был назначен, но в 1958 г. он был приглашен в Западный Берлин в качестве преемника Макса Фасмера. Заместить его в Хельсинки оказалось невозможным, так как не было компетентных кандидатов, и кафедра оставалась вакантной почти десять лет, поскольку вышеупомянутый Эйно Ниеминен был назначен после смерти Калимы в 1952 г. на кафедру славянской филологии. Ниеминен занимался почти исключительно древнепольским синтаксисом и литовским языком и кафедру русского языка и литературы занять не мог. Когда Ниеминен ушел в отставку в 1961 г., в Хельсинки оказались вакантными две кафедры: русского языка и литературы и славянской филологии. Уступая настойчивым просьбам факультета и канцлера, В. Кипарский согласился вернуться в Хельсинки и в ноябре 1963 г. занял кафедру славянской филологии. Кафедру же русского языка и литературы удалось заместить лишь в 1967 г., когда к ней, наконец, подготовился бывший лектор (преподаватель) русского языка Игорь Вахрос.

В настоящее время имеются, следовательно, две ординарные замещенные кафедры, между которыми, к сожалению, нет ясных границ, так как и Вахрос, и Кипарский являются в первую очередь лингвистами. Представителем литературоведения, главным образом в области древнерусской литературы, является доцент Мария Виднэс, имеющая титул профессора.

К VII Международному съезду славистов

В. Д. КОРОЛЮК

К ИССЛЕДОВАНИЯМ В ОБЛАСТИ ЭТНОГЕНЕЗА СЛАВЯН И ВОСТОЧНЫХ РОМАНЦЕВ

Проблематика этногенеза славян отнюдь не является новой для нашей отечественной науки. Она особенно энергично и многопланово разрабатывалась советскими исследователями в конце 30-х и в 40-е годы, когда ею занимались такие видные историки, филологи, этнографы и археологи, как А. Д. Удальцов, Н. С. Державин, С. П. Толстов, М. И. Артамонов, Б. А. Рыбаков, П. Н. Третьяков и др.¹ Правда, работы их охватывали главным образом восточнославянский ареал². Происхождение западных славян как самостоятельное и важное направление работы практически не привлекало внимания наших исследователей. Не разрабатывались самостоятельно и вопросы этногенеза восточных романцев. Несколько лучше обстояло дело только в области южнославянской проблематики. В связи с резко ощутимым оживлением интереса к истории Византии именно с конца 30-х годов стали довольно систематически изучаться вопросы славянских переселений на Балканы и славяно-византийских отношений³.

Два обстоятельства, хотя принципиально и совершенно разного значения, определили в те годы особую заинтересованность этногенетической проблематикой нашей науки. Советские историки, археологи, лингвисты и этнографы вели свои исследования в условиях непримиримой конфронтации с расистской идеологией гитлеровской Германии, отрицавшей какие-либо способности славянских народов к самостоятельному политическому, экономическому и культурному развитию. Трактовке славян как нижней расы надо было противопоставить свою, научную трактовку, чуждую какого-либо расового высокомерия и расовых предрассудков. Конфронтация с расистской идеологией придавала работам советских ученых высокое гражданственное звучание, пафос гуманности, пафос подлинно человеческой защиты прав всех народов, больших и малых.

С другой стороны, интерес к этногенетической проблематике обуславливался, правда, только кажущимся, но все же достаточно прочно закрепившимся в широких кругах нашей научной общественности, убеждением,

¹ Здесь нет необходимости давать подробную библиографическую справку о работах 30—40-х годов. Соответствующие библиографические указания содержатся в книге «Советское славяноведение. Литература о зарубежных славянских странах на русском языке». М., 1963. См. также: В. Д. Королук, Н. И. Толстой, И. А. Хренов, И. М. Шептунов, С. А. Шершаймова. Советское славяноведение. Краткий обзор литературы. 1945—1963. М., 1963.

² См. например, «Этногенез восточных славян», т. 1. Под ред. М. И. Артамонова; «Материалы и исследования по археологии СССР», т. 6. М.—Л., 1941.

³ Детальный обзор литературы по этой проблематике см. З. В. Удальцова. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, стр. 44—61, 70—79.

что теоретические основы этногенетических исследований вполне обеспечены так называемым новым учением о языке акад. Н. Я. Марра. Само собой разумеется, что работы, опирающиеся на единую теоретическую модель, исходящие из методологических принципов одной и той же так называемой яфетической теории, было сравнительно легче планировать и координировать.

В дальнейшем, однако, именно это обстоятельство, т. е. безраздельное господство в этногенетических исследованиях яфетической методологии, сыграло крайне отрицательную роль в судьбе отечественной историографии, посвященной вопросам славянского этногенеза. Как только в начале 50-х годов в результате широкой дискуссии по вопросам языкознания вскрылись определенные пороки нового учения о языке акад. Н. Я. Марра, оказавшие тормозящее воздействие на развитие наших лингвистических исследований — важнейшего компонента исследований этногенетических, начался бросающийся в глаза отход от проблематики славянского этногенеза в нашей науке. Предлагавшиеся ранее концепции происхождения славянского или славянских этносов были признаны теоретически несостоятельными⁴. В течение довольно длительного времени не предпринималось сколько-нибудь серьезных попыток заменить старые схемы новыми. Особенно остро ощущался отход от проблематики славянского этногенеза в среде археологов, до того активно участвовавших в его разработке.

Перелом наступил только в конце 50-х и в 60-е годы. Но прежде чем коснуться этого перелома, следовало бы подвести некоторые итоги этногенетическим исследованиям конца 30-х — 40-х годов.

Несмотря на несомненную теперь неудачу тогдашних теоретических и конкретно-исторических построений в области этногенетических процессов, особенно в области славянского этногенеза, в нашей науке тех лет было сформулировано несколько важных позитивных принципов, сохраняющих свое определяющее значение и сегодня. Из принципов этих в первую очередь следует назвать следующие:

1. Признание, что этногенетические исследования по самому своему существу требуют организации комплексной разработки проблематики силами историков, археологов, антропологов, лингвистов и этнографов, что проблематика эта не может считаться исключительной областью какой-либо одной из общественных наук.

2. Научное обоснование того факта, что изучаемые в настоящее время древние этнические процессы, в том числе и процесс славянского этногенеза, не являются процессами биологическими, что нет расово-однородных этносов, что все известные в науке этносы прошли длительный путь развития, характеризующийся сложными явлениями этнического смешения, языкового скрещивания и культурного взаимодействия.

3. Из этого вывода следует, в свою очередь, вывод, что этнические процессы следует рассматривать как социально-экономически обусловленные, трактовать их как процессы общественные, т. е. исторические в полном смысле слова.

4. Признавая доминантой исторического развития усиливающиеся по мере приближения к современности процессы этнического сближения человечества, нет оснований рассматривать этногенетические явления как явления прямолинейные, однонаправленные ибо параллельно с явлениями этнической и языковой интеграции постоянно происходили противоположные им процессы этнической и языковой дифференциации на основе специфики социально-экономического развития этносов и их сложных взаимоотношений.

⁴ См. сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии». М., 1953.

Как уже говорилось, резкое снижение активности в области этногенетических исследований было явлением временным. Уже с конца 50-х — начала 60-х годов и особенно с середины 60-х исследования эти были возобновлены вновь в достаточно солидных масштабах. Правда, как и ранее, предметом монографического изучения оставался главным образом восточнославянский ареал, а наибольшую активность проявляли археологи. Стали появляться крупные капитальные исследования, из которых здесь следует назвать в первую очередь работы П. Н. Третьякова⁵, В. В. Седова⁶, И. И. Ляпушкина⁷. К проблематике восточнославянского этногенеза также обратились лингвисты⁸ и антропологи⁹.

Здесь нет необходимости подробно характеризовать литературу последних лет. В задачи автора не входит попытка дать, хотя бы и в обобщенном виде, библиографическую справку о состоянии отечественных исследований в области славянского этногенеза в настоящее время. Для целей этой статьи достаточно подчеркнуть сам факт активизации этногенетических исследований, указать на развернувшуюся, хотя и далеко не законченную еще в нашей науке, дискуссию по вопросам этнической принадлежности зарубинецкой и черняховской археологических культур, их места в этногенезе славян Восточной Европы. Существенно расширились и советские исследования, посвященные передвижениям славян на Балканах и славяно-византийским отношениям¹⁰. Важно также, что в разработке этих вопросов теперь участвуют не только историки и филологи, как прежде, но и большая группа археологов. Речь идет об исследованиях Г. Б. Федорова¹¹ и его молдавских учеников¹². В результате значительно продвинулось вперед изучение так называемой Балкано-Дунайской культуры, по общему убеждению, чрезвычайно важной для правильного понимания этнических процессов, закончившихся формированием болгарской народности, и, как полагают некоторые исследователи¹³, не менее существенной для изучения проблемы происхождения восточно-романских народностей. Не случайно культура эта в болгарской литературе име-

⁵ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966; его же. У истоков древнерусской народности. Л., 1970.

⁶ В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.

⁷ И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. Л., 1968.

⁸ См. например, Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962; его же. Некоторые проблемы славянского этно- и глоттогенеза. «Вопросы языкознания», 1967, № 3; Б. В. Горюнг. Из предистории образования общеславянского языкового единства. М., 1963, и др.

⁹ В. П. Алексеев. Происхождение народов Восточной Европы. М., 1969; см. также: Т. И. Алексеев. Антропологические материалы по этногенезу восточных славян. «Советская археология», 1964, № 3; М. С. Великанова. К антропологии средневековых славян Прутско-Днестровского междуречья. «Советская этнография», 1964, № 6 и др.

¹⁰ Обзор их см. З. В. Удальцова. Там же, стр. 165—194.

¹¹ Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э. М., 1960.

¹² Кратко некоторые итоги этих исследований подведены в работе: Г. Б. Федоров. Древние славяне в Прутско-Днестровском междуречье. М., 1969; его же. Итоги и задачи изучения древнеславянской культуры Юго-Запада СССР. «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии» (далее — КСИА), № 105. М., 1965; Библиографический материал собран в брошюре В. С. Бейликчи. Библиография по археологии Молдавии (1941—1966). Кишинев, 1967.

¹³ Из молдавских исследователей здесь прежде всего следовало бы назвать И. Г. Хынку. («К вопросу о соотношении восточнославянской и Балкано-Дунайской культур лесостепной полосы Молдавии». Труды Гос. Историко-краеведческого музея МССР, вып. II. Кишинев, 1969). Не вполне ясным остается вопрос о хронологических рамках Балкано-Дунайской культуры. Обычно она датируется VIII — началом XI в. И. Г. Хынку видит, однако, возможность в рамках Молдавии отнести ее упадок к XIV в.

нуется культурой Первого Болгарского царства, а в румынской — культурой Дриду. Сопоставление ее с так называемой салтовско-маяцкой культурой, тесно связанной с хазарским каганатом¹⁴, как будто бы действительно позволяет в настоящий момент, хотя бы частично, ставить вопросы ее этнической характеристики.

В области лингвистики наиболее продвинутыми в настоящий момент, по-видимому, следует признать исследования гидронимии, в первую очередь, гидронимов верхнего Поднепровья и Поднестровья¹⁵. Важные результаты дало при этом сопоставление славянских и балтийских гидронимов и топонимов. В предшествующий период внимание привлекали прежде всего славяно-иранские сопоставления. Эти работы наших лингвистов позволили значительно более четко и определенно трактовать проблематику так называемой балто-славянской языковой общности, уже давно привлекавшую внимание лингвистической науки как в нашей стране, так и за рубежом. «Общий балто-славянский фонд» оказалось возможным рассматривать как историческое, стоящее в ряду сложных этногенетических процессов, явление¹⁶.

Итак, в настоящее время есть основания говорить не только о простом оживлении интереса в нашей науке к этногенетическим исследованиям, но и довольно явственных конкретных результатах, достигнутых на протяжении последних десяти-пятнадцати лет.

Пытаясь оценить эти результаты в целом, не вдаваясь в детали, даже чрезвычайно существенные, важно, как кажется, подчеркнуть следующие моменты:

1. Совершенно очевидно расширение ареала археологических исследований, выход за пределы сугубо восточнославянской этногенетической проблематики в сторону частично западнославянской, но особенно южнославянской и восточнороманской¹⁷.

2. Резкое, оказывающее подчас очень сильное воздействие на итоги работы археологов, усиление лингвистических исследований, особенно в области изучения гидронимии и топонимики.

3. Становящееся все более заметным участие антропологов в разработке отдельных конкретных проблем происхождения славян, причем, не только восточных, но и частично южных и даже западных, а также и восточных романцев.

4. Накопление большого нового фактического материала, главным образом при изучении зарубинецкой и черняховской, а попутно шеворской и других культур, побудившее к пересмотру старых этногенетических схем и вызвавшее, пусть и не завершённые, но плодотворные дискуссии в археологической науке, дискуссии, поставившие на повестку дня важные проблемы теоретического порядка, в частности, о соотношении этноса и археологической культуры.

¹⁴ Подробнее о салтовско-маяцкой культуре см. С. А. П л е т н е в а. От кочевий к городам. М., 1967.

¹⁵ В. Н. Т о п о р о в, О. Н. Т р у б а ч е в. Лингвистический анализ гидронимов верхнего Поднепровья. М., 1962; О. Н. Т р у б а ч е в. Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М., 1968; ср. В. П. П е т р о в. Этногенез слов'ян. Джерела, етапи розвитку і проблематика. Київ, 1972, стор. 55—108.

¹⁶ В. Н. Т о п о р о в. К вопросу о топонимических соответствиях на балтийских территориях и к западу от Вислы. «Baltoslavica», 1966, № 1/2; В. В. И в а н о в, В. Н. Т о п о р о в. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. М., 1958; В. П. П е т р о в. Там же, стр. 105—108.

¹⁷ О расширении ареала археологических исследований свидетельствует и появление такого рода изданий, как: Ю. В. К у х а р е н к о. Археология Польши. М., 1969; в настоящее время подготовлена Л. Л. П о л е в ы м и Г. Б. Ф е д о р о в ы м «Археология Румынии», находящаяся в печати.

5. Бесспорно продолжающееся преобладание в этногенетической проблематике археологов, стремление именно за археологией оставить решающее слово в вопросах этногенеза вообще, славян и даже восточных романцев, в особенности.

Последнее замечание несколько, разумеется, не умаляет значения лингвистических или антропологических исследований. Но даже если признать, что лингвистам и антропологам в истекшие десять-пятнадцать лет удалось достигнуть, как кажется, наиболее прочных научных результатов, приходится констатировать все же тот факт, что только археологами в эти годы были предприняты попытки дать крупные обобщающие исследования, в то время как языковеды ограничились лишь попутным, беглым изложением своих взглядов на проблемы славянского этногенеза¹⁸, а наши антропологи, лишь недавно обратившиеся к общеславянской этногенетической проблематике, естественно, и не могли еще выступить с трудами такого порядка. Положение это не было, конечно, результатом случайного стечения обстоятельств. Оно, думается, объясняется двумя основными причинами: интенсивным развитием археологических работ, приведшим к необычайному расширению именно археологической источниковедческой базы исследований (обстоятельство это нашло яркое отражение в огромной публикаторской деятельности наших археологов; здесь пожалуй, достаточно указать только на такое монументальное издание, как «Археология СССР. Свод археологических источников», осуществляемое по инициативе и под общей редакцией Б. А. Рыбакова), и твердым убеждением, причем не только археологов, что именно археологические источники прежде всего способны обеспечить успех изучения этногенетических процессов.

Такое убеждение неоднократно и недвусмысленно высказывалось нашими ведущими археологами, исходящими из постулата о соответствии этноса и археологической культуры¹⁹, что не мешало, правда, таким дальновидным исследователям, как П. Н. Третьяков, прямо формулировать тезис о неразработанности теоретической базы этногенетических исследований в области археологии²⁰. Более того, в среде археологов неоднократно раздавались голоса, призывающие к пересмотру установившегося взгляда на археологическую культуру как безусловный показатель некоей бывшей этнической общности, рекомендовавших осторожность в этнической интерпретации данных археологии²¹.

Фактом, однако, остается, по признанию самих археологов, то, что все они «исходят из того допущения (о соответствии этноса археологической культуре. — В. К.) в своей практической работе, даже те, кто выступал или выступает против такого утверждения»²².

Непрочность этой либо формулируемой теоретически, либо только практически применяемой в работе посылки стала вскрываться, однако, сразу же и с полной очевидностью, когда исследователи, стоящие на одинаковых методологических позициях, перешли к конкретной разработке

¹⁸ Ф. П. Ф и л и н. Образование языка...; ср. С. Б. Б е р н ш т е й н. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961 и др.

¹⁹ П. Н. Т р е т ь я к о в. Итоги археологического изучения восточнославянских племен. «Исследования по славянскому языкознанию». М., 1961; В. В. С е д о в. Там же, стр. 3.

²⁰ П. Н. Т р е т ь я к о в. Этногенетический процесс в археологии. «Советская археология», 1962, № 4.

²¹ А. Л. М о н г а й т. Археологические культуры и этнические общности. «Народы Азии и Африки», 1967, № 1; И. С. К а м е н е ц к и й. Археологическая культура, ее определение и интерпретация. «Советская археология», 1970, № 2; А. С. К л е й н. Проблема определения археологической культуры. Там же.

²² И. С. К а м е н е ц к и й. Там же, стр. 35.

проблем происхождения восточных славян. Одна и та же археологическая культура — зарубинецкая — с помощью принципиально не отличающихся друг от друга методов ее этнической интерпретации стала признаваться одними исследователями славянской (П. Н. Третьяков), другими — принадлежащей балтам (В. В. Седов). Показательно при этом, что отсутствие, во всяком случае на данном этапе изучения этногенетических процессов, разработанной на собственно археологическом материале системы критериев этнической дешифровки археологических культур привело к резкому усилению в археологических исследованиях аргументации, основанной на данных лингвистики. При этом, если судить по противоречивости результатов, данные эти подбирались подчас довольно субъективно, без достаточного учета того реального значения, которое придавали им сами языковеды.

Слабость основной теоретической посылки (соответствие этносам археологической культуры) не могла не повлиять и на ход дискуссии об этнической принадлежности черняховской культуры. Отнюдь не случайно в настоящее время вырисовывается компромиссный подход к решению этого вопроса в нашей археологической литературе. Таким компромиссом, бесспорно, является находящая себе все большее число сторонников трактовка ее как полиэтнической²³. И дело здесь совсем не в самом тезисе о полиэтничности, который представляется приемлемым. Дело в том, что тезис этот является скорее результатом общеисторических соображений, чем усовершенствования методики этнической дешифровки археологических источников.

Не случайно и постановка вопроса о славянских элементах в черняховской культуре при признании по данным археологии отсутствия генетических связей ее со славянской культурой VI—VII вв. основывается прежде всего на соображениях общеисторического порядка и фрагментарных сведениях письменных памятников (Певтингерovy таблицы)²⁴. То же самое приходится констатировать и при оценке попытки этнического переосмысления археологами таких культур, как лужицкая, поморская, шеворская и т. д. Подчеркивание здесь этих обстоятельств не означает, конечно, что археологи не должны обращаться к данным письменных источников или пытаться совместить выводы своих конкретных исследований с общей картиной исторического развития изучаемого региона. Как раз наоборот — иначе они перестали бы быть историками. Дело, следовательно, не в методологии археологической науки как науки исторической, а в методике этногенетических исследований, осуществляющихся на археологических материалах. Аргюи можно, конечно, утверждать, что каждому этносу, живущему компактно на четко очерченной территории, должна соответствовать определенная материальная культура, признаваемая этносом своей собственной, так сказать, родимой, поскольку она соответствует условиям его хозяйственной жизни. Компактно расселявшийся этнос немислим без материальной культуры, а именно ее изучают археологи. Иное дело, чем принципиально должна отличаться материальная культура у различных этносов, живущих в аналогичных природных условиях и имеющих одинаковый тип хозяйства. Именно здесь возникают осложнения, побуждающие археологов ставить вопрос о необходимости

²³ Э. А. Р и к м а н. Население Днестровско-Прутского междуречья в первых столетиях н. э. КСИА, № 119, М., 1969; е г о ж е. О фракийском элементе в Черняховской культуре Днестровско-Дунайского междуречья. КСИА, № 121, М., 1971.

²⁴ Э. А. Р и к м а н, И. А. Р а ф а л о в и ч. К вопросу о соотношении Черняховской и раннеславянской культур в Днестровско-Дунайском междуречье. КСИА, № 105, стр. 46; ср. В. В. К р о п о т к и н. Клады римских монет на территории СССР. «Свод археологических источников», Г-4-4. 1961, стр. 31—32.

выделения в материальной (археологической) культуре элементов, так сказать, этнопоказательных, детерминирующих ее этническую обособленность²⁵. Между тем, именно надежной методикой вскрытия этнических детерминативов в материальной культуре археология в настоящее время не располагает. Вполне понятно поэтому, почему подчас принимаемые за такие детерминативы форма и характер жилища, поселения, обряд погребения и др. часто при ближайшем рассмотрении оказываются явлениями, определяемыми географической средой, типом хозяйства или широко распространенной формой идеологических, религиозных воззрений. Можно даже указать на примеры, когда в зависимости от типа хозяйства (земледелие, пастушество, например одному этносу соответствует не один, а два (или более) типа материальной культуры.

Так возникает вопрос о принципиальной правомерности суждений об этносе на основе данных сохранившейся от него материальной культуры. Вопрос этот не нов в нашей литературе. Тезис о соответствии этноса и археологической культуры был решительно атакован еще в конце 50-х начале 60-х годов лингвистами, подчеркивавшими, что язык не тождествен культуре и что нельзя отождествлять археологическую культуру с древними этническими единицами²⁶. Решительных противников этот основополагающий тезис археологов-этногенетиков встретил, как уже говорилось, и в среде самих археологов²⁷.

При таком положении и при наличии диаметрально противоположных суждений о ходе этнических процессов у исследователей-археологов, оперирующих одним и тем же материалом источников, едва ли вызовут удивление горькие признания археолога И. И. Ляпушкина: «Некоторые исследователи, — пишет он, — предпочитают определять принадлежность славянам тех или иных памятников без проверки связи их с достоверными славянскими памятниками, а исходя лишь из того положения, что в более позднее время на данной территории обитали славяне. А, проще говоря, делается это „на глазок“, по интуиции. Беда такого подхода состоит не только в том, что мы затрачиваем силы, средства, а также теряем время — что, конечно, имеет свое значение, — сколько в том, что частые изменения во взглядах на историю славянского мира, которые имеют место при таком подходе, создают весьма недоброжелательный настрой к нашей науке, особенно, когда эти повороты совершаются с молниеносной быстротой под углом в 180°, без какого-либо заметного к тому повода»²⁸.

Сам И. И. Ляпушкин видит выход из создавшегося положения в обращении к ретроспективному методу, чтобы, отталкиваясь от достоверных славянских древностей X—XIII вв., постепенно углубляться в прошлое²⁹.

Ретроспективный метод не вызывает и не может, конечно, сам по себе вызвать возражений. Однако ретроспекция, построенная исключительно

²⁵ См., например, Л. Д. П о б а л ь. Славянские древности Белоруссии. Минск, 1971, стр. 140—143 и др.; В. І. Б і д з і л я. Історія культури Закарпаття на рубежі нашої ери. Київ, 1971, стор. 177.

²⁶ Ф. П. Ф и л и н. Образование языка..., стр. 72.

²⁷ Обзор мнений по этому вопросу см. М. И. А р т а м о н о в. Археологическая культура и этнос. «Проблемы истории феодальной России». Л. 1971. С возражениями против тезиса о совпадении этноса и археологической культуры выступает польский исследователь В. Генсель. W. H e n s e l. Archeologia i prehistoria. Wrocław — Warszawa — Kraków-Gdańsk, 1971, s. 465—492; В. П. П е т р о в. Там же, стр. 114—116. Не имея возможности здесь дать сколь-нибудь полный обзор зарубежной литературы вопроса, сошлемся только на детальный анализ проблем соответствия археологической культуры этносу в работе западногерманского археолога Р. Венсуса. R. W e n s u s. Stammenbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen Gentes. Köln — Graz, 1961.

²⁸ И. И. Л я п у ш к и н. Там же, стр. 27.

²⁹ Там же, стр. 26.

на археологическом материале, таит в себе, как кажется, неминуемую неточность и неполноту выводов. Главным при этом являются два следующих соображения:

1. Нет оснований полагать, что все последовательно сменявшие друг друга на какой-либо определенной территории археологические культуры уже открыты и выявлены, наоборот, есть все основания думать (и это подтверждает прогресс археологических исследований), что полностью достичь такого выявления, быть может, и не удастся и что построенная на имеющемся материале нисходящая цепь археологических культур, выделенных к тому же не всегда по единому признаку или по ряду вполне сопоставимых признаков, будет отнюдь не идеальной.

2. Материальная культура некоторых этносов, во всяком случае, этносов, практиковавших отгонное пастушеское скотоводство в качестве основного типа хозяйства при вспомогательном характере земледелия, судя по этнографическим данным³⁰, такова, что рассчитывать на обнаружение значительных следов ее в археологических раскопках, в сущности, не приходится.

Сложность положения усугубляется трудностью, рискованностью и при всех условиях неразработанностью принципов сопоставления данных археологии и лингвистики, не говоря уже о данных антропологии. В самом деле, как сопоставить лишённые твердых хронологических показателей данные языка (что не исключает возможности датировать отдельные языковые явления по материалам смежных дисциплин) с более или менее хронологически (или даже только стратиграфически) определенными данными материальной культуры? Одним из главных камней преткновения, кстати сказать, оказывается здесь имеющее принципиальный характер положение лингвистики о языке-основе, в данном случае, о праславянском языке — основе праславянской языковой общности. Сами лингвисты, оперируя этим понятием, часто подчеркивают, что нет возможности локализовать его в пространстве и времени³¹. При таком положении можно понять, конечно, затруднения археологов, но едва ли можно оправдать попытку практически отбросить это понятие, отказаться от него в своих исследованиях, ссылаясь на факт исторического развития языка, как это делает В. П. Петров³².

Дело здесь, очевидно, все же не в мифичности понятия праславянской языковой общности, а в явном несовершенстве методики комплексных этногенетических исследований, основанных преимущественно на археологических источниках, как, в свою очередь, несовершенстве аналогичных исследований, исходящих главным образом из данных языка. Ведь не более результативным оказалось для решения этногенетических проблем и сопоставление данных археологии и антропологии, антропологии и лингвистики, что побудило некоторых археологов выступить с предложением заменить понятие этногенеза понятием глоттогенеза, считать решающим не этнические, а только глоттогенетические процессы³³.

На первый взгляд такая подмена понятий — процессом может показаться даже вполне оправданной. В качестве доказательства ее правомерности можно было бы сослаться и на процесс романизации, сопровождавшийся распространением латыни как общеразговорного языка в Римской империи, на тюркизацию албанцев Азербайджана в результате исламизации и сельджукского завоевания, наконец, на несомненно сохраняющиеся

³⁰ См. например, «Карпатский сборник». М., 1972.

³¹ А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 12—13.

³² В. П. Петров. Там же, стр. 114—115.

³³ См. «Український історичний журнал», 1958, № 6.

черты местного фракийского и иллирийского субстрата в антропологическом типе южнославянских народов ³⁴.

В пользу такой подмены свидетельствует как будто бы и принятое в этнографии правило, гласящее, что в то время, как изменение физического типа этноса требует процесса этнической метизации, усвоение культуры и языка может происходить и без скрещивания этносов. Язык и культура могут распространяться независимо от антропологических типов, но антропологические типы никогда не распространяются без культуры и языка ³⁵.

Вопрос этот, однако, при более внимательном рассмотрении оказывается более сложным. Современные этнические процессы, действительно, свидетельствуют в пользу возможности усвоения этносом языка и культуры другого этноса, однако, в условиях их тесных политических, экономических и культурных связей, при полном культурном преобладании одного из этносов. Такое культурное преобладание при политическом и социальном подавлении подчиненных этносов, несомненно, было в Римской империи. Романизация здесь была прежде всего выгодна господствующим классам или слоям покоренных народов, обеспечивая им определенный социальный аванс. Миллионная армия, находящаяся в тесном контакте со снабжавшим ее всем необходимым местным населением, тоже была могучим рычагом романизации. Смена религии и связанных с нею обычаев, политическое и социальное подавление определило деэтнизацию албанцев. Существенно иначе складывались обстоятельства на Балканах, где не было культурного преобладания славян, а массовое заселение ими полуострова достаточно хорошо доказывается письменными источниками. Показательно при этом, что не вся территория, первоначально освоенная славянами, подверглась славянизации. В Пелопоннесе, например, в конце концов возобладал процесс эллинизации ³⁶.

Следовательно, задача состоит не в подмене или замене одного понятия-процесса другим, а в том, чтобы, признавая как значение процессов этногенеза, так и процессов глоттогенеза, стремиться выяснить конкретную обусловленность, исторический механизм происходящих этнических сдвигов.

При сложившемся положении в археологии и лингвистике, учитывая крайнюю скудность и порою неясность, неопределенность показаний письменных источников, отражающих к тому же только конечные стадии славянского этногенеза, нет ничего удивительного, что возобновились старые споры автохтонистов и миграционистов, на что уже обращалось внимание в нашей литературе вопроса ³⁷. Сознание (и, думается, обоснованное), что абсолютизация как автохтонной, так и миграционной теории должна неизбежно привести к ошибочной трактовке этногенетической проблематики, невозможность не учитывать роли этнического субстрата и одновременно понимание того факта, что имеющаяся совокупность данных воспрещает игнорирование миграционных явлений, побудили В. П. Петрова,

³⁴ В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей. К изучению роли переселения народов в формировании новых этнических общностей. «Советская этнография», 1967, № 2.

³⁵ Г. Д. Дебец, М. Г. Левин, Т. А. Трофимова. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза. «Советская этнография», 1952, № 1.

³⁶ А. Милетич, Д. Д. Агур. Дако-романите и тяхната славянска письменност. В сб. За народни умотворения, наука и книжнина, кн. IX. София, 1893, стр. 16; В. Тъпкова-Замова. По няко и въпроси за етнически промени на Балканите през VI—VII в. «Известия на Института за история», т. 12. София, 1963. Направление этнических процессов в Пелопоннесе легко увязывается с характером и масштабами зависимости его от Константинополя. А. В о п. Le problème slave dans le Péloponèse à la lumière de l'archéologie. «Byzantion», XX. Bruxelles, 1950, p. 19.

³⁷ В. П. Петров. Там же, стр. 6—10, 134—137 и др.

одного из последних исследователей-археологов, выступивших с обобщающим трудом по проблемам славянского этногенеза, к попытке наметить такую линию научного поиска, которая устранила бы необходимость обращения к обеим этим теориям. По его мнению, «вместо того, чтобы говорить об экспансии... и переселении, надо говорить о культурно-типологических изменениях в географических контактах, изменениях форм и границ в консолидации населения... Географическим контактам соответствуют культурные, связям культурно-географического порядка — этноязычные, хотя, разумеется, речь идет не о взаимозависимости и тем более об отождествлении»³⁸.

Положение, как это не трудно заметить, достаточно туманное, и так или иначе означало бы возвращение на позицию автохтонизма. Иного и трудно ожидать, если, с одной стороны, признается, что этническая принадлежность населения определяется языком, а с другой — постулируется, что решающими в конце концов являются безгласные археологические источники³⁹.

Как уже говорилось, в задачи пишущего эти строки не входит сопоставление всей литературы вопроса. В настоящей связи важно только отметить основные, определяющие состояние исследований, моменты в разработке проблематики этногенеза славян и восточных романцев. Поэтому, завершая этот по необходимости краткий и очень обобщенный обзор отечественных этногенетических исследований, достаточно будет подчеркнуть три следующих, как кажется, самых существенных обстоятельства:

1. Серьезное, более чем значительное расширение археологической источниковедческой базы само по себе не привело еще к достижению надежных результатов в области этногенеза славян.

2. Общее для всех специалистов по вопросам славянского этногенеза стремление к комплексности исследований при безусловной правильности самого постулата о необходимости комплексности оказалось все же больше пожеланием, чем реальным достижением, ибо осталась нерешенной проблема методики археологических и лингвистических, лингвистических и антропологических, археологических и даже исторических (т. е. основанных на письменных источниках) сопоставлений, использовались порою субъективные критерии для сопоставлений такого рода.

3. Для крупных обобщающих работ показательна эмпиричность поиска, пусть и сопровождающаяся, как правило, высоким профессиональным мастерством в той или иной научной области при очень слабом внимании к разработке теоретических основ этногенетических исследований, остававшихся, как правило, старыми: автохтонизм либо миграционизм, этногенез либо глоттогенез, археологическая культура как этническая общность и т. д., в связи с чем теоретический традиционный характер имели и вспыхивавшие вокруг того или иного вопроса научные дискуссии.

Из сказанного не следует, что разработка теоретических проблем этнических процессов полностью отсутствовала в нашей отечественной науке вообще. Однако происходила она отнюдь не в рамках археологии или языкознания. Разработкой теоретических вопросов этногенеза занимались наши этнографы. Здесь имеется в виду большая дискуссия, проходившая в 1967—1972 гг. среди этнографов и получившая широкое освещение на страницах журнала «Советская этнография»⁴⁰. Несмотря на то, что мно-

³⁸ Там же, стр. 135.

³⁹ Там же, стр. 10.

⁴⁰ См. «Советская этнография», 1967, № 2, 4; 1968, № 1, 4; 1969, № 2, 5, 6; 1970, № 1, 3, 6; 1971, № 6; 1972, № 3, 5. Показательно, что дискуссия эта отразилась и на страницах журнала «Природа». При характеристике этой дискуссии ниже учитывается и большая дискуссия по проблематике народности и нации, организованная журналом «Вопросы истории» в 1966—1968 гг.

гое в ходе этой дискуссии можно считать уже достаточно хорошо выясненным⁴¹, ее нельзя признать окончательно завершенной, о чем свидетельствуют появляющиеся в печати новые материалы⁴².

Вполне понятно, что участники дискуссии, формулируя свои взгляды, опирались отнюдь не только и не столько на материалы прошлых эпох, сколько широко использовали прежде всего наблюдения над современными этническими процессами. Это, однако, не мешает использовать результаты дискуссии для разработки проблематики и организации исследования этногенетических процессов отдаленного прошлого. Задача состоит в том, чтобы выделить из обширного материала дискуссии те основные положения, которые бесспорно могут быть применены к изучению палеоэтнических явлений.

Каковы же эти положения? Для удобства изложения ниже они формулируются в виде нескольких тезисов, которые попутно в случае необходимости комментируются, исходя из задач изучения этногенеза славян и восточных романцев.

Итак:

1. Антропологические и этнические категории, как правило, не совпадают — положение, как легко заметить из сказанного выше, не новое в нашей науке.

2. Этнос является устойчивой, исторически сложившейся общностью людей, характеризующейся такими признаками-свойствами, как общность территории, языка, экономических связей, культурного уклада и этнического самосознания, выражающегося, прежде всего, в сознании действительной или мнимой общности происхождения.

3. Эти признаки-свойства в своей совокупности образуют устойчивую структуру, позволяющую этносу, исторически развиваясь, в зависимости от социально-экономических, в первую очередь, и политических условий, сохраниться в течение длительных периодов, переходя из одной исторической эпохи в другую, включая даже смену формаций.

4. Такие, казалось бы, обязательные свойства-признаки этноса, как общность языка, территории, экономических связей и культурного уклада, нельзя абсолютизировать; потеря одного из этих свойств-признаков не влечет за собой исчезновение этноса. Положение это требует, по-видимому, существенных оговорок применительно к эпохе господства родового строя, когда такие понятия, как племя⁴³, язык и племенная территория и даже племенное имя составляли одно неразрывное единое целое, так что потеря одного из них автоматически влекла за собой исчезновение остальных свойств-признаков. Ситуация существенно изменилась на стадии разложения первобытно-общинного строя, в период формирования союзов племен, а затем больших военно-политических объединений и, особенно, в эпоху Великого переселения народов, когда дисперсность поселений

⁴¹ Итоговой статьей, суммирующей основные результаты дискуссии 1967—1972 гг., можно считать работу: Ю. В. Б р о м л е й. К характеристике понятия этнос. В сб. Расы и народы, т. 1, М., 1971.

⁴² Из последних выступлений следует назвать: К. В. Ч и с т о в. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры. «Советская этнография», 1972, № 3; Ю. В. Б р о м л е й. Еще раз о соотношении этнической и экономической общности. Там же; е г о ж е. Опыт типологизации этнических общностей. Там же, № 5.

⁴³ Род, в силу присущей ему экзогамности, предполагающий неизбежное биологическое и культурное смешение, не может, по-видимому, рассматриваться в качестве самостоятельной этнической единицы. Подробнее об этом см. Ю. В. Б р о м л е й. Опыт типологизации..., стр. 64.

этноса, этническая чересполосица могла и не быть препятствием к сохранению этносом своей отдельности⁴⁴.

5. Однако сохранение этноса при условии потери им одного из своих свойств-признаков возможно только в том случае, если они в совокупности существовали у него в недавнем историческом прошлом и не исчезли из этнического самосознания.

6. Поэтому решающим условием существования этноса является сохранение им этнического самосознания, выделяющего и противопоставляющего данный этнос соседним, самосознания, особенно остро проявляющегося в условиях непосредственного соседства, а тем более конфронтации с другими этносами. Положение чрезвычайно важное для понимания причин и механизма ассимиляции одним этносом других, например, славянами романизированных или эллинизированных фракийцев, этническое самосознание которых в условиях Римской империи безусловно должно было деградировать, так же как и для выяснения причин устойчивости тех или иных этнических единиц даже в очень сложных социальных и политических условиях (здесь примером могут служить вероятно, восточные романцы эпохи раннего средневековья). Принимая этот тезис, следует, как кажется, все же оговориться в том смысле, что для периода распада родового строя, эпохи военной демократии и для периода раннеклассовых обществ такие свойства-признаки этноса, как язык и этническое самосознание, остаются еще не расчлененными — явление, по-видимому, хорошо понимаемое лингвистами, недаром еще А. Мейе сформулировал тезис, что эпохе так называемого славянского языкового единства соответствовало население, говорившее на одном языке-основе, осознававшее свое единство⁴⁵. Эта нерасчлененность языка — этнического самосознания определялась тем, что именно язык являлся (да и теперь является) основным средством наследственной, в том числе этнической информации, абсолютно необходимой для сохранения этносом своей отдельности. Нарушение механизма этой вертикальной, диахронной наследственной информации, даже сегодня, когда она отступает на задний план перед информацией горизонтальной, синхронной, может вести и ведет к потере отдельными частями этноса этнического самосознания⁴⁶.

7. Обязательное для этноса наличие сознания единства своего происхождения определяет, в свою очередь, иерархичность этнического самосознания по восходящей линии. Для современных славянских народов эта иерархичность может быть проиллюстрирована на схеме: русский — восточный славянин — славянин, для эпохи Киевской Руси: вятич — русский — славянин и т. д. Значение иерархичности этнического самосознания для процессов славянского этногенеза, образования славянских народностей еще предстоит исследовать, хотя роль его в межславянских контактах не вызывает сомнений. Для этнического развития восточных романцев тоже могла играть существенную роль иерархия влах (волох) — римлянин, безотносительно к тому, насколько сама по себе фактически (т. е. исторически) оправдана эта иерархия.

8. Важнейшим свойством этноса является эндогамия — заключение браков внутри этноса, обеспечивающая непрерывность диахронного наследственного пути передачи этнических традиций. Подчеркивая значение

⁴⁴ Показательно, что именно таким чересполосным или, фигурально говоря, в «шахматном порядке» представляют себе расселение этносов в Центральной и Восточной Европе в первой половине I тысячелетия н. э. некоторые польские археологи. См. W. H e n s e l. Ibid.

⁴⁵ А. Мейе. Там же, стр. 5—6.

⁴⁶ С. А. Арутюнов. Н. Н. Чебоксаров. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. В сб. Расы и народы, т. II. М., 1972.

этого фактора, нельзя не учитывать, однако, что в абсолютизированном виде он показателен лишь для, так сказать, социально угнетенных этносов — этнических изолятов, или, быть может, очень древних племенных этнических единиц. Как правило (и этнографические параллели это очень хорошо показывают), тенденция к эндогамии как доминанта развития сочетается с тенденцией к расширению и увеличению этнической территории и ассимиляции соседних этносов⁴⁷. Думается, что и для понимания палеоэтногенетических процессов оговорка эта имеет существенное значение.

9. Каждому этносу соответствует обычно определенная материальная и духовная культура, осознаваемая этносом полностью или частично, как своя родная, что не исключает подвижности, постоянной обновляемости этой культуры, заимствований из другой этнической среды. «Чистой» этнической традиции еще никогда никому не удавалось выявить. Особой подвижностью обладает именно материальная культура, в которой все же можно выделить более консервативные (например, пища или женские украшения)⁴⁸ и менее консервативные элементы, к тому же жестко детерминированные развитием производительных сил, географической средой, типом хозяйства (орудия труда, жилища и т. д.). Последнее обстоятельство может привести к существенной разнице в материальной культуре этноса, расселившегося в зонах с совершенно отличными ландшафтно-географическими условиями (степь и горная местность, например). Тезис этот имеет особенно важное значение для окончательного завершения спора об этнопоказательности археологических культур.

10. Этносу свойственно стремление конституироваться социально, позже — политически в рамках единой территории: условия социальной или политической самостоятельности благоприятствуют нормальному прогрессивному развитию этноса, на что, кстати говоря, уже обращалось внимание в нашей литературе вопроса применительно к периоду формирования народностей. Показательно при этом и отчетливо проявляющееся в Центральной и Восточной Европе совпадение границ расселения народностей с политическими границами формирующейся на их основе раннефеодальной государственности⁴⁹. Нет сомнения, что это стремление к социальному, а затем и территориально-политическому конституированию было свойственно и этносам на более ранних стадиях развития, что не мешало им в период разложения родового строя развивать активную территориальную экспансию.

11. С последним тезисом тесно связано и разделение этнических общностей на две большие категории: этнос в узком смысле слова — исторически сложившаяся совокупность людей, обладающих стабильными особенностями культуры и языковой общностью и сознанием своей этнической обособленности (в нашей этнографической литературе этому понятию соответствует обычно термин этникос), и этнос в широком его понимании — этносоциальный организм, предполагающий сочетание собственно этнических свойств с определенными социальными структурами. К этносоциальным организмам или, по терминологии наших этнографов, эсо относятся такие этнические общности, как племя, народность, нация. Характер этносоциального организма определяется принадлежностью

⁴⁷ На обстоятельство это автору приходилось уже указывать в рецензии на первый том ежегодника «Расы и народы». «Советская этнография», 1971, № 6.

⁴⁸ Археологи согласно подчеркивают традиционность лепной домашней керамики. См. В. І. Бі д з і л я. Там же, стор. 177; Э. А. Р и к м а н, И. А. Р а ф а л о в и ч. Там же, стр. 53.

⁴⁹ Подробнее об этом см. В. Д. К о р о л ю к. Западные славяне и Киевская Русь (вступительная глава). М., 1964. Здесь же дана литература вопроса.

к той или иной формации, племя — народность — нация образуют восходящий генетическо-таксономический ряд для этносоциальных организмов. Этнос в узком смысле слова (современное понятие национальность) может переходить из одной формации в другую.

Само собой разумеется, что сказанное не охватывает всего содержания дискуссии, происходившей в нашей этнографической науке, тем более, что, как указывалось выше, дискуссия среди этнографов еще не закончена. Важно, однако, другое. Дискуссия подняла много новых теоретических вопросов, связанных с этническими процессами, и важных не только для современности, но и, думается, для решения многих узловых явлений этногенеза народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Она позволяет продолжить исследования в области славянского этногенеза на новом, значительно продвинутом вперед теоретическом уровне.

Это не значит, конечно, что достигнутый теоретический уровень можно признать во всех отношениях достаточным. Вне дискуссии осталось еще много проблем, чрезвычайно существенных для палеоэтнографии. Многие вопросы были затронуты только попутно, без их глубокой разработки.

Не пытаясь охарактеризовать всю ту проблематику, которая так или иначе осталась неразработанной, что потребовало бы самостоятельного исследования, необходимо указать все же на некоторые моменты, имеющие прямое отношение к теме настоящей статьи. Следует заранее подчеркнуть при этом, что при такой оговорке формулируемые ниже замечания ни в коей мере нельзя считать исчерпывающими. Замечания эти таковы:

1. К сожалению, до сих пор не было предпринято попыток моделирования исторического механизма основных исторических процессов, таких, как допустим, процессы ассимиляции или дифференциации этносов, передачи наследственной этнической информации, развития этносов в условиях потери ими своей территории и материальной культуры, возрождения этнического самосознания после длительного периода существования этноса в угнетенном, выражаясь языком биологов, состоянии. Такого рода моделирование, без сомнения, во многом помогло бы при дешифровке древних этнических процессов. Оно позволило бы и поставить очень сложный и неясный вопрос о возможностях регенерации этносов, условиях, благоприятных для этнической регенерации, если таковые возможности мыслимы реально, разумеется.

2. В генетическом ряду племя — народность — нация дополнительного изучения и, возможно, членения требует стадия, отделяющая народность от племени. Главное здесь, как кажется, заключается в том, чтобы четко представить себе принципиальные этносоциальные отличия союзов кровно-родственных племен на стадии господства или расцвета родового строя и союзов племен, тоже сознающих единство своего происхождения, но находящихся на стадии распада родового общества. Неизученной остается и этносоциальная структура крупных военно-политических объединений, выходящих за пределы союзов племен, осознающих свое родство, эпохи военной демократии. Здесь лучше изучены только военно-политические объединения кочевников.

3. Важной задачей остается выделение этнопоказательных элементов в материальной культуре с учетом, конечно, ее особой подвижности, с учетом того, что во времени показатели эти сами могут радикально изменяться, обновляться, заменяться другими. Для развития археологических исследований в области этногенеза сейчас это первостепенного значения проблема.

4. В четком определении нуждается такое понятие, как этническая традиция, наследственная информация. Известно, что она изменяется и обновляется во времени, но не изучены ее истоки, в какой мере она в своем

происхождении связана с производственной деятельностью, тотемическими мифами, возрастными инициациями, культом предков древнего человечества, каковы направления, каковы основные этапы ее развития на стадиях, предшествующих формированию современных народностей и наций.

5. Слабо изученной остается роль духовной культуры и искусства в развитии этнических процессов. Если охранительная и консолидирующая роль национальной культуры для этноса и этносоциального организма очевидна, если на значение ее в процессе взаимообогащения этносов уже указывалось в этнографической литературе, то сложнее обстоит дело с народной культурой и искусством. Обычно довольно ясно представляется опять же их охранительная роль. Однако признать народную культуру и искусство явлением замкнутым в себе, чуждым внешним воздействиям не позволяют многие конкретные наблюдения над ее развитием. Здесь достаточно, пожалуй, указать на церковную скульптуру эпохи готики и барокко, лежащую в основе польской народной скульптуры XIX—XX вв.⁵⁰ или на русскую народную иконопись XVII—XIX вв., через древнерусское и византийское искусство живописи восходящую к эллинистической традиции⁵¹. Такие примеры легко умножить⁵². Они определенно свидетельствуют в пользу того, что и народная культура и искусство являются своеобразным механизмом духовного взаимообогащения этносов. Особого внимания заслуживает тенденция народной культуры к выработке локальных особенностей, вариантов, а также в некоторых случаях, как, например, в Карпатском ареале, ее способность выйти за пределы этноса, формируя широкий межэтнический культурный круг.

Изучение всех этих особенностей развития духовной культуры, думается, облегчит в дальнейшем правильное понимание роли факторов духовной культуры, искусства в этнических процессах древности.

* * *

На этом можно закончить рассмотрение итогов дискуссии 1967—1972 гг. Сказанного достаточно, чтобы представить себе характер дискусионных теоретических проблем, которые возникают при изучении не только современных, но и палеоэтнических процессов. Тем самым в большой мере определяется и тот круг теоретических вопросов, в разработке которых так или иначе должны принять участие слависты Института славяноведения и балканистики АН СССР, занимающиеся этногенетической проблематикой. Образование в 1972 г. особой творческой группы для изучения этногенеза и этнической истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы при секторе древней истории и средних веков должно существенно ускорить включение наших специалистов в разработку всей этой теоретической проблематики.

В настоящее время группа объединяет только историков и лингвистов. В дальнейшем предполагается привлечение к работе в группе археологов и этнографов, установление тесных научных контактов с соответствующими специалистами.

⁵⁰ J. G r a b o w s k i. *Sztuka ludowa. Formy i regiony w Polsce*. Warszawa, 1967; K. P i w o s k i. *O historycznej genezie polskiej sztuki ludowej*. Wrocław, 1953.

⁵¹ В. Д. К о р о л ю к. Русская крестьянская иконопись (традиция и развитие). «Etudes balcaniques». Sofia, 1971, № 3.

⁵² Даже необычайно яркая связь гуцульской керамической росписи с народным фольклором не исключает ее генетической связи с профессиональным гончарством Коломый XVIII в., а впоследствии воздействие на нее иконописи, книжной и журнальной графики и т. д. См. Д. Г о б е р м а н. Росписи гуцульских гончаров. Л., 1972, стр. 22, 30—31. Достаточно подробно все эти вопросы разработаны в книге: В. С. В о р о н о в. О крестьянском искусстве. Избранные труды. М., 1972.

щими специалистами из Института археологии АН СССР, Института этнографии АН СССР, Института русского языка АН СССР, Института археологии и Института общественных наук АН УССР, Института истории АН БССР и Института истории и Отдела этнографии АН МССР. Частично контакты эти уже установлены, совместные работы начаты. Имеется в виду сотрудничество с Институтом этнографии АН СССР и молдавскими археологами, историками и этнографами. Сделаны первые шаги к установлению деловых научных контактов со специалистами по славянскому этногенезу в Польше, Чехословакии и Болгарии. Контакты эти должны быть укреплены и расширены с тем, чтобы охватить все страны изучаемого региона. Формулируя конкретные задачи исследовательской работы группы, нельзя не учитывать состава группы, особенности научной подготовки ее сотрудников, как нельзя не учитывать и таких обстоятельств, что в полном и точном смысле слова источниковедческой базой для исследований специалисты по этногенезу славян не располагают, что комплексное изучение предполагает в данном случае не столько прямое сопоставление данных лингвистики, археологии, антропологии и письменных памятников, сколько сопоставление полученных в результате их изучения реконструкций. Итогом работы должны быть не собственно лингвистические, археологические и другие исследования, а исследования палеоэтнические, комплексные по существу своей проблематики⁵³.

Между тем, именно сопоставление данных имеющихся источников, методика такого сопоставления, как указывалось выше, вызывает наибольшую трудности. Здесь можно было бы ограничиться одной, но очень красноречивой иллюстрацией. Реконструкция, как она рисуется на базе изучения языка-основы, достаточно сложно социально и культурно организованного праславянского общества в настоящее время оказывается несовместимой с теми представлениями об относительной примитивности социальной организации славян в эпоху Великого переселения народов, которые господствуют в нашей исторической науке. Сопоставлению в данном случае должен, очевидно, предшествовать проведенный заново анализ данных языка, но прежде всего археологии и, особенно, сохранившихся письменных источников. Но это задача, к которой предстоит подготавливаться постепенно, памятуя также о том, что сопоставление основанной на лингвистических данных реконструкции с картой археологических культур может дать, во всяком случае первоначально, только альтернативные результаты. В качестве гипотетических праславянских окажется возможным считать не одну культуру, а группу археологических древностей.

Для будущего наших этногенетических исследований в связи со сказанным выше очень большую роль должна сыграть организация равномерно, по возможности синхронно развивающихся разработок во всех возможных направлениях — археологическом, историческом, лингвистическом, этнографическом, даже историко-географическом и историко-социологическом. Только максимальное приближение к теоретически возможным синхронным исследовательским усилиям способно обеспечить действительную комплексность этногенетических исследований, даже если эти исследования будут иметь регионально и хронологически или тематически ограниченный характер, как это планируется сейчас нашей группой.

⁵³ Кстати сказать, некоторый и в определенной мере интересный опыт постановки такого рода комплексных исследований с участием археологов и этнографов имеют лингвисты Института славяноведения и балканистики АН СССР. См. сб. *Полесье* (лингвистика, археология, топонимика). М., 1967 и *Лексика Полесья*. М., 1968. Принципиальное значение имеет статья: Н. И. Т о л с т о й. О лингвистическом изучении Полесья. В сб. *Полесье*...

Сейчас в рамках Института славяноведения и балканистики наиболее продвинутыми и результативными в области славянского этногенеза, бесспорно, являются работы наших лингвистов. Речь идет не только об исследованиях, посвященных, в частности, проблематике балто-славянского языкового единства, гидронимии верхнего Поднепровья и Поднестровья⁵⁴. Интересны по своим предварительным, пусть далеко и не бесспорным еще результатам, опыты комплексного изучения лексики, топонимии и археологии Полесья. Принципиально важной является и постановка задач лингвогеографических исследований на диалектном уровне для решения проблематики этногенеза славян и древних славянских миграций⁵⁵. Изучение гидронимии и топонимии естественно было бы продолжить, расширяя ареал исследований на юг и юго-запад, чтобы постепенно охватить фракийский и, может быть, иллирийский этнический массивы. Важно было бы организовать на должном уровне начатое уже изучение лексических соответствий, в том числе диалектных, в широком географическом ареале.

Должны быть продолжены во вновь организованной группе и наши исследования в области индоевропеистики, давшие уже интересные и значительные результаты для изучения ранних этапов славянского этногенеза⁵⁶. Но одновременно должны быть предприняты все меры к тому, чтобы ускорить выравнивание уровней исследований во всех других научных направлениях.

Принимая участие в изучении некоторых как теоретических, методических, так и конкретно-исторических вопросов восточнославянского и западнославянского этногенеза, представляется все же наиболее перспективным при организации комплексных исследований в группе сосредоточиться на проблематике славянских переселений на Балканы и формирования южного славянства и восточных романцев. Наличие всех видов источников — исторических, археологических, лингвистических, антропологических и этнографических, включая данные фольклора, именно в данном случае обеспечивает оптимальные условия для комплексности, не говоря уже о том, что в случае удачи этих исследований будет найдена еще одна твердая опора для развития исследований ретроспективного порядка, разработки методики сопоставления разных типов источников.

Уже первые опыты работы над письменными источниками, относящимися к только что сформулированной проблематике, показали необходимость их тщательного и скрупулезного исследования с учетом внутренней логики памятника. Прежде всего выяснилась многозначность упоминаемых в источниках этнонимов и возможность применения к одному этносу различной по происхождению этнонимической номенклатуры⁵⁷. Многозначность этнонимов для рассматриваемого периода характерна, как по-

⁵⁴ См. указанные выше работы В. В. Иванова, В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева; см. также В. Н. Топоров. Очерк истории изучения балто-славянских языковых отношений. «Ученые записки Института славяноведения», т. XVII. М., 1957; е г о ж е. Из истории изучения древнейших балто-славянских языковых отношений. Там же, т. XXIII. М., 1962.

⁵⁵ Подробнее об этом см. Н. И. Толстой. Об изучении полесской лексики. В сб. Лексика Полесья; ср. В. В. Мартынов. Проблема славянского этногенеза и методы лингвогеографического изучения Припятского Полесья. «Советское славяноведение», 1965, № 4.

⁵⁶ См., например, В. В. Иванов. О значении хеттского языка для сравнительно-исторического исследования славянских языков. М., 1957.

⁵⁷ В. Д. Королук. Волохи и славяне «Повести временных лет». «Советское славяноведение», 1971, № 4; см. также статьи Г. Г. Л и т а в р и н а о византийских источниках, относящихся к влахам X—XIII вв., и В. Д. Королука о волошских этнонимах в хронике венгерского Анонима в сб. Юго-Восточная Европа в средние века. Кшишев, 1972.

казывают неопубликованные исследования покойного А. П. Ковалевского, посвященные сообщениям о славянах аль-Масуди, и для восточных источников. Многозначным здесь оказывается этноним славяне — сакалибы. Следует учитывать далее, что не только топонимы, но и этнонимы имеют тенденцию отрыва от породивших их этносов, перехода к другим этносам⁵⁸, а многозначность этнонимов не менее показательна и для источников античной эпохи⁵⁹.

Планирование продолжения источниковедческих исследований над письменными памятниками предполагает в ряде случаев организацию их новых переводов на русский язык взамен широко используемых археологами устаревших. В настоящее время заканчивается работа над новым и первым на русском языке полным переводом сочинения Константина Багрянородного (Г. Г. Литаврин) «Об управлении империей». Начато его научное комментирование. Издание источников будет осуществляться группой в условиях сотрудничества с Институтом истории СССР, приступившим к подготовке корпуса древних источников по истории Восточной Европы.

Особенно важной представляется организация новых переводов и научного комментирования латинских и греческих источников, относящихся к истории формирования восточных романцев. Сильное отставание в разработке в нашей науке проблем образования восточно-романских народностей в большей мере упирается в слабую исследованность именно совокупности письменных источников о влахах-волохах, дисперсно расселившихся на обширных территориях Балкан и Карпато-Дунайских земель.

Критический анализ письменных источников призван, естественно, помочь комплексной разработке вопросов происхождения южных славян и восточных романцев. В плане археологическом и этнографическом в настоящее время первоочередной задачей следует считать разработку вопросов о роли античного наследия для социально-экономического, культурного и этнического развития раннесредневековых народностей в Юго-Восточной Европе. Ближайшей целью является полное, по возможности, выяснение этнической характеристики так называемой Балкано-Дунайской культуры, точное определение роли фракийского этнического компонента в процессе формирования древнеболгарской славянской народности и возможности участия в образовании Балкано-Дунайской культуры оседлого восточно-романского элемента.

Если сопоставление данных письменных памятников и археологических материалов позволяет уже сейчас более или менее уверенно судить о славянском земледельческом и тюркоязычном кочевом элементе в этой культуре, то с дако-фракийским этническим элементом обстоятельства складываются значительно сложнее. Он оказывается практически пока неуловимым в археологических памятниках, хотя и отчетливо выступает в современном и близком к современности этнографическом и антропологическом материале, наблюдается при изучении производственных навыков сложившейся славянской болгарской раннефеодальной народности, ее традиций в области строительной культуры и т. д.⁶⁰, улавливается в данных ономастики и фольклора⁶¹.

⁵⁸ Подробнее см. В. А. Н и к о в. Этнонимия. В кн. Этнонимы. М., 1970.

⁵⁹ См., например, анализ показаний Страбона о Карпато-Дунайском регионе: В. І. Б і д з і л я. Там же, стр. 164—172.

⁶⁰ Г. Г. Л и т а в р и н. Темпове и специфика на социално-икономическото развитие на средновековна България в сравнение с Византия от края VII до края XII в. «Исторически преглед», 1970, № 6.

⁶¹ Частично касался этих вопросов еще Дашкевич. Н. П. Д а ш к е в и ч. Славяно-русский Троян и римский император Траян. «Serta borysthenaica». Сб. в честь

Здесь возможны два решения: либо археологический материал еще просто недостаточен и необходима интенсификация археологических раскопок, либо процессы романзации и эллинизации в рамках Римской империи привели к столь сильной доэтнизации местного земледельческого населения, что оно полностью лишилось осознаваемой этнически своей материальной культуры, а бурные события Великого переселения народов столь сильно подорвали материальные основы его существования, что в условиях упадка позднеримского ремесла и деградации хозяйственной жизни, дако-фракийский земледельческий элемент вынужден был пользоваться однотипной со славянами более примитивной материальной культурой.

При условии продолжения соответствующих антропологических, этнографических и фольклорных (быть может, путем картографирования показательных фольклорных серий) работ участие лингвистов в изучении этой проблематики, анализ дако-фракийского языкового наследства в болгарском и восточно-романском языках, сравнение в болгарском языке масштабов этого наследства с наследством греческим и римским тоже способно существенно продвинуть вперед решение вопроса. Одновременно анализ грамматического строя и лексики восточнороманских языков, славянских элементов в них должно помочь в уточнении географии этнического континуитета восточнороманских народностей в Карпато-Дунайском регионе и на Балканах. Вместе с тем, новый шаг будет сделан и в изучении предполагаемого волошко-славянского социально-экономического и этнического синтеза, в условиях которого завершилось становление у волохов феодальных отношений, образование государственности и формирование народностей. Нельзя не учитывать при этом, что хорошо изученный пастушеско-земледельческий тип волошского хозяйства⁶² не оставляет как будто бы больших шансов для археологических исследований.

* * *

Намеченная выше, пока, разумеется, еще только в предварительном порядке, подлежащая уточнению проблематика группы по изучению этногенеза и этнической истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы будет в дальнейшем, естественно, расширяться за счет западной части Балканского полуострова и центрально-европейского ареала. Но уже и сейчас она представляется более чем широкой для столь немногочисленной исследовательской ячейки, как наша группа. Тем большее значение должны будут иметь для нее хорошо налаженные научные контакты, деловое сотрудничество с другими научными центрами в нашей стране и за рубежом. Регулярное издание, один раз в два года, сборника исследований группы должно способствовать развитию контактов и сотрудничества, а достаточно широкая проблематика сборников обеспечит участие в них специалистов разных профилей, советских и зарубежных.

Ю. А. Кулаковского. Киев, 1914; см. также Н. С. Державин. Сборник статей и исследований в области славянской филологии. М.—Л., 1941, стр. 7—51.

⁶² Подробнее см. Л. Л. Милетич, Д. Агур. Там же; М. Уони. La transhumance des Vlaques balcaniques au Moyen Age. «Byzantinoslavica», V, XII. Praha, 1951. В сб. Симпозиум о средневековом катуне. Сарајево, 1963; S. Dragonić. Vlahie din nordul peninsulei in evul mediu. Bucureşti, 1959; большой обзор литературы содержится в статье J. Donat. Păstoritul românesc și problemele sale. «Studii revista de istorie». Bucureşti, 1966, № 2.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

В. И. БЕЛЯЕВА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. А. ВОЗНЕСЕНСКОГО В ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ КОМИТЕТЕ И СЛАВЯНСКОМ КОМИТЕТЕ СССР

Профессор Александр Алексеевич Вознесенский был известным ученым экономистом, одним из организаторов экономического образования в СССР, ректором Ленинградского и Саратовского университетов, министром просвещения РСФСР, депутатом Верховного Совета СССР. Проявляя большой интерес и к проблемам славяноведения, он сделал не мало для установления и развития сотрудничества между учеными славянских стран. При его активном участии была организована научная сессия ученых-славистов, проходившая с 29 июня по 4 июля 1946 г. в Ленинградском университете.

В ней приняли участие ученые из Советского Союза, Польши, Чехословакии и Югославии. Она имела существенное значение не только потому, что ее участники обсудили состояние славяноведения в своих странах, но и потому, что на ней было принято решение о созыве в дальнейшем научных конференций для обсуждения проблем славяноведения и о создании Организационного комитета для общего руководства подготовкой таких конференций ¹.

В составе советской делегации А. А. Вознесенский участвовал в работе Славянского конгресса, состоявшегося 8—11 декабря 1946 г. в Белграде.

На заседании конгресса 10 декабря 1946 г. он произнес речь «Ленинизм — высшее достижение мировой культуры», в которой нарисовал впечатляющую картину созидательного труда советского народа, показал путь, пройденный советской наукой. А. А. Вознесенский говорил: «... в связи с вопросом о развитии и роли науки в Советской стране, я позволю себе напомнить вам о таком вкладе славянских народов моей великой Родины в мировую культуру, о двух таких завоеваниях, которые имеют гигантское, всемирно-историческое, всечеловеческое значение и рядом с которыми ничто другое не может быть поставлено». Эти достижения — во-первых, «ленинизм — учение, являющееся высшим результатом развития русской и мировой культуры, созданное и разработанное гением Ленина», и, во-вторых, впервые в истории построенные народами нашей страны новый тип государства — С о в е т с к о е государство, новое общество — с о ц и а л и с т и ч е с к о е общество. В заключение речи А. А. Вознесенский обратился с призывом к интеллигенции славянских стран принять активное участие в перестройке общественной жизни своих стран на началах новой, народной демократии ².

Конгресс избрал Общеславянский комитет, одним из вице-председателей которого стал А. А. Вознесенский. Он был членом редакционной коллегии по подготовке стенографического отчета конгресса ³.

Принятые на конгрессе решения, обращение ко всем народам с призывом объединиться в борьбе за мир и демократию имели большой общественный резонанс во многих странах. А. А. Вознесенский в статье «Итоги Первого послевоенного Славянского конгресса», опубликованной в журнале «Славяне» ⁴, глубоко проанализировал работу конгресса и дал оценку принятых на нем решений. «Славянский конгресс, — отмечал он, —

¹ «Славяне», 1946, № 8—9, стр. 29—31.

² Там же, 1947, № 2, стр. 33—36.

³ ЦГАОР, ф. 6646, оп. 1, ед. хр. 138, л. 9.

⁴ «Славяне», 1947, № 1, стр. 26—31.

поможет лучшему осведомлению пародных масс всего мира об истинной великой роли славянских народов в развитии культуры человечества и тем самым будет способствовать преодолению различных неправильных представлений в этой области, которые сознательно распространяли враги славянских народов... и, в особенности, фашисты»⁵. А. А. Вознесенский выступал по радио, опубликовал ряд статей и прочитал несколько докладов и лекций об итогах конгресса⁶.

Ввиду образования Общеславянского комитета работавший в Москве Всеславянский комитет был реорганизован в начале 1947 г. в Славянский комитет СССР, одним из его вице-председателей был избран А. А. Вознесенский⁷. Выступая на пленуме Славянского комитета СССР 29 марта 1947 г., А. А. Вознесенский отметил, что Славянский комитет СССР является прежде всего о б щ е с т в е н н о й организацией и поэтому должен ориентироваться на вовлечение широкого актива советских ученых, писателей, артистов, общественных деятелей в его работу. Он предостерегал от опасности свести работу комитета только к организационной деятельности, проведению торжественных мероприятий и приемов и предлагал создать при комитете научно-теоретическую и литературно-художественную секции, которые должны были теснее связать его с советской общественностью⁸. А. А. Вознесенский считал важнейшей задачей общеславянского и национальных славянских комитетов идейно-политическую работу в духе пролетарского интернационализма, упрочения дружбы и сотрудничества между народами. Об этом он говорил на собрании славянских деятелей в Москве в марте 1947 г.⁹ и на заседании Президиума Общеславянского комитета, проходившего там же 26—27 апреля 1947 г.¹⁰.

С 16 по 18 июня 1947 г. в Варшаве проходил II пленум Общеславянского комитета, принявший ряд важнейших решений и документов. На пленуме с докладом о созыве конгресса ученых-славистов выступил А. А. Вознесенский. Пленум постановил для проведения подготовительной работы к конгрессу ученых-славистов создать Организационный комитет под председательством А. А. Вознесенского. Организационный комитет установил связи с национальными славянскими комитетами, научными учреждениями и отдельными учеными; его деятельность способствовала оживлению исследований по проблемам славяноведения. Пленум принял Обращение к интеллигенции всего мира. В нем говорилось:

«Деятели науки, искусства, литературы, культуры, все работники интеллигентного труда!

От имени славянских народов мы призываем вас к борьбе за тесное дружеское сотрудничество между народами.

Разоблачайте агрессивные планы империалистов! Срывайте маски с поджигателей новой войны!

Боритесь со всеми проявлениями фашизма, в какую бы одежду он ни рядился...»¹¹.

Под этим горячим призывом к укреплению дружеских связей между всеми свободлюбивыми народами во имя мира и прогресса стоит и подпись А. А. Вознесенского.

В октябре 1947 г. А. А. Вознесенский принимал участие в расширенном заседании Президиума Общеславянского комитета в Софии, обсуждавшем вопросы сотрудничества ученых-славистов и подготовительную работу, которую проводили славянские комитеты к 30-й годовщине Великого Октября.

Как вице-председатель Общеславянского комитета и Славянского комитета СССР, А. А. Вознесенский проделал большую организационную и политическую работу по укреплению дружбы, культурного и научного сотрудничества между народами СССР и зарубежных славянских стран.

⁵ Там же, стр. 27.

⁶ См., например, газету «Правда» за 3 февраля 1947 г. и газету «Ленинградская правда» за 30 декабря 1946 г. ЦГАОР, ф. 6646, оп. 1, ед. хр. 138, л. 75.

⁷ «Славяне», 1947, № 3, стр. 12.

⁸ ЦГАОР, ф. 6646, оп. 1, ед. хр. 130, л. 33.

⁹ Там же, ед. хр. 132, л. 60.

¹⁰ Там же, ед. хр. 130, л. 74; «Славяне», 1947, № 4, стр. 37.

¹¹ «Славяне», 1947, № 6, стр. 3.

Н. А. ПРОКОФЬЕВА

РЕПЕРТУАР ТЕАТРА ДРАМЫ И КОМЕДИИ НА ТАГАНКЕ НА ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ СЦЕНЕ

В последние годы театральное искусство все более приобретает черты интернационального характера. Шире и теснее становятся международные контакты в этой области, о чем свидетельствуют, в частности, различные гастрольные поездки и фестивали сценического искусства, проводимые в ряде стран. Поиски новых форм, предпринимаемые тем или иным театральным коллективом, стаповятся плодотворнее, если он использует опыт работы, накопленный другими, в том числе и зарубежными коллективами, разрабатывающими аналогичные или сходные творческие проблемы.

Именно поэтому чешская и словацкая театральная общественность проявляет в последнее время большой интерес к новым тенденциям советского театра. В частности, ее внимание привлекают Театр им. Ленинского комсомола, Театр-студия «Современник» и Театр драмы и комедии на Таганке. В чехословацкой театроведческой литературе эти коллективы Москвы сопоставлялись с «малыми театрами» Чехословакии и порой делались попытки их отождествления. Отметим в этой связи, что при кажущемся внешнем сходстве отдельных театральных приемов здесь все-таки прежде всего дают о себе знать существенные качественные различия. Очевидно любительское происхождение чехословацких «малых театров», их тяготение к узкому кругу зрителей, некоторая ограниченность тематики, камерный стиль сценического эксперимента, чего нельзя сказать о молодых советских театральных коллективах, представляющих собой этап дальнейшего развития традиций русского театра. Разумеется, все это отнюдь не исключает возможности взаимно плодотворных творческих контактов между «малыми» и, так сказать, «большими» театрами.

Особо пристальное внимание чехословацкого театроведения привлекает к себе руководимый режиссером Юрием Любимовым Театр драмы и комедии на Таганке, чье праздничное, яркое искусство проявляет свои особенно сильные стороны на пути к синтезу сценических форм драмы, гротеска, пластики, буффонады, гражданского пафоса и поэзии.

Любимов не скрывает, что «таганцы» постигают секреты своего театрального искусства с помощью Станиславского, Вахтангова, Мейерхольда, Брехта, «творческое содружество» которых символизируют их портреты в холле Театра на Таганке. Формирование самостоятельного, новаторского стиля «Таганки» опирается на все многообразие лучших традиций мирового театра. При этом Любимов ищет пути к решению нелегкой проблемы: обогащая Брехта школой русского театра, в частности — Станиславского и Вахтангова, он пытается снять противоречие между «представлением» и «переживанием».

Умение Любимова заострить современное звучание спектакля, заново прочесть, казалось бы, давно уже известное и утратившее свою актуальность, показать зрителю знакомые события в новом свете — привлекает к Театру на Таганке внимание широкого зрителя и теоретиков театрального искусства как в Советском Союзе, так и за рубежом.

В чехословацкой театроведческой литературе исследованию творчества Ю. Любимова посвящено значительное количество статей. Причем следует отметить, что в последнее время чехословацкая театральная общественность не ограничивается только теоретическими исследованиями искусства любимовских спектаклей. Стремясь найти новые пути развития чехословацкого сценического искусства, режиссеры ведущих театров Чехословакии обращаются к тематике Театра на Таганке, заимствуя из его репертуара пьесы, наиболее близкие им по проблематике и художественным интересам.

К 50-й годовщине со дня основания Коммунистической партии Чехословакии в Государственном театре им. Махи в городе Брно была осуществлена постановка (премьера состоялась 7 мая 1971 г.) по мотивам книги Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир» в инсценировке советских авторов Ю. Любимова, Н. Добровольского, С. Капштеля и Ю. Добронравова, в переводе Я. Вавроша и постановке режиссера Р. Юрды. Инициаторы этой инсценировки в Брненском театре Р. Юрда и драматург Я. Ваврош гидели постановку «Десять дней...» в Москве. Они сделали попытку перенести образ и дух московского спектакля в Театр Махи, создав серию из 55 коротких и длинных сцен, в которых сменяются пантомима, теневой театр, репризы, черный театр, кино, песни и т. д. Спектакль поставлен в общем интересно. Однако следует сказать и о некоторых непреодоленных, к сожалению, трудностях, с которыми пришлось столкнуться коллективу брненского театра. По этому поводу в газете «Лидова демокраце» отмечено следующее: «Для московского зрителя Октябрьская революция представляется на сцене с иного угла зрения; это возможно потому, что историческим событиям и лицам в сознании русского зрителя соответствуют живые представления, которые театр по-прежнему заимствует с других перспектив. Чехословацкий зритель, не знающий факта с такой доскональностью, как русский, воспринимает его прежде всего как информацию, и применительно к брненской постановке речь может идти об информации в значительной степени патетизированной. То, что в русской постановке воспринимается непосредственно, живо, тепло, в брненском театре приобретает черты выпренности и помпезности»¹. Это заметил и сам Любимов, присутствовавший на последней репетиции спектакля в Театре им. Махи, признав, впрочем, что брненское представление — великодушное театральное зрелище.

Известен и другой отзыв об этом спектакле, с которым выступил В. Пазоурек в газете «Свободне слово». Он пишет: «Высокое профессиональное мастерство театрального синтеза, которое отличает постановку „Десять дней...“ в театре Брно, вызывает у зрителя сознание необходимости великого исторического события и его эмоциональное восприятие»².

Несмотря на отдельные недостатки, имеющие место в брненском спектакле, инсценировка «Десяти дней...», как справедливо отмечает автор рецензии в газете «Лидова демокраце», представляет интерес и заставляет задуматься над средствами театральной выразительности, которые «должны убеждать зрителя в великой правде социализма»³.

Другим спектаклем из репертуара любимовского театра, получившим признание на чехословацкой сцене, был спектакль, созданный на основе повести польского писателя Ежи Ставиньского «Час пик», в превосходной сценической обработке талантливо-го актера Театра драмы и комедии на Таганке В. Смехова.

Комедия Ставиньского и Смехова привлекает внимание ведущих театров Чехословакии не только потому, что в ней ставятся актуальные этически значимые проблемы семейных и общественных отношений, данных в сатирически заостренной трагикомической форме, но и потому, что своей необычной драматической формой она предоставляет большие возможности для оригинального сценического решения. По этому поводу газета «Млада фронта» писала: «Спектакль „Час пик“, как и представление „Десять дней, которые потрясли мир“, показал, что тексты из драматургической мастерской

¹ «Lidová demokracie». Brno, 3 VI 1971.

² «Svobodné slovo». Venkov, 27 V 1971.

³ «Lidová demokracie». Brno, 3 VI 1971.

Театра на Таганке представляют собой особый вид сценария, при реализации которого решающее значение приобретает творческая индивидуальность режиссера»⁴.

Интересно и своеобразно была осуществлена постановка этой пьесы в Театре им. С. К. Неймана, премьера которой состоялась 2 ноября 1971 г. (режиссер спектакля Вацлав Лохницкий, постановка Владимира Синеки). На сцене пражского театра режиссер В. Лохницкий показал калейдоскоп сенок из современной варшавской жизни. Пьеса осуждает и высмеивает такие человеческие пороки, как карьеризм, неискренность, приспособленчество, встречающиеся еще в социалистическом обществе.

Рис. 1. Сцена из спектакля «Час пик» в постановке В. Лохницкого в Театре С. К. Неймана в Праге

Особая форма спектакля создает возможность для быстрой смены сцен, сохраняя их в том виде, как они показаны в повести. Главный герой как бы иллюстрирует свой рассказ различными сценами из своей жизни. Именно он — главный герой — является главным «режиссером» всего спектакля. Удачную находку можно видеть и в том, что не только главный герой, но и второстепенные персонажи пьесы в не прямой речи, адресованной публике, постоянно комментируют происходящий диалог, позволяющий вскрыть истинные намерения и чувства героев.

Пражский спектакль «Час пик» строится прежде всего на диалогах, их интеллектуально-острая интерпретация неустанно колеблется между остроумным разговором и эстрадными импровизациями, метко характеризующими героев, и это становится основ-

⁴ «Mladá fronta». Brno, 15 X 1971.

ной доминантой театральной структуры спектакля. Инсценировка с самого начала уже сама по себе требует быстрого темпа. Отдельные сценки мелькают перед глазами зрителей, как кадры в кино. Именно путем постепенно нарастающего обострения драматических конфликтов Лохничский достигает выразительнейших сценических эффектов. Известный театральный критик Мартин Тума отмечает в своей рецензии, что «инсценировка „Час пик“ в Театре С. К. Неймана не только означала значительное драматургическое начинание в контексте нашего современного театрального искусства, но и внесла в его сокровищницу большой вклад, ибо пражское представление „Час пик“ можно отнести к вершинам театрального искусства осеннего сезона этого года»⁵.

Второй постановкой «Час пик» на чешской сцене, инспирированной репертуаром московского Театра на Таганке, была инсценировка этой пьесы в Государственном театре им. Махи в Брно (премьера — 1 ноября 1971 г.). Режиссер спектакля Ярослав Горан, постановка Антонина Ворела, чешский перевод сделан Отто Поппом, высоко оценившим спектакль, созданный Ю. Любимовым. Попп отзывался о нем как об «очень живом, бурном, искрометном спектакле... с большим количеством неожиданных импровизаций»⁶.

Главное внимание при постановке спектакля режиссер сосредоточил на раскрытии его социально-общественной направленности. В беседе с корреспондентом газеты «Ровность» он отметил, что пьеса «Час пик» беспощадно разоблачает ситуации, которые часто возникают в нашей повседневной жизни, в наших семьях и на работе. «Мы ни в коем случае не хотим поучать, осуждать или давать рекомендации, — говорит режиссер. — Мы лишь хотим показать зрителю фигуру главного героя Кристофа, глядя на которого каждый хотя бы на минуту вспомнит о своих жизненных ситуациях и задумается о своем поведении»⁷.

В настоящее время, когда на сценах чехословацких театров большей частью ставится классика, когда сюжеты современности встречаются сравнительно редко, постановка в нескольких чехословацких театрах такой современной и актуальной пьесы, как «Час пик», явилась заметным и отрадным событием для всей чехословацкой театральной общественности.

Совсем в ином плане решена постановка (в 1971 г.) другой пьесы репертуара любимовского театра, созданной по повести Б. Васильева «А зори здесь тихие», в чешской интерпретации носящей название «Ангелы» (режиссер — Зденек Мика). Пьеса посвящена теме второй мировой войны.

Б. Васильев, автор повести, которую инсценировал для Театра на Виноградах в Праге драматург Владимир Горачек, писал, обращаясь к пражским зрителям этой пьесы:

«Дорогие друзья!

Я принадлежу к тому поколению, которое война застигла на школьных скамьях. Год спустя мы надели солдатскую форму, а мои школьные подруги так и не успели сшить себе белые платья, потому что из ребят нашего класса в живых осталось только четверо.

Двадцать миллионов жизней стоил нашему народу праздничный салют победы. И у нас не найдется семьи, которая не оставила хотя бы каплю своей крови на пурпуре красного знамени, водруженного над покоренным рейхстагом.

Поэтому я и пишу о войне. Я не хочу никого забавлять, и не хочу никого запугивать: просто я не могу молчать. Мои восемнадцатилетние школьные товарищи стоят у меня за спиной и следят за тем, что пишет моя рука. Звук растревоженной памяти стучит в моем сердце, как стучал пенел Клааса в сердце Тиля Уленшпигеля. Я остался в живых и теперь до самой смерти я несу долг перед теми, кто уже никогда не возвратится домой.

Помните о них! Я убежден, что до тех пор пока мы будем помнить о них, мир не обезумеет. До тех пор пока мы будем помнить, парни будут спешить на свои свидания, а не в ударные батальоны, а девочки будут шить себе белые платья. До тех пор пока

⁵ «Tvorba», 1971, č. 49, s. 15.

⁶ «Mladá fronta». Brno, 15 X 1971.

⁷ «Rovnost». Brno, 29 IX 1971.

мы будем помнить, будут смеяться дети, цвести сады, будут танцевать женщины. Помните о тех, которые не вернулись домой. Помните о них!»⁸.

Именно это имел в виду режиссер Зденек Мика, ставя спектакль «Ангелы». Он придавал этой работе особое значение. Совместно с драматургом Владимиром Горачеком он сделал спектакль исключительно человеческим — и это явилось одним из факторов, почему он прозвучал так убедительно.

В инсценировке В. Горачека не акцентируется внимание на мелких конфликтных ситуациях, которые сопровождают действие в течение всего представления. Он стремится подчеркнуть пафос, свойственный повести Васильева, страстный протест писа-

Рис. 2. Сцена из спектакля «Ангелы» в постановке З. Мики в Театре на Виноградах в Праге

теля, который пишет о своих погибших товарищах и тем самым заставляет их жить в памяти людей и присутствовать в нашей мирной жизни. Горачек стремится многопланово показать образы отдельных персонажей спектакля — он находит в них и юмор, и лиричность, и трагедийность. В кратких сценах он пытается раскрыть психологию своих героев — наивных и непосредственных девушек, стоящих на пороге женственности, которая сама по себе так противоречит всему, что несет с собой война. У них еще свои девичьи сны и мечты, своя девичья любовь. Но война жестока и беспощадна и требует принесения в жертву тех, кто предназначен дарить новую жизнь. Гибель юных существ — еще не успевших ступить в жизнь — это та абсурдная жестокость, против которой страстно протестует писатель.

Анализируя эту постановку, В. Гроуда в статье «Советская новинка в Театре на Виноградах в Праге» писал: «Театру на Виноградах удалось создать прекрасный спектакль, высоко гуманистичный и художественно выразительный, с ярко выраженным идейным содержанием. Он может являться примером того, чему должен служить театр. Одновременно театр доказал, что можно создать художественный и идейный театр, не

⁸ Текст этого обращения воспроизведен в программе Театра на Виноградах, выпущенной к премьере спектакля «Ангелы». Прага, 1971.

прибегая к экзистенциализму, отчужденности, абсурдности и другим подобным модным ухищрениям буржуазной идеологии. В этом отношении вся постановка современна и обращена к будущему»⁹.

Очень разные по своему идейному содержанию и тематике, разноплановые по сценическим приемам и художественным средствам театральной выразительности, спектакли репертуара московского Театра драмы и комедии на Таганке с успехом ставятся на чехословацкой сцене. Причину этой популярности анализирует чешский драматург Театра на Виноградах в Праге Владимир Горачек в своей статье «Любимовская театральность», которая приводится ниже¹⁰.

ЛЮБИМОВСКАЯ ТЕАТРАЛЬНОСТЬ

Московский Театр драмы и комедии на Таганке привлек, как мне кажется, внимание зарубежных театралов и любителей театра приблизительно с середины 60-х годов, в частности, это относится к нашим чешским и словацким работникам театра, критикам и переводчикам. Это значит — приблизительно в тот момент, когда движение так называемых малых театров (как, например, Семафор Сухого и Шлитра и др.) в значительной мере уже себя исчерпало и они стали перед альтернативой — или «перерождения» или «профессионализации», которой они, эти «малые театры», до тех пор избегали, — и одновременно в тот момент, когда уже после практического и теоретического предыдущего опыта открывали новые пути «Sinoherní klub» («Драматический клуб»), «Divadlo za branou» («Театр за воротами») и некоторые «камерные сцены» при «больших», или «каменных» театрах.

Но это было также время, когда довольно широкие слои чешских и словацких театральных деятелей осознавали необходимость или по крайней мере чувствовали потребность пересмотра своего творческого вооружения, исканий новой, современной театральности.

Я лично не принадлежу к поклонникам Таганки, как не принадлежу к поклонникам кого-либо или чего-либо. Но в любимовском театре, не идеализируя его, я находил что-то, соответствующее некоторым моим чувствам и мыслям, нечто такое, что, мне кажется, выражает современное восприятие внешнего и внутреннего мира современным человеком, его психику и даже самое его существо.

На протяжении последних пяти лет я видел на Таганке спектакли: «Десять дней, которые потрясли мир», «Добрый человек из Сезуана», «Пугачев», «Мать», «А зори здесь тихие»; если попытаться обобщить черты и характер этих разных спектаклей, то прежде всего можно сказать, что любимовский театр необыкновенно «зрелищен». Ему свойственна исключительно яркая, театрально выразительная форма, форма, действительно доносящая до зрителя содержание и идею. Я сказал бы даже, форма, полная экспрессии, исходящая из общественной и характерной типизации. Усилия Любимова достичь максимально интенсивной выразительности можно назвать даже страстью, даже одержимостью, но ни в коем случае это нельзя считать самоцелью.

Любимов, очевидно, прекрасно сознает и чувствует, что сегодняшний мир человека невозможно выразить всеобъемлюще, «энциклопедически», особенно в одном спектакле, и даже в одном театре: он старается выразить человеческое бытие в тех пунктах, где что-то недосказано, где «сглажены углы», — и, понятно, неизбежно наталкивается на «общепринятые» уста-

⁹ «Rudé právo», 18 V 1971.

¹⁰ Статья В. Горачека «Любимовская театральность» с согласия автора публикуется впервые.

повки, суждения. Он стремится вглубь, тревожит спокойствие, разрушает сферу «приличия», но, может быть, он кое-что просто восстанавливает? Во всяком случае — как я это чувствую — до мозга костей проникает воинствующий сарказм Ленина в «Десяти днях», неумолимо, бичующе действует ирония и сарказм постановщика в сцене смещения Временного правительства; безграничной горести исполнены тексты Пугачева, идущего к своей гибели. Форма любимовских спектаклей при этом переменчива, полна острых смен настроений.

Любимовский арсенал выразительных средств широко использует приемы и элементы всего драматического искусства (у нас, в Чехии, в такой полноте они используются Е. Ф. Бурианом в его театре в Праге): звук, свет, движение, их органичное сочетание по законам логики, парадокса и контрапункта. Они у него высоко функциональны, действенны, использованы динамически, с острым чувством их внутренней взрывчатой силы.

С другой стороны, в построении этих спектаклей есть и такое, что на меня как на чешского театрала не имеет особого воздействия: это, как говорится, — «я уже видел». Это то, что я мог бы назвать репродукцией «общественных механизмов», например в «Матери». Действие царско-полицейской машины, конечно, можно выразить и так, как оно выражено в спектакле: это очень выразительно, наглядно и зрелищно, но все-таки эти «ходь» выражены для меня слишком в общих чертах. Как что-то убеждающее, правдивое, я воспринимаю, наоборот, зарождение классовой отваги в Павле, порожденной каким-то внутренним сознанием: ведь кто-то должен все-таки начать.

Конечно, индивидуальный (вначале) протест не мог бы иметь такой силы воздействия, если бы он не противостоял безликой, бездушной «государственной машине» царско-полицейских репрессий. Но слишком уж она, на мой взгляд, безошибочно действует, слишком уж односторонне, без «случайностей» изображен антагонизм «общегосударственного» и «личного». Тут где-то, очевидно, пока границы той эстетической и идейной концепции современного театра, которую разрабатывает Любимов. Здесь можно, например, поучиться кое-чему у самого Горького (вспомнить хотя бы его «Врагов».)

Но при всем этом у Любимова и его театра я также ценю и другое: его концентрированное усилие выражаться «сокращенно», посредством «знаков», через метафоры, метонимии и т. д. Ведь описательность и даже дидактика и декларативность — это явления, исходящие где-то даже из натурализма и все еще угрожающие театру. Мы в своей повседневной жизни привыкли ежедневно «проглатывать», вбирать в себя значительное количество информации. Кое-что довольно прочно заложено в нашем сознании. Нам, современным людям, при всех присущих нам недостатках и поверхностном освоении сложностей современного мира, в некоторых отношениях излишне разяснять фактографию явлений; одна из наших настоятельных потребностей — это потребность проникать в глубь явлений, событий, в их смысл и диалектику, чтобы на основе познания многоликих взаимосвязей лучше, точнее, четче осознать себя, возможность действительного проявления человека, и особенно человека, кровно связанного с интересами социалистического общества и его перспективой. Чтобы, избегая упрощенчества, учиться отделять то, что называется идеалом, от иллюзий.

Возможно, что театральность Любимова и его Театра на Таганке исходит, вообще говоря, из концепции «театра представления» (а не переживания). Но эта театральность, как мне кажется, в своих лучших чертах направлена к раскрытию активных сил человека и общества — или

по крайней мере к раскрытию предпосылок для более разумного, осведомленного, осмысленного действия этих сил.

Мы убедились, осуществляя постановки по сценариям любимовского театра у нас, в Чехословацкой Социалистической Республике, что любимовский театр как единое целое непередаваем. Но важнее, мне кажется, найти зерно его театральных усилий, все эти «почему» разных его работ. Для понимания этого в нашей чешской истории театрального творчества существуют опоры, примеры, действия, живые истоки: Театр Е. Ф. Буриана, Й. Гонзла, в некоторых отношениях Театр Й. Фрейки. Многие существенные элементы их творчества, и главное, смысл их театральности вошли в наш чешский театр, хотя были моменты, когда, неумно и неумело упрощая их, мы могли их потерять.

Тут, на мой взгляд, исключительно важно извлекать уроки из всей истории социалистического театра. Он оправдывает себя только тогда, когда становится фактором действительного выявления общественных, интерперсональных и индивидуальных противоречий, активизации борьбы за более высокое качество человеческого бытия и его динамики.

Если чехословацкий театр после 60-х годов, характеризуемых нараставшим кризисом, хочет выйти на путь создания истинного социалистического театрального искусства, он не может одновременно не решать задачи созидания новой, современной, действенной социалистической театральности. Нам никак не может помочь театр вялый, описательный, декларативный; нам, и особенно молодому поколению, нужен театр, смело вторгающийся в самую гущу жизненных конфликтов между старым, бессильным и между тем, что помогает пробивать путь вперед. Нам, работникам социалистического театра, предстоит громадный труд: на основе ответственного анализа условий общественного бытия в нашем обществе разрушить замкнутый круг человеческого материального и духовного существования, отображаемого драматургами капиталистических стран. Разрушить иллюзии о «вечных», «непреложных» истинах, не закрывая глаз на сложности этого разрушения и сложности созидания нового мира, более достойного человека.

Мне кажется, что любимовский театр и еще более любимовская театральность в это непростое дело вносит свою лепту.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КНИГА О КЛЕМЕНТЕ ГОТВАЛЬДЕ

Ежегодно пражское издательство «Свобода» присуждает премии авторам лучших из выпущенных им книг. Одну из премий 1971 г. получил сотрудник Института марксизма-ленинизма ЦК КПЧ Ярослав Матейка за книгу «Готвальд»¹. Это — первая научно-популярная биография выдающегося деятеля чехословацкого и международного рабочего и коммунистического движения К. Готвальда, изданная к 75-летию со дня его рождения. Автор адресовал свою книгу прежде всего молодым читателям, но она, безусловно, привлечет внимание всех, кому интересна история Чехословакии, история ее революционного рабочего движения.

Книга начинается с описания детских и юношеских лет К. Готвальда, которые он провел сначала в моравской деревне, где родился, а потом, как ученик столяра, в Вене. Именно здесь он впервые познакомился с социал-демократической литературой, начал посещать митинги и собрания, вступил в молодежную социал-демократическую организацию.

Первые известия о революции в России заставят Готвальда в окопах австро-итальянского фронта, тогда же он впервые услышал о Ленине. В 24 года, как раз перед декабрьскими событиями 1920 г., Готвальд демобилизуется из армии и возвращается к себе на родину. Он — убежденный социалист и с большим вниманием следит за тем, как развивается революционное движение в стране, какие процессы происходят в социал-демократии, как формируется в ней левое революционное течение, с воодушевлением приветствует создание Коммунистической партии Чехословакии. Он — один из первых коммунистов Брненского края. В 1921—1922 гг. К. Готвальд живет в Баньской Быстрице в Словакии, где редактирует коммунистическую газету «Глас люду». В то же время он — организатор и главный редактор журнала «Спартакус», органа рабочего физкуль-

турного движения в Словакии. В Баньской Быстрице и Врутках, где он с 1923 г. руководит центральной ежедневной газетой партии, К. Готвальд делает первые шаги как профессиональный революционер.

Я. Матейка пишет о большом влиянии на Готвальда ленинских идей и работ: «К Ленину и его делу он обращался в труднейшие минуты своей жизни, чтобы в нем найти опору и ответ. Ленин уже тогда помогал ему понять многое, что было скрыто для других. Ленинские работы ускорили созревание Готвальда-революционера» (стр. 47).

В 1924 г. К. Готвальд переезжает в Оставу, куда переводится в это время редакция «Правды худобы». Он избирается делегатом II съезда КПЧ, становится выразителем настроений ее революционного ядра и возглавляет борьбу за большевизацию партии.

На III съезде КПЧ в 1925 г. К. Готвальд избирается в состав ЦК КПЧ, в политбюро и оргбюро, становится секретарем ЦК КПЧ, возглавляет Центральную комиссию по агитации и пропаганде. В это же время он в составе чехословацкой делегации первый раз приезжает в Москву, где участвует в заседании VI конгресса Коммунистического Интернационала. V съезд КПЧ единодушно избирает К. Готвальда Генеральным секретарем партии. Ему 33 года. Он — самый молодой из руководителей политических партий Чехословакии.

В это время КПЧ переживает трудный период: из-за оппортунистической политики прежнего руководства в ней осталось только 25 тыс. членов. В борьбе за новую партию, в борьбе против оппортунизма, с одной стороны, и сектантства, с другой, молодой Генеральный секретарь получает поддержку Коминтерна.

КПЧ постепенно преодолевает свою политическую и организационную слабость, доверие масс к ней возрастает, увеличивается число членов. В период экономического кризиса она становится во главе движения безработных, затем — возглавляет стачечное движение в стране.

¹ J. M a t e j k a. Gottwald. Praha, 971, 315 s.

В это же время К. Готвальд избирается депутатом парламента, который он рассматривает как один из важнейших участков классовых битв пролетариата. В середине 30-х годов КПЧ возглавляет борьбу за создание единого фронта против международного и внутреннего фашизма, против наступления капитала. Буржуазия усиливает репрессии. Во второй половине 1933 г. партия вынуждена почти полностью перейти на нелегальное положение. Парламент выносит решение лишить ряд коммунистических депутатов, в том числе К. Готвальда, депутатской неприкосновенности. В августе 1934 г. по решению политбюро К. Готвальд вместе с некоторыми другими руководителями КПЧ уезжает в Москву. Работая в Исполкоме Коминтерна, он участвует в подготовке VII конгресса Коминтерна, много занимается вопросами марксистско-ленинской теории. В то же время К. Готвальд внимательно следит за развитием событий в Чехословакии и помогает работающим в стране товарищам своими советами.

В 1935 г. на VII конгрессе Коминтерна, разработавшем тактику создания широкого фронта демократических сил в борьбе против наступления фашизма, К. Готвальд вместе с Г. Димитровым, П. Тольятти, Д. Мануильским, В. Пиком, О. Куусиненом, А. Марти и др. был избран в ИККИ и секретариат ИККИ.

В начале 1936 г. К. Готвальд возвращается в Чехословакию и развертывает активную деятельность по воплощению в жизнь решений VII конгресса Коминтерна. Под его руководством проходит VII съезд КПЧ, который намечает систему мероприятий в целях защиты республики от фашизма. Летом 1938 г. К. Готвальд ездит по всей стране, призывая народ к оружию и единству. Однако все усилия КПЧ напрасны. 30 сентября 1938 г. Э. Бенеш принимает мюнхенский диктат. Деятельность компартии запрещается, она уходит в подполье. Часть ее руководства выезжает за границу, чтобы оттуда руководить борьбой. В ноябре 1938 г. К. Готвальд прибывает в Москву, где, как пишет Я. Матейка, находит «большое понимание в чехословацких вопросах у советских правящих кругов» (стр. 189).

В годы войны основное внимание Готвальда направлено на организацию борьбы против фашизма и его прислужников в Чехословакии, разработку стратегических и тактических вопросов национально-освободительного движения и программы послевоенного устройства Чехословакии.

После освобождения страны от фашизма деятельность коммунистов под руководством К. Готвальда направлена на создание экономических и политических предпосылок дальнейшего углубления

революции, мирного перерастания национально-демократической революции в социалистическую.

В 1945—1946 г. компартия удается добиться значительного укрепления позиций трудящихся и ослабления буржуазии. Основной линией VIII съезда КПЧ, состоявшегося в марте 1946 г., является творческое развитие всего того, что было начато национально-демократической революцией. Это означало дальнейшее ее мирное перерастание в социалистическую, расширение власти рабочего класса, ограничение позиций буржуазии, реакции.

После выборов в Национальное собрание в мае 1946 г., на которых компартия одерживает убедительную победу, Готвальд становится главой правительства. Противоречия в Национальном фронте все более обостряются. Реакция тормозит, саботирует все мероприятия, предлагаемые коммунистами в рамках правительственной программы. К. Готвальд в этих сложных условиях проявляет себя как умелый тактик и гибкий политик, идущий в случае необходимости на компромиссы, но никогда не уступающий в принципиальных вопросах. Несмотря на все противодействие реакции страна развивается в социалистическом направлении. В конце 1946 г. К. Готвальд замечает: «Хотя мы за истекшие 16 месяцев не говорили много о социализме, все же на пути к нему мы сделали большой шаг» (стр. 251).

Коммунистическая партия берет курс на завоевание большинства нации и в сложнейших условиях обострения борьбы с реакцией во второй половине 1947 г. заручается поддержкой основной массы трудящихся. Февраль 1948 г. — кульминационный момент мирного перерастания национальной и демократической революции в социалистическую. Трудящиеся под руководством рабочего класса и его авангарда — Коммунистической партии одерживают решительную победу над силами реакции. Немалая заслуга в этом принадлежит К. Готвальду.

Страна вступает в новый этап — этап строительства социализма. Летом 1948 г. К. Готвальд избирается президентом Чехословакии. Коммунистическая партия приступает к непосредственной разработке программы построения социалистического общества, которая утверждается ее IX съездом в мае 1949 г. «В генеральной линии, — пишет Я. Матейка, — нашел воплощение опыт масс, мудрость тысяч лучших умов страны, прогрессивные традиции чехословацкого общества. Но особый вклад в ее выработку внес именно Готвальд. Он обобщил в ней весь опыт, накопленный революционным движением, и определил на долгие годы вперед, в каком направлении должна развиваться страна» (стр. 304).

Последняя, к сожалению, очень крат-

кая и схематичная глава книги, озаглавленная «Завещание», посвящена началу реализации программы КПЧ по построению нового общества.

В марте 1953 г. К. Готвальд умер. «Недолгим был жизненный путь Клемент Готвальда», — пишет автор. — Но вечны народы Чехословакии будут вспоминать своего великого сына» (стр. 313).

В книге К. Готвальд предстает перед читателями не только как революционер, как партийный и государственный деятель, но и просто как человек. Я. Матейка показывает его в различных жизненных ситуациях, в общении с людьми, рассказывает об основных чертах его характера. Автор подчеркивает целеустремленность К. Готвальда, его колоссальное трудолюбие и работоспособность, беззаветное служение и преданность делу рабочего класса, его широкую образованность, постоянное стремление к совершенствованию своих знаний и бескорыстную готовность поделиться ими с товарищами. Я. Матейка говорит о простоте и обаятельности К. Готвальда, о его умении общаться с людьми самого различного общественного положения, о его популярности и авторитете среди трудящихся. Готвальду свойственны скромность,

доброта, мягкость, искренность, но вместе с тем — твердость и решительность в принципиальных вопросах. Много внимания в книге уделяется стилю работы К. Готвальда. Отмечаются его нетерпимость к интригам, прямота, стремление не переносить принципиальные разногласия на личные отношения; открытое признание ошибок; хорошее знание своих сотрудников, их сильных и слабых сторон; порицание критики ради критики; регулярный контроль за выполнением принятых решений; требование точности и пунктуальности во всем, что касается порученного дела и т. д.

Такой всесторонний и очень живой рассказ о Готвальде позволяет читателю составить полное представление о человеке и коммунисте, отдавшем все свои способности, энергию и опыт делу победы рабочего класса. Книга Я. Матейки, положительно встреченная чехословацкой общественностью и получившая высокие оценки в партийной печати², представляет несомненный интерес и для советского читателя.

В. Марьина

² См. рецензии: «Nová mysl», 1972, № 1; «Tribuna», 1972, № 1.

CZESŁAW ŁUCZAK. «Kraj Warty». 1939—1945. Studium historyczno-gospodarcze okupacji hitlerowskiej. Poznań, 1972, 260 s.

ЧЕСЛАВ ЛУЧАК. «Край Варты». 1939—1945. Историко-экономическое исследование гитлеровской оккупации

Монография известного польского историка проф. д-ра Ч. Лучака, восполняющая существовавший до сих пор пробел в историографии, представляет собой синтетическое исследование экономической политики гитлеровских оккупационных властей в так называемом Крае Варты, созданном из части польских земель, «присоединенных» к Германии. В «Край Варты» включались Познанское воеводство, район Калиша, Влодавский, Гостынинский, Кутновский, Лаский, Лодзинский и Ленчицкий повяты и западная часть Бжезинского, Петровского и Радомщанского повятов. Его территория составляла 43 942 кв. км, накануне войны здесь проживало 4922 тыс. человек, в том числе 325 тыс. немцев, 385 тыс. евреев и 23 тыс. человек других национальных меньшинств. Имперским наместником и руководителем гитлеровской партии (гауляйтером) в «Крае Варты» был назначен бывший президент гданьского сената А. Грейзер. Гитлеровцы рассматривали «Край Варты» как составную часть и одну из провинций Германии, «полигон национал-социализма», «помост между Западом и Востоком»,

«немецкий бастион» на Востоке. Это определяло особенности их политики в «Крае Варты» по сравнению с оккупационной политикой в других польских землях, в частности в «генерал-губернаторстве».

Автор, внимательно используя литературу вопроса, опубликованные источники и большое количество архивных материалов, впервые вводимых им в научный оборот, обстоятельно характеризует оккупационный режим в «Крае Варты». Вся власть в оккупированной области, отмечает автор, сосредоточивалась в руках гитлеровцев. В соответствии с доктриной национал-социализма проживавшим в «Крае Варты» немцам, как «высшей расе», обеспечивалось привилегированное положение в политической, экономической и культурной жизни. Это должно было способствовать привлечению немецкого населения на сторону гитлеровской партии и переселению сюда немцев из самой Германии. С включением этих земель в состав Германии некоторые гражданские свободы местного немецкого населения в связи с упразднением действовавших здесь до войны немецких поли-

тических партий и общественных организаций ограничивались, но это в определенной мере компенсировалось повышением его жизненного уровня за счет польского населения.

Рассматривая политику оккупационных властей в отношении польского населения, автор раскрывает ее характерные черты и способы реализации. Ставя своей задачей германизацию «Крае Варты» в сравнительно короткий срок, гитлеровцы, указывается в книге, стремились физически уничтожить часть польского населения, уменьшить его численность посредством выселения в «генерал-губернаторство» и вывоза на принудительные работы в Германию, превратив оставшихся поляков в послушных рабов немецких господ. Осуществляя эту политику, оккупационные власти широко применяли террор и насилие. Производились массовые экзекуции, тысячи людей заключались в тюрьмы и концлагеря, где они погибали или уничтожались, остальное население обрекалось на нищенское полуголодное существование и быстрое или постепенное вымирание. По приблизительным подсчетам автора в результате экстерминационной политики гитлеровцев в «Крае Варты» погибло около 450 тыс. человек, кроме того, около 10 тыс. человек умерло на принудительных работах в Германии, 9 тыс. человек скончались от истощения и болезней, связанных с тяжелыми материальными условиями жизни, 20 тыс. человек погибли во время боевых действий. Общие потери населения составили около 490 тыс. человек; таким образом, во время войны и оккупации погиб каждый десятый человек, проживавший на этой территории до сентября 1939 г. В больших масштабах производились выселения и переселения жителей. По неполным данным было вывезено в Германию на работу и для поселения 125 тыс. человек, во Францию (для выполнения сельскохозяйственных работ) — 23 тыс. человек, переселено в «генерал-губернаторство» около 300 тыс. человек, а всего различного рода переселениям подверглись около 1,5 млн. человек. Переселяемым разрешалось взять вещи и питание весом от 10 до 30 кг на человека и не более 200 злотых. Все остальное их имущество переходило в распоряжение оккупационных властей. На принудительные работы в Германию было угнано около 450 тыс. человек. Попытки гитлеровцев германизовать часть польского населения, как показывает автор, были в общем безуспешными. В результате интенсивной колонизации число немцев к октябрю 1944 г. возросло до 1250 тыс. человек.

Всесторонне и глубоко раскрывается в книге экономическая политика оккупационных властей в «Крае Варты». Исходя из принципа, что в руках поляков могли оставаться до определенного вре-

мени только владения, «не обеспечивавшие достаточных средств для жизни немцев», гитлеровцы экспроприировали имущество польской казны, общественных организаций, промышленных и торговых фирм и частных владельцев. До мая 1943 г. у польских граждан было отнято 7265 промышленных предприятий, 22 510 торговых заведений, 20 680 ремесленных мастерских, 502 кредитных и страховых учреждения, 4800 гостиниц и ресторанов. Эти предприятия перешли в ведение оккупационных властей, часть из них была продана или передана немцам. Постановлением 1941 г. упряднялось право собственности крестьян на хозяйства, оставшиеся в их владении.

Рассматривая аграрную политику оккупационных властей, автор отмечает их стремление превратить «Крае Варты» в немецкую житницу империи. Было конфисковано 2550 тыс. га земли, часть которой была передана немцам, остальная предназначалась для новых немецких колонистов. Хозяйственная деятельность польских крестьян строго регламентировалась, большая часть продукции сельского хозяйства использовалась для военных целей. Подобная политика, говорится в книге, проводилась оккупационными властями и в области промышленности. Сосредоточив в руках немцев промышленные предприятия, транспорт и средства связи, гитлеровцы, применяя принудительный труд польского населения, использовали их для ведения войны. Существенную роль в германизации «Крае Варты» и милитаризации его хозяйства играли немецкие капиталисты.

В книге далее рассматриваются палочковая политика, денежная система, товарооборот, ограничения в снабжении населения товарами первой необходимости, методы эксплуатации рабочей силы, бытовые условия, социальная политика оккупационных властей и акция самопомощи польского населения. Большой интерес представляют данные об экономической борьбе польского населения в период оккупации. Подчеркивая ведущую роль коммунистов и левых социалистов в движении Сопротивления, автор характеризует различные формы саботажа и диверсий, проводившихся в промышленности, сельском хозяйстве и на транспорте. Экономическая борьба польского населения особенно широкой размах приобрела в 1941—1942 гг., с осени 1943 г. она заметно ослабла в связи с разгромом гитлеровцами многих подпольных организаций и групп. Деструктивная деятельность польских патриотов в значительной мере подрывала экономические позиции гитлеровцев. Рассматривая движение Сопротивления, автор, естественно, сосредоточивает свое внимание главным образом на экономических формах борьбы против оккупантов. Нам представля-

ется, что при этом следовало бы шире показать и другие формы движения Сопротивления, оказывавшие прямое или опосредованное воздействие на экономику края. }

Книга Ч. Лучака, обстоятельно раскрывающая политику гитлеровских оккупационных властей в части польских

земель, показывающая огромные людские и материальные потери в годы оккупации и героическую борьбу польского народа за свое освобождение, является весьма ценным вкладом в историографию второй мировой войны.

И. Костюшко

А. А. УЛУНЯН. Болгарский народ и русско-турецкая война 1877—1878 гг. М., 1971, 205 стр.

В советской и болгарской историографии вопросу об участии болгар в русско-турецкой войне посвящена значительная литература. Однако главное внимание в ней уделялось формированию и боевой деятельности Болгарского ополчения или отдельным формам освободительной борьбы болгар в период войны 1877—1878 гг.

В монографии А. Улунына впервые глубоко и всесторонне исследуется участие болгарского народа в войне. В книге фактически две проблемы, органически связанные между собой и дополняющие друг друга. Это — национально-освободительное движение болгарского народа в период войны и освещение этого движения в русской прессе. Вторая проблема, которой в книге посвящена последняя, третья глава, почти не нашла отражения в исторической литературе. Монография написана на солидной источниковедческой базе. Автор широко использовал не только русскую периодическую печать времени войны, мемуары современников, сборники документов, но и новые документы из советских и болгарских архивов. Книга состоит из трех глав, введения и заключения. Во введении делается квалифицированный обзор источников и литературы, относящихся к исследуемой теме, а также характеризуются основные политические течения в болгарском освободительном движении накануне войны.

В первой главе автор обстоятельно исследовал деятельность русских офицеров Генерального штаба П. Д. Паренцова и Н. Д. Артамонова по организации в Болгарии агентурной разведки.

С русской армией болгары связывали все свои надежды на освобождение от турецкого ига. В книге приведена выдержка из инструкции П. Д. Паренцова тайным агентам в Болгарии, в которой подчеркивалось, что «агентами могут быть только болгары, так как Россия будет воевать для улучшения их участи...». «Агент, — говорилось далее в инструкции, — должен помнить и сообщать болгарам, что русские идут помочь болгарам, русские завоеваний не хотят, и если бы болгары не были притеснены турками, то русские не шли бы воевать» (стр. 33). Благодаря болгарским разведчикам рус-

ское командование еще до начала военных действий имело достоверные сведения о численности и дислокации турецких войск в Болгарии, а также о военных планах противника, что способствовало успешному форсированию русскими войсками Дуная.

О непосредственном участии болгарского народа в войне говорится во второй главе. Участие болгар в войне выразилось в сборе разведывательных данных, формировании вооруженных отрядов (чет), организации народной милиции, строительстве дорог и оборонительных сооружений, в уходе за ранеными и больными воинами, в снабжении русских войск продуктами питания и фуражом.

Разносторонняя вооруженная и материальная помощь болгарского населения русской армии рассматривается в книге неразрывно с боевыми действиями русских войск на всех участках Балканского фронта. Анализируя болгарскую помощь, А. Улунын вскрывает ее роль и значение для хода и результатов тех или иных сражений и войны в целом. Автор сумел убедительно показать, что национально-освободительное движение в Болгарии, вылившееся с приходом русских войск в вооруженное выступление, явились по своему социально-экономическому содержанию прямым продолжением национально-революционной борьбы болгар в предшествующие войне десятилетия, кульминационным пунктом которой было Апрельское восстание 1876 г. В болгарских исследованиях по этой теме несколько преувеличены субъективно-прогрессивные намерения царского правительства, которое якобы «имело в виду сочетать действия русских войск с революционным движением болгар»¹. Строго придерживаясь классового анализа при оценке характера войны и болгарского национально-освободительного движения, автор пришел к выводу, что царское правительство, боясь развертывания классовой борьбы болгарского народа, сдерживало под-

¹ Д. Б. Валев, Р. П. Гришина, С. А. Никитин. Обзор журнала «Исторически преглед». «Вопросы истории», 1963, № 3, стр. 193.

готовку болгар к широкому вооруженному выступлению (стр. 179). В то же время А. Улуян приводит многочисленные факты, свидетельствующие о том, что, вопреки действиям реакционных кругов, многие военные, хорошо знавшие трудные условия Балканского театра войны и настроения болгарского народа, содействовали активизации народного партизанского движения в Болгарии (стр. 55). Много сделали в этом направлении: начальник Болгарского ополчения генерал Н. Г. Столетов, чиновник особых поручений при главнокомандующем М. А. Хитрово, полковники Генерального штаба Г. И. Бобриков, Н. Д. Артамонов и др.

В монографии подробно освещается боевая деятельность самостоятельных партизанских отрядов, руководимых опытными болгарскими воеводами, показана их роль в успешном выполнении русскими войсками тех или иных боевых задач как стратегического, так и тактического порядка, особенно во время зимнего перехода русскими Балкан.

В последней главе автор анализирует отношение к болгарскому освободительному движению консервативной, либеральной и демократической печати, выясняет ее роль в ознакомлении русских читателей с историей Болгарии и вооруженной борьбой болгар в период русско-турецкой войны. обстоятельно исследован вопрос об отношении русской прессы различных политических направлений к «молодым» и «старым», т. е. к революционно-демократическому и буржуазно-либеральному течениям в болгарском национально-освободительном движении периода войны.

Как показывает А. Улуян, в русской консервативной и либеральной прессе мужественная борьба болгар за свою свободу и независимость рассматривалась через призму эгоистических классовых интересов, и только в демократической печати высказывалось искреннее сочувствие борьбе болгар. Передовые деятели русской интеллигенции в своих выступлениях в печати обращали внимание правительства на то, что только на почве полного равноправия и свободы

Россия сможет сблизиться с балканскими народами (стр. 149).

Рассматривая все формы освободительной борьбы болгарского народа в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг., автор основное внимание акцентирует на проблемах недостаточно или почти не затронутых в исторической литературе. Монография А. Улуяна, раскрывающая широкое участие болгар совместно с русскими войсками в освобождении Болгарии, полностью опровергает домыслы западноевропейских буржуазных историков о пассивности болгарского народа в войне 1877—1878 гг. Она убедительно показывает, что освобождение Болгарии от пятивекового турецкого рабства стало возможным благодаря победе русского оружия и активного участия в войне всего болгарского народа.

На наш взгляд, в книге следовало бы показать, что боевое братство русского и болгарского народов, ярко проявившееся в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., имеет глубокие традиции. В русско-турецких войнах конца XVIII и первой половины XIX в. болгары не раз сражались плечом к плечу с русскими войсками. В совместной борьбе против общего врага — султанской Турции складывались и развивались традиции дружбы и боевого содружества русского и болгарского народов.

Характеризуя военную деятельность генерала Н. Н. Обручева, автор упоминает о его стратегических планах ведения войны с Турцией. По нашему мнению, вопрос этот заслуживает особого рассмотрения, так как в этих планах политика и стратегия неразрывно связаны между собой и вопросы боевого сотрудничества России с балканскими странами занимают в них важное место. В этом отношении представляют большой интерес «Некоторые соображения, касающиеся войны с Турцией», составленные Н. Н. Обручевым еще в 1866 г.

Высказанные нами замечания не снижают научной ценности рецензируемой книги, пополнившей литературу о русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

В. И. Виноградов

«*Historia Śląska*», t. II, 1763—1850, cz. II, 1807—1850. Pod. red. S. Michalkiewicza. Wrocław — Warszawa — Kraków. 1970, 593 s.

«*История Силезии*», т. II, ч. 2

В рассматриваемой книге освещается история Силезии со времени реформ Штейна-Гарденберга до окончания буржуазной революции 1848—1849 гг. Во введении дается краткая характеристика историографии и источников, использованных при подготовке этого обобщаю-

щего труда, который в значительной части является новым оригинальным исследованием.

В разделах I (автор С. Михалькевич) и II (авторы С. Михалькевич, Ю. Демель и Т. Ладогурский) обстоятельно характеризуется политическая обстановка в Си-

лезии в связи с войнами 1806—1807 и 1813 гг.

При этом кажется, что изложение военных действий на территории Силезии в 1807 г. могло бы быть более тесно увязано с событиями, которые происходили в это время в Княжестве Варшавском.

Много внимания в книге уделяется антифеодальному крестьянскому движению, проведению аграрной реформы, условиям жизни крестьян (разделы II, V, VII, XV). Однако некоторые вопросы остаются еще недостаточно освещенными. В частности это относится к проблеме расслоения крестьянства в процессе проведения аграрной реформы. С социальной дифференциацией крестьян органически связано формирование промышленного пролетариата.

Большой интерес представляет раздел III (авторы Т. Ладогурский, Ю. Янчак), в котором содержатся данные о населении Силезии: численности городского и сельского населения, миграциях, национальном составе, распределении его по вероисповеданиям. Критически рассматриваются данные прусской статистики, приводятся интересные карты и таблицы.

В разделе IV (автор К. Ожеховский) рассматриваются вопросы правового положения различных сословий, административного устройства, судопроизводства, организации вооруженных сил и др.

Весьма содержательны и раздел IX о развитии силезских городов, написанный Демелем. Автор анализирует социальную структуру городского населения и дает характеристику коммунального хозяйства, социального обеспечения, здравоохранения и просвещения в городах Силезии.

В разделах VII и X, написанных С. Михалькевичем при участии Ю. Янчака и К. Ожеховского, освещаются экономическая политика прусского государства, развитие различных отраслей промышленности и ремесла, технический прогресс и промышленный переворот, источники рекрутации и структура промышленного пролетариата, положение рабочего класса. Кропотливая обработка статистических данных, интересные таблицы и диаграммы, логичность и четкость структуры являются характерными чертами этих разделов. В источниках, как правило, и мануфактуры и предприятия, на которых производственный процесс был уже механизирован или применялись более совершенные технологические методы, объединены в общую категорию «фабрик». Это требует особой тщательности и осторожности при анализе статистических данных. Автор успешно справился с задачей. Однако допущены некоторые неточности при характеристике стекольного производства. Предприятия по производству фарфора в одних случаях называются мануфакту-

рами, в других — фабриками. Если часть из них, по мнению автора, относилась к фабрикам, то здесь необходимо было бы упомянуть о техническом прогрессе в этой отрасли промышленности. То же самое относится и к характеристике бумажного производства, где также констатируется наличие фабрик. При анализе развития кирпичной промышленности только по среднему числу рабочих, занятых на одном предприятии (5,7 человек), делается вывод о том, что это было ремесленное производство.

С. Михалькевич отмечает, что основным источником наемной рабочей силы в первой половине XIX в. было крестьянство. Ликвидация личной зависимости создавала значительные резервы наемной рабочей силы для промышленности. Но характерной чертой этого периода было то, что все слои сельского населения сохраняли еще традиционную связь с землей. На наш взгляд, здесь следовало бы упомянуть о сезонном труде крестьян на промышленных предприятиях, что являлось первым шагом на пути постепенного их отрыва от земли.

Затяжной кризис в полотняном производстве вынуждал разоряющихся ткачей, как указывает автор, искать работу в других отраслях промышленности. В силу исторически сложившихся условий качеством льняного полотна занимались в основном сельские ремесленники, которые, как и другие категории деревенского населения, пополняли армию наемных рабочих. Но, по-видимому, так же обстояло дело и с городскими ремесленниками, представлявшими другой значительный источник рекрутации промышленного пролетариата, о котором не упоминается в рассматриваемой работе.

Имеющиеся данные позволяют осветить не затронутые автором вопросы: условия труда рабочих и состояние техники безопасности на предприятиях, а также проблему женского и детского труда. При оценке роли «Братского общества» следовало бы отметить, что эта организация являлась в руках господствующего класса орудием эксплуатации рабочих предпринимателями, так как привилегии, которые предоставлялись членам «Братского общества», требовали от работников беспрекословного подчинения чиновникам горного ведомства.

В работе отмечается, что рост интенсификации труда в горном деле и металлургии в начале XIX в. вызвал увеличение числа несчастных случаев на производстве. По мнению автора, изданные тогда горным ведомством более строгие предписания по соблюдению техники безопасности труда привели к желаемому результату, и вплоть до конца 40-х годов XIX в. число несчастных случаев на предприятиях непрерывно уменьшалось. Если это происходило, то, очевидно,

здесь сыграли роль и другие факторы, в частности падение промышленного производства в связи с «цинковым кризисом». Некоторые данные позволяют, однако, сделать вывод о том, что число несчастных случаев, в частности в горном деле, увеличилось уже в начале 40-х годов в связи с наметившимся промышленным подъемом.

Значительный интерес вызывают параграфы, посвященные началу рабочего движения в Силезии. Здесь рассматриваются как известное восстание ткачей 1844 г., так и другие выступления пролетариата, а также предпринята попытка осветить вопрос о возникновении первых организаций рабочего класса. Если восстание ткачей уже являлось предметом исследования как советской, так и польской историографии, то некоторые другие проблемы раннего этапа рабочего движения нашли отражение впервые. Источники в этой области немногочисленны. Этим обусловлена и относительная краткость указанного раздела книги. Некоторые неточности, допущенные при изложении хода восстания ткачей (стр. 344, где наблюдается путаница относительно главных очагов восстания Пешиц и Белявы),

не меняют общего положительного впечатления от этой части работы.

В специальном разделе (авторы С. Михалькевич, Т. Господарек, М. Урбанович и Ю. Хлебовчик) рассматривается широкий круг вопросов, связанных с развитием школьного дела и высшего образования, печати, литературы и искусства.

Заключительный раздел посвящен революции 1848—1849 гг. В нем показывается сложный конгломерат политических партий, направлений и группировок, их позиции, цели и отношение к революции, антифеодальное крестьянское движение, рост национального самосознания польского населения, его борьба за национальные права и подводятся итоги революции 1848—1849 гг.

Книга хорошо оформлена, снабжена многочисленными картами, таблицами, диаграммами и иллюстрациями. Привлечение широкого круга источников и исторической литературы, обстоятельность изложения, постановка важных проблем, недостаточно освещенных в историографии, позволяют высоко оценить этот обобщающий труд.

Е. Е. Станкевич

НОВЫЕ РАБОТЫ О Г. С. РАКОВСКОМ

В 1964 г. Институт истории Болгарской академии наук издал специальный сборник статей болгарских, советских и югославских историков, экономистов и литературоведов, в котором были подведены итоги большой исследовательской работы, посвященной всестороннему изучению мировоззрения, жизни и деятельности выдающегося болгарского революционера Георгия Стойкова Раковского¹.

Кроме того, в Болгарии в 60-х начале 70-х годов было издано несколько монографических исследований, статей и научно-популярных работ о Раковском. Задача предлагаемого историографического обзора выяснить, что нового внесли эти работы в исследование мировоззрения, жизни и деятельности выдающегося болгарского революционера.

Среди публикаций последних лет необходимо прежде всего назвать научно-популярные биографические очерки В. Васева, А. Цветкова и В. Трайкова². Авто-

ры, опираясь на последние достижения исторической науки по истории Болгарии середины XIX в., кратко рассказывают об основных этапах жизни и деятельности Раковского. Обширная биография Раковского, изданная М. Арнаудовым в 1969 г.³, представляет собой переиздание ранней биографии выдающегося болгарского революционера⁴ с некоторыми незначительными дополнениями и изменениями. Она состоит из двух неравных частей. Две первые главы (стр. 7—92) посвящены краткому изложению биографических данных о Раковском и не вносят ничего нового в историческую науку. В последующих четырех главах (стр. 93—375) М. Арнаудов подводит итог своим многочисленным специальным работам, посвященным изучению литературного, публицистического, историографи-

к о в. Георги Стойков Раковски (1821—1867). Биографичен очерк. София, 1971; В. Трайков. Георги С. Раковски. 1821—1867. По случаю столетней годовщины со дня смерти. София, 1967; е го же. Георги С. Раковски. 1821—1867. Биографичен очерк. София, 1971.

³ М. Арнаудов. Георги Стойков Раковски. Живот — дело — идеи. София, 1969.

⁴ М. Арнаудов. Г. С. Раковски. Живот — произведения — идеи. София, 1922.

¹ Георги Стойков Раковски. Взгледи, дейност и живот, т. I. София, 1964, 440 стр. (см. наши рецензии на этот сборник в: «Новые книги за рубежом по общественным наукам». М., 1964, № 10, стр. 71—72; «Новая и новейшая история», 1965, № 1, стр. 157—158).

² В. Васев. Георги Раковски (Биографичен очерк). София, 1961; А. Цв е т-

ческого, филологического, этнографического и фольклорного наследства Раковского⁵. В этих главах, как и в более ранних статьях, он фактически ограничивается пересказом содержания анализируемых им произведений и специальных работ Раковского, избегая малейших дискуссий с авторами других исследований, и не анализирует классовых позиций болгарского революционера. Это относится и к разделу, в котором рассматриваются исторические работы Раковского (стр. 125—140, 150—161 и др.). Эти главы не содержат ничего нового по сравнению со специальной статьей Хр. Христова⁶, в которой дан глубокий анализ исторических взглядов Раковского.

К работам биографического характера относится и очень интересная статья А. Бурмова о революционной деятельности Раковского в 1856 — первой половине 1857 г. В результате детального изучения источников и критического анализа всей литературы вопроса он наиболее полно раскрыл творческую лабораторию Раковского при написании «Горски пътник» и издании газеты «Българска дневница»⁷.

Наряду с работами биографического характера в эти годы было опубликовано несколько специальных исследований, посвященных изучению социально-экономических, политических и внешнеполитических взглядов Раковского. Наибольшее количество работ было посвящено выяснению характера внешнеполитических взглядов болгарского революционера.

Большой интерес представляет содержательная и хорошо аргументированная статья О. Маждраковой-Чавдаровой⁸, в которой впервые в исторической литературе всесторонне рассмотрен вопрос об отношении Раковского к революционным течениям национально-освободи-

тельного движения в Европе в начале 60-х годов XIX в. Основное внимание автора сосредоточено на анализе опубликованных на страницах газеты «Дунавски лебед» материалов о взаимосвязях итальянского, польского и венгерского революционного движения и об отношении революционеров этих стран к национально-освободительному движению южных славян вообще и болгарского народа в частности. В статье хорошо показано, что Раковский освещал все эти вопросы с революционных позиций, всегда поддерживая революционные и осуждая консервативные и монархические течения в освободительном движении Польши и Венгрии.

Всестороннему и глубокому исследованию связей Раковского с представителями народов Балканского полуострова посвящена большая монография В. Трайкова⁹. Основное достоинство рассматриваемой монографии заключается в том, что ее автор собрал огромный фактический материал из архивохранилищ всех балканских стран, СССР и большинства стран Европы. Им использованы все публикации сочинений, писем и других материалов Раковского и все документальные публикации, начиная с конца прошлого века, затрагивающие его деятельность. Им изучена и критически использована вся литература вопроса. Большой интерес для специалистов по истории Болгарии середины XIX в. представляют историографические и источниковедческие заметки (см. стр. 24—41, 150—183, 285—313, 384—401, 457—474), которые занимают около трети всей книги. Тщательно проанализировав источники и литературу, автор отметил допущенные в литературе ошибки и внес множество уточнений фактического характера. Это дало ему возможность с большой обстоятельностью и убедительностью изложить всю фактическую сторону контактов Раковского с деятелями южнославянских народов (стр. 43—183), Румынии (стр. 185—313) и Греции (стр. 315—401). Эти контакты рассмотрены комплексно, хронологически охватывая весь период его деятельности. В отдельных главах автор обстоятельно рассказывает о пребывании Раковского в той или другой стране, о его связях с виднейшими политическими деятелями, публицистами, издателями, поэтами, писателями, учеными и другими представителями каждой страны.

В этих главах автор осветил наиболее характерные стороны мировоззрения Ра-

⁵ А. Арнаудов. Раковски като фольклорист. Сборник в чест на проф. Л. Милетич. София, 1912, стр. 27—63; е го ж е. Раковски и Горски пътник. Сб. БАН, кн. IX. София, 1917, стр. 1—184; Б. Пенев, М. Арнаудов, А. П. Стоилов, Г. С. Раковски. По случай 50 годишница от смъртта му. София, 1917, стр. 141—222 и др.

⁶ Хр. Христов. Георги С. Раковски като историограф. В сб. «Георги Стойков Раковски...», т. 1, стр. 163—188.

⁷ А. Бурмов. Към революционната дейност на Г. С. Раковски през 1856—1857. «Известия на Българското историческо дружество», София, 1970, кн. XXVII, стр. 65—81.

⁸ О. Маждракова-Чавдарова. Национално-освободителното и революционното движение в Европа през погледа на Г. С. Раковски според «Дунавски лебед» (1860—1861). «Историческо преглед», 1970, № 3.

⁹ В. Трайков. Раковски и балканските народи. София, 1971; е го ж е. Г. С. Раковски и Гърция — 1842—1843. «Първи конгрес на Българското историческо дружество», т. I. София, 1972, стр. 527—532.

ковского, убедительно показав, что Раковский, будучи искренним сторонником идеи единства и тесного сотрудничества балканских народов, гневно осуждал монархические правительства и зараженные национализмом и шовинизмом буржуазно-помещичьи круги Греции и Сербии, которые мешали укреплению этого единства.

Значительно слабее глава о борьбе Раковского против турецкого господства (стр. 403—474). Значительная часть приведенного в ней фактического материала не выходит за рамки хорошо известных в литературе событий.

Следует отметить, что при определении автором основного содержания взглядов Раковского допущены противоречивые оценки. Так, во введении автор утверждает: «Для Раковского было ясно, что силы каждого балканского народа отдельно слабы для того, чтобы обеспечить свою свободу и независимость: личный опыт и изучение исторического прошлого убедили его в этой истине. Поэтому в единстве болгар, румын, сербов, греков и т. д. он видел при тогдашнем состоянии дел гарантию для достижения своей свободы ...» (стр. 15). Близким по содержанию является и утверждение автора в заключении: «... Раковский рано пришел к пониманию необходимости общих действий против власти султана: только объединив свои усилия, поработенные балканские народы могут справиться с силами империи» (стр. 477).

А далее он указывает: «Сторонник идеи союза между балканскими народами, Раковский одновременно оставался безгранично преданным своей родине. Во всех своих планах, во всей своей деятельности пламенный патриот стремился защищать интересы болгарского народа. Когда другие страны строили планы, касавшиеся болгар, он замечал: „Никто не имеет права распоряжаться будущей судьбой болгарского народа, кроме его самого. Каждый народ имеет право сам определять свою судьбу. Союз балканских народов был возможен и его следовало создавать только на принципе взаимного уважения прав, на базе свободы, а не подчиненности“» (стр. 19). В другом месте автор пишет: «Разочаровавшись в возможности получить содействие извне, поняв, что не может надеяться ни на какую помощь правительств балканских стран, Раковский видел, что болгары могут рассчитывать только на свои собственные силы. В последние годы своей жизни он сосредоточил все свое внимание на организации болгарских чет, цель которых была в том, чтобы переправиться в Болгарию с оружием и бороться против угнетателей» (стр. 281). И в дальнейшем (стр. 423—425 и др.) В Трайков неоднократно подчеркивает, что решающую роль в освобождении Болгарии Раковский отводил самому болгарскому народу.

В статье академика Д. Косева¹⁰ подведен итог исследованиям внешнеполитических взглядов Раковского в исторической науке. В ней убедительно показана тесная взаимосвязь внешнеполитических взглядов Раковского со всем его мировоззрением и выработанной им программой освобождения болгарского народа. Д. Косев впервые в исторической литературе сформулировал основополагающие принципы, из которых исходил Раковский при определении своих внешнеполитических взглядов: решающая роль народных масс в освобождении Болгарии от турецкого ига; реакционность и эгоистичность западноевропейских правительств в отношении национально-освободительного движения славянских народов; необходимость использования противоречий, существовавших между великими державами в отношении Турции и Балкан в интересах освободительной борьбы болгарского народа (стр. 31—35) и необходимость защиты прав каждого народа на самостоятельное политическое развитие (стр. 40). Много внимания уделено в статье взглядам Раковского на Восточный вопрос (стр. 36—44), о взаимоотношении болгарского освободительного движения с Сербией (стр. 45—48) и Россией (стр. 49—53).

Журналистская, публицистическая и издательская деятельность Раковского наиболее полно и всесторонне исследована Г. Боршукowym¹¹. В его статьях детально прослежена история возникновения издаваемых Раковским газет «Българска дневница», «Дунавски лебед», «Бъдущност» и «Бранител», подробно изложено содержание публиковавшихся на их страницах материалов, правильно определен новаторский характер его революционной журналистики.

Исследованию социально-экономических взглядов Раковского посвящены специальные работы К. Горова¹², кото-

¹⁰ Д. Косев. Г. С. Раковски за външната политика на българското национално-освободително движение. «Исторически преглед», 1971, № 4; его же Г. С. Раковски за външната политика на чуждестранните държави и на българското национално-освободително движение. Сп. на БАН. София, 1971, кн. 3—4.

¹¹ Б о р ш у к о в. Журналистиката на Г. С. Раковски, 1. От най-ранните прояви на Раковски като публицист и журналист до края на в. «Българска дневница». Годишник на Софийския университет — филологически факултет», т. VII, 1. София, 1963, стр. 199—340; его же. Новото и особеното в журналистиката на Г. С. Раковски. «Георги Стойков Раковски ...», т. I, стр. 79—109.

¹² К. Г о р о в. Икономическите възгледи на Г. С. Раковски. София, 1962; его же. Г. С. Раковски — родоначалник революционно-демократического на-

рый добросовестно собрал все высказывания болгарского революционера по вопросам экономического развития Османской империи и Болгарии. Он детально рассмотрел его взгляды на все важнейшие стороны экономического развития Болгарии. Особенно большое внимание уделяет автор изучению позиции Раковского в отношении чорбаджийства. Однако и в книге и в статье нет необходимых обобщений и недостаточно четко определено место этих взглядов в общей программе национально-освободительного движения болгарского народа, сформулированной Раковским.

Значительным шагом вперед в исследовании этого вопроса является посвященная Раковскому глава монографии академика Ж. Натана по истории развития экономической мысли в Болгарии и его же статья, опубликованная в специальном сборнике¹³. В них экономические взгляды Раковского рассматриваются как неразрывная, составная часть его мировоззрения и всей революционной программы освобождения болгарского народа, выдвинутой им.

В рассмотренных в данном историографическом обзоре работах вопрос о характере мировоззрения Раковского в целом специально не исследуется. Авторы этих работ исходят из установившейся в болгарской исторической науке оценки идеологии Раковского, наиболее четко сформулированной в известной статье академика Д. Косева. «Революционно-демократическая идеология Раковского, — пишет он, — не является такой же ясной и завершенной, как идеология Левского и Ботева. Но при всем этом родоначальник организованного национально-революционно-го движения в Болгарии, несмотря на все его ошибки, является истинным революционным демократом»¹⁴.

Ж. Натан отмечает некоторую противоречивость в экономических взглядах Раковского и приходит к следующему выводу: «Экономические взгляды Г. С. Раковского не были до конца последовательными революционно-демократическими взглядами. Раковский в известном смысле был противоречив и раздвоен. В некоторых своих высказываниях об экономическом развитии болгарских земель он был выразителем интересов вновь зарождавшегося у нас буржуазного класса. В других своих высказываниях он был

выразителем интересов народных низов. Эта раздвоенность и противоречивость объяснялась начальным периодом появления революционно-демократической идеологии, которая нашла наивысшее свое развитие во взглядах великого революционного демократа и социалиста-утописта Христо Ботева»¹⁵.

Ж. Натан одним из первых в болгарской исторической науке дал четкую характеристику программы Раковского по аграрному вопросу, определив ее как антифеодалную.

До самого последнего времени не было специальных исследований аграрной программы болгарских революционеров середины XIX в. В 1971 г. была опубликована большая статья советского историка В. Д. Конобеева, в которой впервые в исторической науке была подвергнута всестороннему анализу аграрная программа Раковского и показан ее последовательный антифеодалный характер¹⁶. Выводы этой статьи дают возможность значительно углубить общую характеристику социально-экономических взглядов выдающегося болгарского революционера.

Общая оценка места Г. С. Раковского в национально-освободительном движении болгарского народа дана в статье Хр. Христова¹⁷, опирающегося в ней на основные выводы авторов исследований, опубликованных в сборнике 1964 г. Наиболее четко его точка зрения по этому вопросу сформулирована в докладе «Идейные течения и программа болгарского национально-освободительного движения», зачитанном на первом съезде Болгарского исторического общества. «Создателем национально-революционной идеологии, — пишет он, — был Г. С. Раковский. Он впервые обосновал необходимость ведения непримиримой вооруженной борьбы против иноземных угнетателей и эксплуататоров и выработал целостную национально-революционную программу. Раковский первый поднялся до уровня болгарского революционера общенационального масштаба, идеолога, организатора и руководителя народной освободительной борьбы 50—60-х годов XIX в.

В конце 60-х и в 70-е годы революционный демократизм Раковского был поднят на более высокий уровень идеологией и практической революционной деятельностью Васила Левского, Любена Караве-

правление в болгарската икономическа мисъл. «Икономическа мисъл», 1971, № 5.

¹³ Ж. Натан. История на икономическата мисъл в България. София, 1964, стр. 11—27; его же. Г. С. Раковски за икономическото развитие на България. «Георги Стойков Раковски...», т. I, стр. 41—58.

¹⁴ Д. Косев. Идеологията на Г. С. Раковски. «Георги Стойков Раковски...», т. I, стр. 40.

¹⁵ Ж. Натан. История на икономическата мисъл..., стр. 22; его же. Г. С. Раковски за икономическото развитие..., стр. 58.

¹⁶ В. Д. Конобеев. За аграрната програма на българските революционери през 60—70 години на XIX в. «Исторически преглед», 1971, № 3.

¹⁷ Хр. Христова. Георги Раковски и българската национална революция. «Исторически преглед», 1968, № 1.

лова, Христо Ботева и других болгарских революционеров»¹⁸.

Подведем итоги. В предшествующих исследованиях, включая вышеуказанный сборник, недостаточно полно освещались внешнеполитические взгляды Раковского. Видимо, этим следует объяснить то обстоятельство, что в последние

годы больше всего работ было опубликовано по этой проблематике. Из них особо следует отметить монографическое исследование В. Трайкова и обобщающую статью Д. Косева. Значительные уточнения в вопрос об определении характера социально-экономических взглядов Раковского и его места в национально-освободительном движении болгарского народа внесли статьи Ж. Натана, Хр. Христова и В. Д. Конобева.

С. Сидельников

ЖУРНАЛ ПОЛЬСКИХ СЛАВИСТОВ

Вот уже более двадцати лет выходит в Польше научный журнал «Slavia Orientalis», посвященный проблемам языков и литературы восточнославянских народов.

Журнал был основан в 1951 г. и первоначально назывался «Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego». В 50-е годы вокруг него группировались первые кадры исследователей русской классической и советской литературы. В настоящее время журнал издается Комитетом славяноведения Польской академии наук.

После некоторых изменений в составе редколлегии в 1970 г., а затем в 1972 г. журнал в настоящее время возглавляет редакционный комитет, в состав которого входят известные польские слависты: проф. З. Бараньский, доц. Б. Бялокозович, проф. Р. Лужны (зам. редактора), проф. А. Обрембская-Яблоньская (редактор), проф. З. Штибер, проф. М. Якубец, проф. В. Якубовский. Большую организационную работу вот уже много лет ведет ответственный секретарь редколлегии доктор филологии С. Козак.

Большое место занимают в журнале вопросы истории русской литературы. Как правило, это те проблемы, которые еще недостаточно изучены в литературоведении. В этом отношении представляют интерес статьи В. Скрунды о русских литературных альманахах 1794—1852 гг. (1970, № 1, 2), Л. Суханека об истоках русской романтической баллады (1972, № 1) и балладах П. А. Катенина (1970, № 1), Б. Гальстера о «идейном переломе» Гоголя (1970, № 3), Г. Конечной о Владимире Соловьеве как литературном критике (1971, № 3) и др.

Много нового в изучение наследия А. И. Герцена и особенно связей с Польшей внесли материалы первого номера журнала за 1971 г., посвященные столетию со дня рождения русского писателя и революционного деятеля (см. статьи Л. Базылева, В. Сливовской, Р. Лужного, Б. Гальстера, Б. Бялокозовича, С. Козака, Ф. Селищко).

Интересные в научном отношении работы помещены в номере журнала, посвя-

щенном Достоевскому (1972, № 3.) Г. Бжоза в статье «Противоречивое видение Федора Достоевского», Г. Халасиньская-Вертеляк в работе «Вокруг спора о князе Мышкине», венгерский русист Д. Кирай, пишущий об архитектонике романа Достоевского «Двойник», А. Семчук в исследовании «Достоевский и Тургенев», Л. Язукевич-Оселковская, сопоставляющая произведения Достоевского с философскими очерками Камю, Т. Позняк, исследующий традиции Достоевского в советской литературе 20-х годов, широко используя новейшие советские и зарубежные работы о творчестве русского писателя, несомненно обогатили науку о Достоевском новыми наблюдениями и выводами.

По проблемам советской литературы за последние два года были опубликованы работы Е. Фарыно — «Избранные вопросы поэтики Бориса Пастернака» (1970, № 3), Е. Годвода — «Источники театра Евгения Шварца» (1970, № 3), С. Порембы — «Формы повествования в ранней прозе Лидии Сейфуллиной» (1972, № 2). Представляется, однако, что советская литература могла бы быть представлена более широко и многообразно.

В номере «Slavii Orientalis», посвященном 100-летию со дня рождения В. И. Ленина (1970, № 4), помещены статьи советского литературоведа В. Кускова «Ленинская концепция народничества и проблема народа в русской литературе второй половины XIX века», польского слависта Т. Шишко «Ленин и Салтыков-Щедрин». Две статьи польских исследователей посвящены проблеме создания образа В. И. Ленина в русской советской поэзии (работа З. Бараньского и Г. Бжозы) и в украинской поэзии 60-х годов (работа Фл. Неуважного).

Богато представлена в журнале проблематика украинской литературы. Специальный номер (1970, № 2) был посвящен творчеству И. Котляревского в связи с двухсотлетием со дня его рождения. Здесь помещены статьи польских славистов М. Якубца, П. Зволинского, Ф. Неуваж-

ного, С. Козака, М. Юрковского, М. Лэсува, В. Витковского, также известного украинского ученого Е. Кирилюка.

Столетию со дня рождения Леси Украинки также был посвящен отдельный номер «*Slavii Orientalis*». Его составили статьи С. Козака («Леся Украинка на фоне эпохи»), М. Якубца («Леся Украинка и польская романтическая литература»), Ф. Неуважного («Прометеизм Леси Украинки»), З. Бараньского («Из наблюдений над поэтикой Леси Украинки»), М. Юрковского («Замечания о языке Леси Украинки»).

Заслуживает упоминания и статья польской украинистки З. Вишневской о стиле повести М. Коцюбинского «*Fata Morgana*» (1971, № 2).

Однако наиболее характерны для рецензируемого журнала статьи, посвященные связи польской литературы с русской, украинской и белорусской. Можно сказать, что именно они определяют лицо журнала, именно работы о взаимосвязях польской и восточнославянских литератур вносят больше всего нового в науку о литературе.

Опубликованные в журнале работы убедительно показывают взаимные контакты между польской и русской литературами, начиная с далекой древности (статья П. Левин — 1972, № 1) и XVII в. (статья Э. Малэк — 1971, № 3 и Б. Вальчак — 1972, № 1) и кончая советским периодом (статья Н. Ковальской — 1971, № 2 и Т. Коломак — 1972, № 1).

Новые важные для изучения взаимосвязей наших литератур материалы приводятся в работе советского исследователя А. Каупуж о первом польском переводе «Дум» Рыльева (1970, № 3), в двух статьях Я. Орловского о рецензии Некрасова в Польше (1970, № 3; 1972, № 2), в работе Ф. Селицкого о популярности Гоголя в Польше (1970, № 1).

Е. Парви и Р. Сливовский опубликовали неизвестные ранее письма Герцена и Огарева к польским эмигрантам Э. Желиговскому, Л. Гадону и Б. Залескому. Из опубликованных А. Ковальчиковой писем М. Домбровской (1972, № 2) видно, с каким вниманием и даже скрупулезностью эта большая польская писательница переводила рассказы Чехова. Ф. Селицкий в своей статье о Достоевском в межвоенной польской литературе (1972, № 3) пишет об отзывах творчества русского писателя в произведениях А. Струга, З. Налковской, Е. Анджеевского, Я. Ивашевича, Ю. Каден-Бандровского и других польских писателей.

Польская литература также всегда привлекала внимание русской общественности, русского читателя, и этот аспект проблемы взаимосвязей нашел отражение на страницах «*Slavii Orientalis*». З. Даехидрук пишет о польской литературе на страницах журнала «Московский телеграф» и об интересе Н. А. Полевого

к польской драме (1971, № 2; 1972, № 2), А. Янковский — о переводах из Мицкевича, сделанных известным писателем Ан. Виноградовым (1972, № 2), З. Бараньский о большой популярности в России творчества В. Реймонта (1971, № 3).

О польско-украинских литературных связях пишет М. Якубец, исследовавший в этом плане творчество Котляревского и Лесю Украинки (1970, № 2; 1971, № 4).

Польско-белорусские связи нашли отражение в статьях «Белорусский фольклор в творчестве Элизы Ожешко» В. Монаха (1971, № 3) и «Элементы белорусского языка в произведениях Э. Ожешко» Е. Комаровского (1971, № 4).

Большое место занимают в журнале обзоры и рецензии. «*Slavia Orientalis*» стремится откликнуться на важнейшие публикации в области восточнославянской филологии, появившиеся как в Польше и Советском Союзе, так и в других славянских странах. Следует заметить, что внимание рецензентов привлекают прежде всего работы советских авторов¹. Рецензируются и наиболее интересные исследования американских и западноевропейских ученых, посвященные восточнославянской филологии. См., например, рецензию на структуральное описание морфологии белорусского языка в работе американского ученого Ч. Бидвелла².

И в рубрике «Обзоры и рецензии» журнал особенно внимателен к работам, посвященным взаимосвязям литератур. Так, заслуживают упоминания обзор новых исследований, посвященных проблемам взаимных польско-русских отношений, где обстоятельно рецензируются советский и польский сборники, посвященные этой проблематике³ (1971, № 4; авторы обзора — Я. Дембский, Б. Муха, Б. Лазарчик), содержательная рецензия С. Гольдгарта на книгу американского слависта Д. Фангера⁴, где дается сравнительный анализ творчества Достоевского, Бальзака, Диккенса и Гоголя (1970, № 2).

¹ Заслуги «*Slavii Orientalis*» в популяризации достижений советской науки и культуры отметила газета «Трибуна Люду» в заметке, посвященной двадцатилетию журнала («*Trybuna Ludu*», 1971, № 311).

² E. Bidwell. *Outline of Belorussian Morphology*. Pittsburg, 1967.

³ «O wzajemnych powiazaniach literackich polsko-rosyjskich». Wroclaw — Warszawa — Kraków, 1969; «Польско-русские литературные связи». М., «Наука», 1970.

⁴ D. Fanger. *Dostoevsky and Romantic Realism. A study of Dostoevsky in Relation to Balzac, Dickens and Gogol*. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts, 1967.

Статей о языковедческих проблемах журнал печатает сравнительно немного. Опубликованные за последние годы статьи о проблемах сложного синтаксического целого в русском языке (1970, № 4), о диалектах белорусского языка (1970, № 1), о фонетических различиях в греческих заимствованиях в польском и русском языках (1971, № 2) и другие представляют несомненный интерес для специалистов по восточнославянскому языкознанию.

В одном из последних номеров (1972, № 2) помещена ценная библиография послевоенных польских работ, посвященных русскому языку (1945—1970), подготовленная и прокомментированная В. Витковским. Эта обширная библиография свидетельствует о значительных достижениях польских русистов-языковедов, особенно в последние годы.

О серьезной научной работе польских языковедов в области украинского языка свидетельствует опубликованная в журнале библиография польских работ 1964—1971 гг., подготовленная М. Юрковским (1972, № 4).

В журнале постоянно публикуются обзоры славистических журналов, выходящих в разных странах. Так, за последние два года в «Slavii Orientalis» можно найти обзоры советских журналов «Вопросы языкознания», «Советская литература», «Вещі Академіі навук Бела-

рускай ССР. Серыя грамадскіх навук», «Мовознавство» и др., чешского журнала «Slavia», словацкого «Slavica Slovaca», австрийского «Wiener Slavistisches Jahrbuch» и др.

Богатая информация о важнейших событиях в области восточнославянской филологии в Польше и других странах дается в рубрике «Сообщения».

Во вступительной заметке «От редакции», опубликованной в связи с 20-летием «Slavii Orientalis», отметив, что история журнала отражала процесс роста и усиления польской русистики, украинистики и белорусистики, редколлегия журнала выразила большие надежды на молодые кадры польских славистов: «„Slavia Orientalis“ может и должна стать местом научной конфронтации трех активных в настоящее время в науке поколений исследователей, и особенно форумом для удачных дебютов представителей того поколения работников науки в области славистики, которое уже в ближайшем будущем будет определять научное лицо и методологический уровень этой дисциплины» (1972, № 1, стр. 2).

Журнал «Slavia Orientalis» за двадцать лет своего существования завоевал большой авторитет в кругах польских и зарубежных славистов.

Е. З. Цыбенко, В. И. Хитаршвили

СВОД ПОЛЬСКИХ ПОСЛОВИЦ

Вышли в свет два первых тома фундаментального научного сборника польских пословиц¹ (все издание рассчитано на четыре больших тома). Над составлением свода пословиц работал большой коллектив под руководством проф. Ю. Кшижановского. Прделана исключительно трудоемкая и сложная работа по отбору текстов, уточнению и разысканию источников. Для работы над новой книгой пословиц была создана специальная паремнологическая лаборатория при Институте литературных исследований Польской академии наук, организована группа составителей в количестве 16 человек, привлечено много любителей этого жанра устного народного творчества, в ней принимали участие читатели, местные корреспонденты. Некоторые составители занимались выборкой пословиц из произведений польских писателей, разыскива-

ли рукописные и архивные материалы. В сборнике имеются подробные указания на такого рода источники.

Одним из трудных вопросов при издании любого сборника пословиц является их классификация и расположение в книге. Расположение собранного материала в алфавитном порядке (по начальной букве первого слова пословицы или поговорки), имеющее свою давнюю традицию в фольклористике, размещение пословиц по месту их записи и времени собиранья, тематическая классификация материала, к которой фольклористы прибегают и по сей день,— все эти способы составления безупречны, каждый из них по-своему уязвим. На наш взгляд, способ расположения в новой книге польских пословиц под редакцией Ю. Кшижановского найден весьма удачно, хотя он также имеет некоторые недостатки. Здесь пословицы и поговорки располагаются по гнездам, по расположенным в алфавитном порядке ведущим опорным словам, которые одновременно являются и темами. Этот способ удобен тем, что часто он позволяет легко и быстро найти

¹ «Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowowych polskich pod redakcją Juliana Krzyżanowskiego». Warszawa, t. 1, 1969; t. 2, 1970.

в сборнике нужную поговорку. Недостаток же его состоит в том, что поговорки, имеющие кроме прямого смысла еще иносказательный, иногда заключающий в себе главную мысль, не так-то легко бы- вают соотносены с определенным ведущим словом. Например, под словом *Baran* напечатана поговорка «Jeden o baranie, a dżuzi o dzbanie» (т. 1, стр. 59). По смыслу эта поговорка выражает непонимание друг друга, один говорит одно, а другой подразумевает совершенно иное. Со словом *Baran* эта поговорка может быть соотносена только по лексическому составу, но не смысловому.

В двух томах рецензируемого издания имеется около пяти тысяч ведущих слов- гнезд, под которыми приведены поговорки и поговорки, и свыше тридцати тысяч поговорок, поговорок и крылатых народных выражений. Ко многим из них даны еще варианты, количество которых в несколько раз превышает количество ведущих поговорок.

Одним из главных источников, к которым обратились составители новой книги польских поговорок, был сборник С. Адальберга². Оттуда в основном заимствован и принцип расположения поговорок. Но составители проделали большую работу по улучшению этого способа расположения, более внимательно отнеслись к подбору текстов и распределению их по гнездам. Без такого рода усовершенствований было бы, пожалуй, немислимо осуществление столь обширного труда, значительно превышающего по объему материалы Адальберга. С другой стороны, далеко не все поговорки, опубликованные в сборнике Адальберга, вошли в новую книгу, что объясняется строгой критичностью отбора, исключающего сомнительные, так или иначе искаженные тексты, от которых не был свободен старый сборник.

Количество поговорок под ведущими словами разное. Это зависит от распространенности поговорок в народе и наличия литературных источников. Под некоторыми словами есть только одна поговорка, или две-три. Есть много слов, под которыми содержится десять—тридцать поговорок, реже встречаются слова, под которыми приведено свыше двухсот поговорок. Так, например, под словом *Bok* напечатано 35 поговорок, под словом *Chleb*—215. Есть и такие слова, под которыми дано свыше 500 поговорок и поговорок.

Большую работу составители проделали по разысканию источников, которые были не замечены Адальбергом и пропущены, а также по разысканию источников, появившихся после выхода в свет его труда в 1894 г. Составители привлекли не

только изданный материал, но и архивный. Они разыскали много рукописных сборников, использовали записи любителей поговорок, которые годами хранились в архивах или у самих любителей этого жанра устного народного творчества. Найденный архивный материал значительно пополнил тома новой книги.

Очень важную и кропотливую работу составители проделали по расположению поговорок в гнездах. Труд Адальберга в этом отношении был несовершенен. Многие поговорки он располагал в гнездах по случайным признакам. Составители новой книги произвели тщательную сверку и добились более правильного их распределения. Они расположили материал в гнездах так, что из него видно, где впервые появилась поговорка, в какой редакции, как она потом развивалась, изменялась, шлифовалась, оттачивалась, приводятся ее последующие варианты с указанием даты и источников. Ценные сведения о поговороках содержатся в примечаниях и пояснениях, сопровождающих собранный материал. В частности, интересны отсылки к произведениям польских писателей, послужившим источниками текста ряда поговорок. Особенно ценны эти указания для тех специалистов, которые занимаются проблемами связей литературы и фольклора.

Большой научный интерес представляет вступительная статья проф. Ю. Кшижановского, опубликованная в первом томе. Она называется «История польской поговорок на протяжении пяти веков». Ее достоинство состоит в том, что она написана просто, доступно, совмещает в себе научность и популярность. В статье дано определение поговорок как жанра, охарактеризована поэтика народных изречений, их образность, аллегоричность, дидактичность, освещены вопросы их изменчивости, распространения. Автор остановился на происхождении поговорок и поговорок, их истории и развитии в XVII в., в эпоху просвещения и эпоху романтизма, во времена Адальберга, уделено внимание и современному периоду.

Анализируя поговорки сборника, проф. Ю. Кшижановский убедительно показывает сложность развития этого жанра на протяжении многих веков. Статья основана на конкретных примерах, написана убедительно и аргументированно. Свои выводы и суждения автор построил на богатом фактическом материале.

Автор статьи с сомнением относится к существованию жанра поговорки. В русском фольклоре этот жанр есть и ему дано определение, установлено отличие поговорок от поговорок. В польской фольклористике данный вопрос еще окончательно не решен. Не всегда удается провести достаточно четкую границу между этими жанрами в польском фольклоре.

² S. A d a l b e r g. Księga przysłów polskich. Warszawa, 1888—1894.

Общественная и филологическая ценность рецензируемого издания велика. Это не подлежит никакому сомнению. Книга не только полезна для специалистов в области фольклористики и литературоведения, но представляет интерес и для широкого круга читателей. Она принесет практическую пользу этнографам, историкам. Ею могут воспользоваться все, кто интересуется польской народной культурой, преподаватели вузов, учителя, работники печати, писатели. Новая

книга польских пословиц может служить в ряде отношений образцом для издания свода пословиц в других странах. Она представляет интерес не только для поляков. В московском книжном магазине «Дружба» оба тома были разобраны в самое короткое время. Это свидетельствует о том большом интересе, который проявили к данной книге советские читатели.

А. Жигулев

ВТОРОЙ ТОМ «ИСТОРИИ ЧЕШСКОГО ТЕАТРА»

Крупным событием в чешском театроведении явился выход из печати двух первых томов «Истории чешского театра», подготовленной Кабинетом чешского театра при Институте чешской литературы ЧСАН. В ближайшие годы должны появиться еще четыре тома, охватывающие историю театра на протяжении ста лет — с середины XIX до середины XX в., а затем последний, седьмой том, посвященный современному чешскому театру.

Мы остановимся на втором томе¹ (третий сдан в набор в июне 1972 г.), посвященном эпохе национального Возрождения. Этот том отличается от первого уже тем, что охватывает период, исчисляемый не веками (первый том анализировал развитие чешской театральной культуры от ее первых шагов до конца XVIII в., т. е. почти за десять веков), а десятилетиями: от 1785 г., начиная с первых регулярных спектаклей на чешском языке в пражских театрах, до 1848 г., когда в основных чертах было завершено формирование национальной чешской культуры. Это, естественно, позволяет авторам более пристально рассмотреть конкретные особенности театральной жизни Чехии этого времени, чему способствует и сам материал, более близкий и лучше известный науке.

Примерно те же самые хронологические рамки используются чешскими историками и литературоведами, изучающими эпоху национального Возрождения. В области же театральной культуры это время становления профессионального

чешского театра, национальной драматургии, больших изменений в области сценического искусства и вообще всей театральной жизни (постепенное отмирание замковых и аристократических сцен, школьного театра, оттеснение ивоязычных бродячих трупп в пограничные районы страны, бурное развитие любительского театрального движения). Без всего этого невозможно представить себе рождение самостоятельного чешского национального театра.

У авторов книги были предшественники. История театра, традиционно игравшего большую роль на протяжении всего развития чешской художественной культуры, привлекала внимание многих исследователей. Начиная с Й. К. Тыла, собиравшего материал для написания «будущей истории театра нашего» (1841), многие ученые внесли свой вклад в разработку этой проблемы. Не претендуя на создание исчерпывающей картины истории чешского театра, они, тем не менее, проделали большую работу в области изучения национальной театральной культуры.

Что касается частных проблем истории чешского театра эпохи Возрождения, здесь также можно назвать целый ряд работ², значительная часть которых при-

¹ «Dějiny českého divadla», sv. 2. Praha, 1969. Главный редактор издания Франтишек Черны, редактор тома В. Прохазка, иллюстративной части — Э. Турновский. Авторы: М. Качер (глава I), В. Прохазка (глава II), Ф. Черны (глава III), Й. Плавец, А. Шерл (опера), Б. Бродска (балет и пантомима), Я. Бартош (кукольный театр), Б. Срба (Кастанский театр). Именной указатель и список пьес составлен М. Лайске. Научный редактор тома — чл.-корр. ЧСАН Й. Грабак.

² Список чешской драматической литературы эпохи Возрождения мы находим еще у Юнгманна («Historie literatury české», Praha, 1849) и Я. Кашки («Divadelní ochotník», 1845). Проблематикой чешской драматургии этого времени занимался Я. Махал («Dějiny českého dramata», 1917). Последние работы о чешской драме Возрождения принадлежат В. Штепачку («Půčátky velkého národního dramatu v obrozenecké literatuře», 1959). Музыкальный театр этого времени полнее всего представлен в книгах Й. Плавца («František Skroup», 1941) и З. Неелы («Bedřich Smetana», II, IV, 1950—1951). Историю кукольного театра посвящены работы Я. Бартоша («Loutkářská kronika», 1963, «Loutkářské hry českého obrození», 1952 и др.). Ис-

надлежит перу авторов рецензируемого издания.

Второй том «Истории чешского театра» состоит из трех глав. Первая глава посвящена истории театра на начальном этапе его развития (1785—1812). В ней рассматриваются предпосылки возникновения чешской буржуазной театральной культуры, развитие чешского театра в период просветительских реформ, его упадок в годы реакции, наступившей после французской революции и во время наполеоновских войн.

Автор убедительно доказывает, что на этом этапе национального развития именно театральное искусство имело наилучшие предпосылки для того, чтобы вести борьбу за новую культуру: во-первых, ввиду своей притягательности и доступности для широких слоев тогдашней зачастую неграмотной публики и, во-вторых, из-за своей способности собирать большой коллектив и оказывать на него определенное воздействие, т. е. концентрировать общественную жизнь нового нарождающегося класса. Поэтому, пишет автор, на рубеже столетий буржуазная культура быстрее и яснее всего формировалась в области театра (стр. 11).

Поскольку на начальном этапе чешский театр развивался в тесной связи с немецкой театральной культурой, а во многих отношениях и в прямой зависимости от нее, автор характеризует особенность формирования немецкой буржуазной театральной культуры. При этом справедливо подчеркивается, что общественная роль чешского и немецкого театров была различна; это соответствовало различному положению чешской и немецкой народностей в габсбургской монархии конца XVIII в. Несомненный интерес представляет раздел главы, посвященный характеристике немецкой и чешской культурной жизни городов Чехии в конце XVIII в., — как ввиду важности этого вопроса для понимания специфики формирования национальной художественной культуры Чехии, так и потому, что данная проблема до сих пор почти не получила освещения в трудах исследователей.

Говоря о богатой политической и культурной традиции чешских городов, о

тория любительского театра частично отражена в книгах Й. Кн а п а («Zöllnerové», 1958; «Umělcové na pouťi», 1961). О проблеме актерского мастерства писал В. П р о х а з к а («Od improvizace k Tylově». — «Listy z dějin českého divadla», II, 1954). Кроме того, за последние годы были изданы монографии, посвященные ведущим деятелям чешского национального театра эпохи Возрождения: М. К а с е р. Václav Thám. Praha, 1965; М. О т р у б а, М. К а с е р. Tvůrčí cesta J. K. Tyla. Praha, 1961; V. J u s t l. V. Kl. Klicpera. Praha, 1960.

развитии в них в это время (80-е годы XVIII в.) интенсивной общественно-культурной деятельности, автор, к сожалению, не уделяет достаточного внимания тем общественно-социальным слоям, которые по существу определяли основные направления в развитии культуры эпохи национального Возрождения на его начальном этапе. Здесь следовало бы особо подчеркнуть роль национальной интеллигенции как новой общественной силы, много способствовавшей становлению чешской национальной театральной культуры.

Не совсем удачно, на наш взгляд, распределен в первой главе материал, касающийся актерской школы, сценической техники и декораций. В нескольких разделах главы он дается отдельно, небольшими частями. Собранный воедино хотя бы в пределах одной главы, он, безусловно, составил бы более полную и наглядную картину развития этих видов театральной культуры. Об этом, собственно, говорит автор второй главы рецензируемого тома: «Если при анализе драматургии и драмы мы имели возможность проводить периодизацию внутри нашей главы, то, говоря об оформлении сцены и декорациях, такие попытки не увенчались бы успехом. Периоды, в которые сцена подвергается коренным изменениям, определяются столетиями, но не десятилетиями» (стр. 166).

Выводы в конце первой главы свидетельствуют о той большой роли, которую, как справедливо указывает автор, играл период конца XVIII — первого десятилетия XIX в. в развитии чешской национальной театральной культуры: за эти годы была создана первая профессиональная чешская сцена («Боуда»), заложены и художественные основы театра, характерные для всей эпохи национального Возрождения.

Вторая глава анализирует чешский театр в период наполеоновских войн и в годы усугубления феодальной реакции (1812—1834). Автор сразу же подчеркивает специфику этого периода развития театра, его отличие от театра на рубеже столетий. Он видит ее, во-первых, в том, что любительский театр в это время переходит на новую ступень — он приобретает более отчетливый национальный характер; во-вторых — в усилении общеславянского самосознания чешского народа, одной из причин которого явилось непосредственное знакомство чехов с русскими. Это нашло свое прямое отражение и в театральной жизни страны.

Определенный интерес вызывает раздел о театральных зрелищах Чехии того времени — их социальном составе, вкусах и т. д. Автор, в частности, пишет о популярности классической музыки в Чехии: произведения Моцарта, Россини, Вебера не сходили со сцены Сословного театра Праги. Объясняется это, с одной стороны,

«прославленной чешской музыкальностью», обусловленной серьезным музыкальным образованием, получаемым в школе, с другой — отсутствием в то время глубокой стилиевой пропасти между музыкой народной (песенной либо танцевальной) и музыкой оперной, «серьезной» (стр. 107).

При анализе драматургии автор ограничивается характеристикой двух крупнейших писателей — Я. Н. Штепанка и В. К. Клищеры. Их деятельность и творчество довольно подробно проанализированы в трудах чехословацких исследователей, но, пожалуй, в несколько другом аспекте. Естественно, что в данном случае имел место театроведческий подход к творчеству этих первых национальных драматургов, способствовавший, на наш взгляд, весьма точному и убедительному выявлению места и значения их пьес в контексте национальной художественной культуры.

Разделы, посвященные драматургии, позволяют автору в конце главы сделать вывод о том, что, с точки зрения дальнейшего развития театральной культуры, за период 1812—1834 гг. в области драмы были созданы существенные ценности. Особенно это касается таких жанров, как комедия и сатира.

Заслуживает внимания вопрос о деятельности Хмеленского и о той пользе, которую принесли его критические статьи будительскому театру. Пожалуй, стоило более подробно остановиться на деятельности этого первого чешского литературного и театрального критика, непосредственного предшественника Тыла. К сожалению, во второй главе, содержащей интересные наблюдения над драматургией, удачный анализ актерского мастерства и сценического оформления, мало сказано о театральной теории и критике.

И, наконец, в третьей, самой обширной главе анализируется чешский театр в период, предшествующий буржуазно-демократической революции, и в годы революции (1834—1848). Ее выгодно отличает теоретичность, постановка и разрешение важных проблем общекультурного плана. Автор главы выдвигает и анализирует проблему создания концепции чешской театральной культуры, характеризует общественно-культурную программу поколения молодой чешской интеллигенции 30-х годов, объясняет причины преобладания на этом этапе драмы над оперой, подробно говорит об изменении драматургического профиля чешского театра в 40-е годы, о столкновении двух театральных программ, в процессе которого решался вопрос о путях дальнейшего развития чешского театра. Постановка и исследование всех этих проблем культурной жизни Чехии 30—40-х годов, однако, вовсе не исключают подробного и четкого анализа тех

драматических произведений, которые автор справедливо считает вершинными в национальной драматургии этого времени. В основном это пьесы Тыла. «Картины из жизни» автор рассматривает как начальный этап современной социальной драмы (стр. 313), «Волынец из Страколиц» и «Жутногорские рудокопы» рассматриваются как первые большие художественные драматические произведения о чешском народе, которые можно поставить рядом с «Букетом» К. Я. Эрбена и «Бабушкой» Б. Немцовой. В результате подробного анализа автор приходит к выводу, что период 1846—1848 гг. был важным этапом в формировании национальной театральной культуры — впервые была создана оригинальная драматургия.

Нельзя не согласиться в какой-то мере и с точкой зрения автора на специфику чешской театральной культуры Возрождения; здесь внимание обращено на большую роль музыки в драматических формах, популярность оперных спектаклей во всех слоях чешского общества; речь идет также о характерных национальных типах пьес (главным образом, крестьян, музыкантов и др.), о повышенном внимании к исторической драме и к жанру сценической сказки (драматической и оперной), о реалистичности исполнительского мастерства чешских актеров. В этой связи можно еще указать и на значение любительского театрального движения в Чехии, на ту огромную роль, которую играл чешский любительский театр как важный общественный фактор во всей культурной жизни страны в конце XVIII — первой половине XIX в.

Авторы рецензируемого издания не упустили из вида и такую важную сторону развития театральной культуры, как связи чешского театра с другими, в том числе славянскими театрами.

В то же время в работе не удалось полностью избежать опасностей, которые часто подстерегают авторов коллективных трудов. Это, в частности, проявилось в различной расстановке ударений, не всегда оправданной историей театра на том или ином этапе его развития, фрагментарном характере некоторых разделов (например, часть о Каетанском театре не вошла органически в главу о чешском театре кануна революции, во многом повторяя разделы, посвященные исторической обстановке этого времени и любительскому театру).

Во втором томе более 150 цветных и черно-белых иллюстраций: портретов, сцен из спектаклей, афиш, в том числе рукописных, декораций, рисунков и планов театральных зданий; имеются фотокопии архивных документов, писем, партитур, карты, воззвания и пр. Все это делает еще более интересной книгу, ярко и увлеченно рассказывающую о театральной культуре Чехии.

Л. Тумова

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛЬСКОГО ШКОЛЬНОГО ТЕАТРА

Школьный театр существовал в Польше на протяжении почти двух столетий (XVI—XVIII вв.). Культурное явление такого рода не может остаться незамеченным. Школьный театр предоставляет богатый материал для изучения истории польского театра, для решения проблем, важных для литературоведения и театроведения: взаимодействие различных видов искусств в пределах одной художественной структуры, образование новых драматических жанров, соотношение произведений с фиксированными правилами их создания, доминирующее положение сюжета в драме — и многих других. Исследование школьного театра дополняет историю польского просвещения и образования. Так как школьный театр, выполняя свое основное задание — служение религии и школе, в то же время активно реагировал на общественную жизнь, его изучение позволяет сделать некоторые выводы относительно культурной жизни Польши XVI—XVIII вв. в целом. Однако, несмотря на усилия специалистов, в течение многих лет разрабатывающих эти проблемы, в истории школьного театра многое оставалось неисследованным вплоть до последнего времени: имели место неточные интерпретации и предвзятые оценки данного культурного явления, связанные, в частности, с традицией отрицательного отношения к деятельности иезуитов, к дидактизму в искусстве, к поэтике барокко, словом — к ряду социальных и эстетических факторов, в значительной мере определивших характер школьного театра.

Положение значительно изменилось в последнее время. Драмы школьного театра изучаются не только с текстологической точки зрения (как это было раньше), привлекаются новые материалы, углубляется общая оценка. В этом немалая заслуга польского ученого Я. Окonia, автора нескольких серьезных статей¹ и монографии², к анализу которой мы теперь обратимся.

Я. Оконь написал книгу, в которой

¹ J. Okoń. Z zagadnień baroku w szkolnym dramacie jezuickim w Polsce wieku XVII. Dramat i teatr. Wrocław, 1967; его же. Poetyka Sarbiewskiego i niektóre problemy baroku w dramacie szkolnym jezuitów w Polsce wieku XVII. Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1968, z. 14; его же. O baroku w dramacie staropolskim. Sprawozdania z Posiedzeń Komisji Naukowych Oddziału PAN w Krakowie, t. XII, I, 1969 и др.

² J. Okoń. Dramat i teatr szkolny. Sceny jezuickie XVII wieku. Wrocław, 1970.

предложил решения таких проблем, как структура школьного театра и драмы, школьный театр и барокко, общественная функция школьного театра. Особо следует отметить внимание автора к театральным документам: исследование основано на анализе театральных программ иезуитского театра. Важное достоинство работы Я. Окonia состоит в удачном отборе материала. Он сумел увидеть его значение, извлечь из него множество фактических данных, дополнить представления о природе школьного театра.

До сих пор программы не были специальным предметом исследования, к ним относились как к вспомогательному материалу. Я. Оконь изучил 197 программ и предположил, что они имеют не меньшую ценность, чем сами драмы, тем более, что текстов XVII в. сохранилось очень мало. Он выяснил происхождение театральных программ, подробно описал их язык, названия, публикации. Исследователь определил программы как литературный и как театральный текст, открыл в них как бы квинтэссенцию театрального мира иезуитов. Программы сообщали о спектакле и о содержании пьесы. Они служили также популяризации коллегий, исполнительских коллективов, восхваляли покровителей коллегий, пропагандировали идеи, содержащиеся в пьесах, обычно морализаторского характера, сообщали факты. Иногда программы становились самостоятельными текстами, независимыми от драм. Но все-таки основная их ценность состоит в соотносительности с текстами драм, как это показано в рецензируемой работе.

Я. Оконь исходит из положения о том, что литературное произведение является сложной структурой. Оно имеет уровень языка и уровень, который исследователь, вслед за польским литературоведом С. Савицким, называет структурами второй степени. Язык формирует структуры второй степени. Анализируя сюжет, Я. Оконь иногда переходит от выделяемого им уровня структур второй степени на уровень слова, но это не является существенной помехой для практического анализа. Язык, слово в школьной драме имеют две функции: выражение действий героев и информация о событиях, не происходящих на сцене. Так создаются ситуации различных типов, играющие одинаково важную роль, «сценический» и «позасценический» планы действия. Мотивы драмы делятся на статические и динамические. Такой подход к сюжету школьной драмы во многом совпал с подходом, предложенным автором этой рецензии в диссертации на тему: «Сравнительный анализ сюжета польской драмы XVII в. „Komunija duchowna świętych

Boгуза і Gleba" и группы древнерусских произведений³.

В нашей работе была выделена минимальная единица сюжета — ситуация — и предложена классификация ситуаций. Она в общем соответствует классификации функций слова у Я. Оконя и включает деление мотивов. Часть ситуаций (активные) содержат действия. Они соответствуют динамическим мотивам в работе Я. Оконя. Часть — отношение к этим действиям. Это рефлексивные ситуации, они соответствуют статическим мотивам. Мы выделяем также ситуации, содержащие намерение действовать (интенциональные) и побуждение к действию (каузативные). Выделены также ситуации, содержащие сообщения о действиях (коммуникативные), что соответствует первой функции слова у Я. Оконя. В целом ситуации делятся на первичные и вторичные, что соответствует выделенным исследователем сценическому и позасценическому планам действия. Говоря о статических мотивах, которые существуют как бы вне действия, но влияя на него, Я. Оконь в какой-то мере поддерживает выведенный нами принцип отраженного действия драмы. Он состоит в том, что главные герои образуют неподвижный центр действия. Вокруг этого центра, в зависимости от него движутся неглавные герои, не предопределяя ход событий и не влияя на него.

Я. Оконь стремится выяснить способность программ отражать структуры второй степени, скрытые в текстах драм, т. е. он решает вопрос, насколько можно доверять программам в изучении строения школьных драматических произведений. Программа — это не только документ, связанный с постановкой пьесы, но и в некоторой степени литературоведческое исследование. Мы можем так считать благодаря характеру пересказа, который содержат программы. Пересказ, как показал Я. Оконь, — существенный момент обучения в иезуитских школах. Ученики должны были уметь выбирать наиболее существенные моменты прочитанных текстов и сочетать их между собой. Это умение они проявляли в дальнейшем, становясь преподавателями коллегий, в чьи обязанности входило написание драм и составление программ. Пересказ содержания пьесы не был произвольным. Это подтверждается сходством программ, принадлежавших различным коллегиям. Он подчинялся некоторым закономерностям, никогда не учитывал уровня языка и касался только собственно литературного уровня, т. е. структур второй степени. По сути дела он приближается к вычленению сюжета из художественной структуры драмы. Повидимому, школьные теоретики литера-

туры осознавали, что сюжет разложен на составные части, что он организован из некоторых более мелких единиц. Отрезки, из которых состоит пересказ содержания драмы в программе, вполне сопоставимы с минимальной единицей сюжета, выделяемой в современном литературоведении⁴.

Но все-таки пересказ не полностью соответствует сюжету драмы. Он опускает ситуации, создающие в драме напряжение, прерывающие или замедляющие действие. Он опускает также ситуации, содержащие отношение героев к происходящему и не влияющие на ход событий. Поэтому мы не можем сказать, что программа дает представление именно о сюжете. Ведь сюжет — это не только набор элементов, но и их связи между собой, принцип их расположения. Сюжет — это не только формальная структура, но и семантическая, это сложная структура значений, которая, с нашей точки зрения, была детально разработана в школьной драме⁵.

Программа позволяет определить эти значения, но далеко не всегда показывает их взаимоотношения. Скорее она дает представление о фабуле, ее значении и лишь частично о сюжете.

Изучая программы, исследователь обнаружил ряд фактов, дополняющих картину иезуитского театра. Оказалось, что некоторые пьесы были написаны в XVIII в., а не в XVII, как полагали ранее. К двум известным сценам прибавилось еще десять, к одному известному театральному зданию — еще четыре.

Анализ программ привел к важным выводам о структуре школьного театра в целом. В понятие школьного театра Я. Оконь включает постановки, рассчитанные на широкий круг зрителей, и опускает чисто учебные драмы. Видимо, это решение правильно с театроведческой точки зрения, но оно, пожалуй, сужает исследовательские возможности литературоведа. Очевидно, что в постановках с чисто учебными целями иезуитские драматурги применяли те же художественные приемы, разрабатывали примерно те же темы, что в постановках вне школы. Их изучение может дополнить наши представления о школьном театре.

Я. Оконь специально исследует пара-театральные постановки — церковные процессии и собственно театр. Церковная процессия имела статическую структуру. Менялись только зрители, а она оставалась неизменной. В ней выделяется главный мотив и побочные. Последние не

⁴ См., например, В. М. Ж и р м у н с к и й. Задачи поэтики. «Начала», 1924, № 1; Б. В. Т о м а ш е в с к и й. Теория литературы (Поэтика). Л., 1925, и др.

⁵ Л. А. С о ф р о н о в а. О семантической структуре сюжета. «Советское славяноведение», 1968, № 6.

³ См. автореферат диссертации. М., 1969.

были связаны иерархическими отношениями. Композиция процессии была логической, причинно-следственной или хронологической.

Собственно театр в XVII в. продолжает традиции народного религиозного театра и переживает обмирщение. Изменяется тематика пьес и их инсценировка. Появляются пьесы о святых, мучениках, пьесы на исторические темы. Распространяются пьесы об учениках и ученых, прославляющие знашие. Этими пьесами занимались очень мало, и Я. Оконь уделяет им значительное внимание. Он проследживает на них направление развития иезуитского театра. Оно шло от комедии и трагедии к этической драме и трагикомедии, вызвало появление новых героев, сократило эмблематику и сценические эффекты. Я. Оконь как одну из основных характеристик иезуитского театра называет способность к адаптации, которая является вообще типичной для барокко. Следуя барочной поэтике, иезуиты приспосабливали к условиям сцены этические тексты. Я. Оконь перечисляет эти тексты и определяет принципы их преобразования. Так на материале школьной драмы решается вопрос о двух этапах творчества: выборе и обработке материала.

Исследователь предлагает классификацию иезуитских драм в зависимости от повода представления. Тематическое деление он считает неудачным, так как темы представлений зависели от их повода и играли по отношению к ним служебную роль. От повода представления зависит и инсценировка. Исследователь рассматривает некоторые вопросы жанра и композиции трагедий и комедий, хоры и интермедии, балет, волшебный фонарь, костюмы в школьных спектаклях.

Доминантой школьной драмы Я. Оконь считает литературный текст. Диалог длится на сцене непрерывно. Немецкие сцены отсутствуют. Доминантой литературного текста, а следовательно и драматического текста в целом, с его точки зрения, является композиция. Господствующее положение композиции — вообще характерная черта произведений барокко. Она типична и для живописи, и для музыки, и для литературы.

Большое место в работе занимает описание функции школьного театра. В связи с этим Я. Оконь рассматривает особенности восприятия постановок зрителями того времени, стремление школьных авторов предопределить это восприятие.

Выявление общественной функции школьного театра согласуется с общим подходом Я. Оконя к просветительской деятельности иезуитов. Он опровергает распространенное мнение о невежестве иезуитов. Их театр во многом не уступал профессиональному. Их методы обучения были вполне прогрессивны. Среди них уже в XVI в. было распространено знание высшей математики. Я. Оконь не считает, что иезуиты подавляли польский язык. Они изучали его и использовали наряду с официальным языком того времени в Польше — латынью.

Серьезное исследование школьного театра Я. Оконь дополняет обширными приложениями, куда вошли список иезуитских пьес, содержащихся в рукописных сборниках, список спектаклей, о которых упоминалось в историях коллегий, список сюжетов, общих для польского и еврейского школьного театров, биографии 27 школьных драматургов, упомянутых в программах.

Л. Софронова

ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ

Недавно Издательство Болгарской академии наук выпустило в свет сборник докладов и сообщений состоявшегося в мае 1969 г. научного симпозиума, посвященного 1100-летию со дня смерти Константина-Кирилла Философа¹.

На этом симпозиуме в докладе чл.-корр. БАН Е. Георгиева были намечены основные аспекты научной проблематики, разработка которых представляется актуальной на современном этапе исследований деятельности Кирилла и Мефодия. Эти узловые моменты докладчик представил в следующем порядке: 1. Состояние ис-

точниковедения; 2. Происхождение Кирилла и Мефодия, формирование их мировоззрения, деятельность до Моравской миссии; 3. Кирилл — видный представитель современной византийской литературы; 4. Филологические занятия Кирилла во время Хазарской миссии; 5. Когда и где началась просветительская деятельность Кирилла и Мефодия среди славян?; 6. Проблемы Великоморавской миссии; 7. Состояние исследовательской работы в отношении староболгарских азбук; 8. Проблемы основного литературного фонда славян и самого раннего славянского литературного языка, созданного Кириллом и Мефодием; 9. Оригинальные литературные сочинения Кирилла на староболгарском языке; 10. Литературное дело Мефодия; 11. Характер кирилло-мефодиевского дела; 12. Кирилло-мефодиевское дело в славянских землях. Бол-

¹ «Константин-Кирилл Философ». Доклады от симпозиума, посвящен на 1100-годушнината от смъртта му. Ред. колегия: Б. Ст. Ангелов, Д. Ангелов, Е. Георгиев, П. Динев (отг. редактор), К. М. Куев, К. Мирчев. София, 1971, 420 стр.

гария — колыбель славянской письменности и средневековой славянской культуры.

Попытаемся и мы в настоящей рецензии коснуться этой же проблематики, используя материалы рецензируемого сборника, где статьи-доклады расположены в порядке их прочтения на симпозиуме, а не объединены по проблемам.

1. Краткий обзор состояния изученности источников по кирилло-мефодиевскому вопросу дается в работе Е. Георгиева. Главный из них — Пространное житие Константина-Кирилла, или Паннонская легенда, принадлежащее, скорее всего, перу Мефодия; второй источник — Краткое житие Кирилла, написанное Климентом, и третий — Пространное житие Климента, написанное Феодилактом; из латинских памятников заслуживают упоминания письмо Анастасия Библиотекаря (870-е годы); Итальянская легенда, или *Vita cum translatione s. Clementis*, написанная в начале XII в. Львом Остийским на основе Пространного жития Константина-Кирилла. В обзоре, к сожалению, не было уделено внимания источниковоедческой оценке ряда латинских известий, относящихся к Моравской миссии и к последним годам жизни Константина-Кирилла и характеризующих взаимоотношение поборников славянской культуры с их противниками из среды католического духовенства. Разные аспекты кирилло-мефодиевского источниковедения нашли отражение в статьях Т. Сыбева, А. Е. Тахиаоса, Б. С. Ангелова и др.

2. Вопросам происхождения, образования и мировоззрения солунских братьев посвящены работы В. Велчева, И. Е. Анастасиу, А. П. Каждана. Последний в своей статье «Социальные и политические взгляды Фотия» (стр. 91—96) рассмотрел некоторые аспекты деятельности по восстановлению Римской империи константинопольского патриарха Фотия, учителя Константина и вдохновителя Моравской миссии. И. Е. Анастасиу (стр. 79—90) шаг за шагом рассмотрел все обстоятельства воспитания и образования Константина Философа в связи с общим уровнем развития византийской образованности того времени. В. Велчев значительную часть своей содержательной статьи «Дело славянского просветителя Константина-Кирилла в истории культуры» (стр. 215—250) посвятил вопросам формирования мировоззрения солунского ученого и его философским взглядам. В. Велчеву удалось убедительно показать неоплатонические, пантеистические и рационалистические истоки гуманистических идей Константина-Кирилла.

3. Из упомянутых выше работ Анастасиу, Тахиаоса и Велчева вырастает облик Константина как видного представителя современной ему византийской литературы, владевшего в совершенстве словесным искусством в области разных

жанров — гимнографии, апологетической и полемической проповеди, торжественного красноречия.

4. Хазарской миссии и филологическим занятиям Константина во время нее посвятили свои работы Т. Сыбев, А. Е. Тахиаос, Б. С. Ангелов. В своей статье «Пространное житие Константина-Кирилла — первоисточник исторического источника Хазарской миссии» (стр. 305—315). Т. Сыбев обращается к текстологическому сопоставлению жития с Итальянской легендой и убедительно доказывает, что Лев Остийский непременно пользовался Паннонскими легендами. Т. Сыбев уделяет внимание так называемой проблеме «росьских писем», которые Кирилл нашел в Херсонесе. А. Е. Тахиаос в статье «Создание и деятельность литературного круга Константина-Кирилла до Моравской миссии» (стр. 285—293) высказывает догадку о том, что Константин принес в Херсонес Евангелие и Апостол, писанные «росьскими письмами», и толковал их в присутствии человека, знающего русский язык (стр. 289—290). Обзору сочинений Климента цикла, написанных Константином специально для Хазарской миссии, посвящена интересная статья Б. С. Ангелова. Из письма Анастасия Библиотекаря известно, что солунский ученый сочинил прекрасный гимн в честь римского папы, не дошедший до наших дней. Следы этого текста, по мнению Б. С. Ангелова, отыскиваются в старых службах Климента. Много внимания в статье уделяется и так называемой «Херсонской легенде» или «Слову на пренесение мощей преславаго Климента». Если Б. С. Ангелову в будущем удастся полностью изучить историю текста «Слова», то это может стать одним из важнейших и реальных шагов в деле освоения кирилло-мефодиевского литературного наследия.

5. В своей работе «Создание и деятельность литературного круга Константина-Кирилла до Моравской миссии» (стр. 285—293) А. Е. Тахиаос ставит следующий важный вопрос: «Когда, как и где Кирилл начал свою работу над славянской азбукой и переводами с помощью сотрудников?» — и так отвечает на него: Мефодий перевел Евангелие и Апостол на славянский (болгарский) язык еще до Хазарской миссии, в конце 50-х годов IX в.; затем Мефодий в качестве научного консультанта по славянскому языку присоединился к своему брату, отправлявшемуся к хазарам, братья захватили с собою в Херсонес обе священные книги на славянском языке. Эта гипотеза нуждается в строгой проверке.

6. Французский ученый П. Люйер в своей статье «Отношение папства к миссионерской деятельности Кирилла и Мефодия» (стр. 251—254) рассматривает некоторые аспекты отношения римского престола к Моравской миссии Кирилла и Ме-

фодия. Опираясь на Пространное житие Константина-Кирилла, он доказывает, что папа не в пример немецкому духовенству доброжелательно относился к миссионерской деятельности солунских братьев в Моравии; именно папскому радушно первоучители обязаны приглашением в Рим, куда они направились через Венецию, захватив с собою мощи святого Климента.

7. Итальянский ученый Б. Мериджи в работе «Славянская письменность» (стр. 199—204) обсуждает давний дискуссионный вопрос о том, какой из двух славянских азбук — кириллице или глаголице — следует отдать пальму первенства. По-своему истолковывая свидетельство «Сказания о письменах» Чернорица Храбра, он поддерживает гипотезу о первоначальности глаголицы и участия Кирилла в ее создании. Английский ученый Р. Оти в статье «Старые и новые соображения относительно источников глаголического алфавита» (стр. 41—44) подкрепляет гипотезу об изобретении Кириллом основанной на христианской символике глаголицы. Судьбу некоторых глаголических знаков в древневенгерском руническом письме прослеживает венгерский ученый П. Кирай (стр. 205—213). Проблемам происхождения и значения названий староболгарских букв посвящены сообщения Б. Велчевой «Самые ранние алфавиты как источники по истории языка» (стр. 185—186), Н. Драговой «О первом староболгарском азбучном акростихе» (стр. 317—320), К. Ивановой-Константиновой «Два неизвестных азбучных акростиха с глаголическим порядком букв в Среднеболгарской праздничной минее» (стр. 341—365). Последняя работа особенно ценна текстологическим подходом к изучению древнеславянских акростихов, здесь воспроизводятся тексты Рождественского и Богоявленского акростихов по двум рукописным минеям XIII и XIV вв.

8. Языку кирилло-мефодиевских переводов посвящены работы болгарских, польских и русских исследователей. Органическая, тесная связь болгарского народного говора окрестностей Солуны и древнеболгарского литературного языка есть важнейший результат великой деятельности солунских братьев. В дальнейшем язык Кирилла и Мефодия стал единым литературным языком не только всех болгар, но и всего южного и восточного славянства. Это положение подчеркивается в начале статьи П. Русева, Г. Данчева и А. Давидова «Дело Кирилла и Мефодия и демократические движения средневековой Болгарии» (стр. 97—108).

Л. П. Жуковская поделилась своими наблюдениями над историей текста кратко Евангелия-апракоса по рукописям X—XI вв. (стр. 31—40). Благодаря применению четкой, продуманной системы текстологических тестов удалось полу-

чить ясное представление о судьбе текста кирилло-мефодиевского перевода краткого Евангелия-апракоса в XI—XIV вв. Большой интерес представляет находка И. Добрева в хорошо известном исследователем Зографском евангелии XII в. 32 страниц — палимпсестов, содержащих текст глаголического Тетроевангелия конца XI в. (стр. 157—164). Л. Мошинский сравнил фрагменты из Псалтыри в Ениском апостоле с аналогичным текстом глаголической Синайской псалтыри и пришел к выводу, что тексты псалтырских фрагментов Апостола не зависят от текста полного перевода Псалтыри (стр. 143—156). Значение гипотетически восстанавливаемого по рукописям болгарского Сборника комиллий для изучения кирилло-мефодиевского языка подчеркнула Д. Иванова-Мирчева (стр. 109—120), праславянские и южнославянские элементы в языке кирилло-мефодиевских переводов отметил Ф. Славский (стр. 121—126), роль относительных и вопросительных наречий в древнеболгарском языке осветила Е. Дограмджиева (стр. 165—184), а значение древнеболгарских аллограмм и их распределение — П. Илчев (стр. 321—339).

9. Оригинальным произведением солунского ученого, по сути дела, посвящен только одна работа — Б. С. Ангелова. Этого, конечно, мало. Необходима интенсификация поисков сочинений Константина-Кирилла, сочетающаяся с высокой научной требовательностью при их атрибуции.

10. Проблема литературной деятельности Мефодия, естественно, не нашла отражения в сборнике, так как сборник этот посвящен не Мефодию, а его младшему брату.

11. Раскрытию народного общественно-политического характера дела Кирилла и Мефодия посвятили свои работы В. Велчев (стр. 215—250) и В. Топечаров («Исторический масштаб их дела», стр. 45—52). Константин-Кирилл Философ как выразитель и идеолог культурного самоопределения славянства — таков главный тезис статьи В. Велчева.

12. Неисчерпаемая по своему содержанию и объему тема «Кирилло-мефодиевское дело в славянских землях» отразилась во многих работах болгарских, румынских, украинских коллег: Кирилл, патриарх Болгарии — «Как праздновалось 1000-летие смерти св. Мефодия» (стр. 55—68), Д. Ангелов — «Болгарская держава и славянская письменность и культура» (стр. 69—72), Е. Кирилук — «Деятельность Кирилла и Мефодия и их значение для украинской культуры» (стр. 73—78), Г. Михайла — «Распространение письменных памятников, посвященных жизни и деятельности Константина-Кирилла и Мефодия в Румынии» (стр. 127—142), С. Ваклинов — «Древнеболгарская культура IX—X вв.»

(стр. 187—198), П. Динеков — «Особенности болгарской литературы IX—X вв.» (стр. 271—284), К. М. Куев — «Значение новых списков Азбучной молитвы» (стр. 295—304), М. Михайлов — «О некоторых чертах древнеболгарской лите-

ратуры» (стр. 367—370). В этих трудах раскрыто огромное значение кирилло-мефодиевских идей и традиций.

Ю. К. Бегунов

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1972 г. (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Общие вопросы

Б а й ц у р а И. Проблемы соотношения национального и интернационального в строительстве социалистического общества в свете решений Международного совещания коммунистических и рабочих партий 1969 года. В кн. Идеи пролетарского интернационализма — источник дружбы и сотрудничества социалистических стран. Ужгород, 1972.

Б а к у р к и н Б. Ф. Критика теории конвергенции двух систем. В кн. Закономерности развития мировой социалистической системы. М., 1972.

Б и л а к С. М., Ж и в о т о к Б. М. В. И. Ленин о буржуазном национализме как общей платформе правого и левого оппортунизма и современность. В кн. Идеи пролетарского интернационализма — источник дружбы и сотрудничества социалистических стран. Ужгород, 1972.

Б и л а н А. М. Сочетание национальных и интернациональных интересов социалистических стран в борьбе против империализма. В кн. Идеи пролетарского интернационализма — источник дружбы и сотрудничества социалистических стран. Ужгород, 1972.

М и р с к и й Р. Я. О соотношении патриотического и интернационального долга в условиях мировой социалистической системы. В кн. Идеи пролетарского интернационализма — источник дружбы и сотрудничества социалистических стран. Ужгород, 1972.

Оплот социализма, мира и свободы. К 50-летию образования Союза ССР (Ответы деятелей коммунистических и рабочих партий на ашекету журнала в связи с 50-летием образования СССР). «Проблемы мира и социализма», Прага, 1972, № 12.

Р а ч к о в П. А. Закономерности мировой системы социализма — одна из центральных проблем марксистско-ленинских общественных наук. В кн. Закономерности развития мировой социалистической системы. М., 1972.

С е р ц о в а А. П. Сочетание нацио-

нального и интернационального в развитии мировой системы социализма. В кн. Закономерности мировой социалистической системы. М., 1972.

С т у п и ц к и й И. Всесторонний расцвет и неуклонное сближение социалистических наций и народностей — объективная закономерность развития мирового социализма. Экономика Сов. Украины. Киев, 1972, № 12.

Ф у р м а н о в Г. Л. Общие закономерности строительства и развития социализма, специфика их проявлений в различных странах. В кн. Закономерности развития мировой социалистической системы. М., 1972.

Х м ы л е в П. Н. Проблема единства современного мирового исторического развития и теория конвергенции двух социальных систем. Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. экономика, философия, право, 1972, № 17, вып. 3.

2. Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика

Б л а т о в А. Социалистическое сотрудничество и европейская безопасность. В кн. Международный ежегодник. Политика и экономика, вып. 1972 г. М., 1972.

Б о в и н А. Социалистический интернационализм: единство принципов и политики. Полит. самообразование, 1972, № 12.

В а х р а м е в А. Дальнейшее укрепление дружбы и сотрудничества социалистических стран — важнейшее направление внешней политики Советского Союза. «Под знаменем ленинизма», 1972, № 19.

В и к е н т ь е в А. И., К у д р о в а Е. С. Тенденции движения розничных цен в европейских социалистических странах. Изв. АН СССР, сер. экон., 1972, № 5.

В и н о г р а д о в В. Д. Мировое социалистическое сотрудничество — новая интернациональная общность. Вестн. Ле-

нингр. ун-та, вып. 4, сер. экономика, философия, право. 1972, № 23.

Г о л д о в с к и й Л. И. Пролетарский интернационализм в кривом зеркале социал-реформизма. В кн. Идеи пролетарского интернационализма — источник дружбы и сотрудничества социалистических стран. Ужгород, 1972.

Г р и щ е н к о Н. А. Борьба за мир и безопасность в Европе — важнейшее направление внешнеполитической деятельности коммунистических и рабочих партий стран Варшавского Договора. В кн. Закономерности развития мировой социалистической системы. М., 1972.

К а л и с т р а т о в П. Н. Роль ленинградской партийной организации в укреплении интернациональных связей с социалистическими странами (1959—1965 гг.). Вестн. Ленингр. ун-та, вып. 4, сер. история, язык, лит.-ра. 1972, № 20.

К о ж е в н и к о в а Г. А. Проблемы укрепления единства социалистических стран. В кн. Идеи пролетарского интернационализма — источник дружбы и сотрудничества социалистических стран. Ужгород, 1972.

Л е н д ь е л В. М. Значение документов Совещаний коммунистических и рабочих партий для борьбы против идейных источников ревизионизма в ЧССР. В кн. Идеи пролетарского интернационализма — источник дружбы и сотрудничества социалистических стран. Ужгород, 1972.

Р а с п у т н и с Б. И. Фальсификация теории и практики пролетарского интернационализма — средство идеологических диверсий антикоммунизма против рабочего движения. В кн. Идеи пролетарского интернационализма — источник дружбы и сотрудничества социалистических стран. Ужгород, 1972.

С к р и п В. С. Значение Совещания коммунистических и рабочих партий для Чехословакии. В кн. Идеи пролетарского интернационализма — источник дружбы и сотрудничества социалистических стран. Ужгород, 1972.

У р а м П. А. Международное совещание коммунистических и рабочих партий и борьба КПЧ против правого оппортунизма. В кн. Идеи пролетарского интернационализма — источник дружбы и сотрудничества социалистических стран. Ужгород, 1972.

Х у д а н и ч В. И. Политическое сотрудничество Советского Союза и ВНР — интернационализм в действии. В кн. Идеи пролетарского интернационализма — источник дружбы и сотрудничества социалистических стран. Ужгород, 1972.

Ш м а н ь к о Г. И. Братские связи трудящихся Закарпатья и соседних областей социалистических стран — яркое проявление ленинских идей пролетарского интернационализма. В кн. Идеи пролетарского интернационализма — источник дружбы и сотрудничества социалистических стран. Ужгород, 1972.

3. Экономика. Экономическое сотрудничество

А в д е е в а И. А., К н я з е в Ю. К. Проблемы экономического стимулирования в Югославии: роль кредитно-банковской системы. Изв. АН СССР, сер. экон., 1972, № 6.

А н и с и м о в В. Польская Народная Республика: программа дальнейшего социалистического развития. В кн. Международный ежегодник. Политика и экономика, вып. 1972 г. М., 1972.

Б а й б а к о в А. И. Пути совершенствования совместной плановой деятельности стран — членов СЭВ. В кн. Экономические проблемы научно-технического прогресса в социалистических и капиталистических странах. М., 1972.

Б а у т и п а Н. В. Объективная необходимость экономической интеграции стран — членов СЭВ. В кн. Закономерности развития мировой социалистической системы. М., 1972.

Б у д к и н В. С., Р о к и т к о А. И. Соціалістична економічна інтеграція — закономірність розвинутого соціалізму. Вісн. Київського ун-ту, сер. економіки, 1972, № 14.

Б у ш у е в а З. И. Некоторые вопросы формирования системы единых критериев продукции в странах — членах СЭВ. В кн. Закономерности развития мировой социалистической системы. М., 1972.

В а л е н т и н о в и ч П. С. К вопросу об эффективности интеграционных мероприятий (Вопросы методологии). В кн. Идеи пролетарского интернационализма — источник дружбы и сотрудничества социалистических стран. Ужгород, 1972.

В а с и н ю к В. М., Ш е н е в и д ь к о А. К. Об участии Закарпатской области УССР в экономических связях Советского Союза с социалистическими странами. В кн. Идеи пролетарского интернационализма — источник дружбы и сотрудничества социалистических стран. Ужгород, 1972.

В и д а ч Ф. К некоторым вопросам научно-технической революции и экономической интеграции социалистических стран. В кн. Идеи пролетарского интернационализма — источник дружбы и сотрудничества социалистических стран. Ужгород, 1972.

В о с т р о к н у т о в А. И. Фактор роста производительности общественного труда в условиях интеграции. В кн. Закономерности развития мировой социалистической системы. М., 1972.

Г е р ц о в и ч Г., М и х а й л о в Б. Экономические проблемы научно-технического прогресса в странах — членах СЭВ. Вопр. экономики, 1972, № 11.

Г р и д и н а Н. С. Использование товарно-денежных отношений в социалистической экономической интеграции. В кн.

Закономерности развития мировой социалистической системы. М., 1972.

Гуськов А. Чехословакия на пути успешного социалистического развития. В кн. Международный ежегодник. Политика и экономика. М., 1972.

Деятельность Международного инвестиционного банка в 1971 г. «Деньги и кредит», 1972, № 12.

Джавадов Г. А., Попов В. В. Система экономических методов управления социалистическим производством. В кн. Экономические проблемы научно-технического прогресса в социалистических и капиталистических странах. М., 1972.

Доброхотов А. Развитие интеграционных связей Болгарии с европейскими социалистическими странами. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1972, № 144—145, 7 дек.

Дульщикова В. Н. Некоторые вопросы сближения хозяйственных механизмов стран мировой социалистической системы. В кн. Закономерности развития мировой социалистической системы. М., 1972.

Дыблов С. Народная Республика Болгария: новая программа БКП, новая конституция страны. В кн. Международный ежегодник. Политика и экономика, вып. 1972 г. М., 1972.

Ильин А. И. Социалистическая экономическая интеграция и развитие железнодорожного транспорта. Ж.-д. транспорт, 1972, № 10.

Климович Д. Польская пятилетка 1971—1975 гг. План. хоз-во, 1972, № 11.

Козлов И. А. Научно-техническая революция в условиях мировой системы социализма. В кн. Закономерности развития мировой социалистической системы. М., 1972.

Козлов И. Д. Претворение в жизнь программы социалистической экономической интеграции. «Коммунист Украины». Киев, 1972, № 10.

Коломиец Б. Г. Экономические проблемы развития международной специализации машиностроения в условиях социалистической интеграции стран — членов СЭВ. В кн. Экономические проблемы научно-технического прогресса в социалистических и капиталистических странах. М., 1972.

Коселевский Д. И. Социалистическая экономическая интеграция и географическая среда. В кн. Закономерности развития мировой социалистической системы. М., 1972.

Куричев А. П. Совершенствование форм участия трудящихся Народной Республики Болгарии в управлении государственными предприятиями. Сб. уч. тр. Свердл. юрид. ин-та, вып. 20, 1972.

Ларионов К. А. Проблемы экономической интеграции социалистических

стран. В кн. Экономические и социально-политические проблемы коммунистического строительства в СССР. М., 1972.

Лидванова Л. И. Современная научно-техническая революция — основа развития социалистической экономической интеграции. Уч. зап. кафедр. обществ. наук вузов Ленинграда. Полит. экономия, вып. 13, 1972.

Лошаков М. Экономическое сотрудничество братских стран социализма. Внешн. торговля, 1972, № 12.

Мазуров В. К. Некоторые вопросы развития экономики Болгарии на современном этапе. В кн. Экономические проблемы научно-технического прогресса в социалистических и капиталистических странах. М., 1972.

Марков С. П. Совершенствование управления народным хозяйством как условие развития хозяйственных связей стран-членов СЭВ. В кн. Закономерности развития мировой социалистической системы. М., 1972.

Максарова Э. Экономическое сотрудничество СССР с социалистическими странами. Коммунист Сов. Латвии, 1972, № 11.

Мельникова И. Н. Этапы развития сотрудничества социалистических стран. В кн. Идеи пролетарского интернационализма — источник дружбы и сотрудничества социалистических стран. Ужгород, 1972.

Митрофанова Н. Роль прибыли в народном хозяйстве европейских социалистических стран. Вопр. экономики, 1972, № 10.

Митрофанова Н. Тенденции в финансировании и кредитовании капитальных вложений в европейских социалистических странах — членах СЭВ. «Деньги и кредит», 1972, № 12.

Наговицын А. Углубление экономических связей между ЧССР и ГДР. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1972, 31 окт., № 130.

Наидо Ю. Г. Сопоставление производительности общественного труда и уровня научно-технического развития стран — членов СЭВ. Экономика и организация пром. производства. Новосибирск, 1972, № 6.

Орехова Е. К. Обмен опытом плановой деятельности социалистических стран в области материального стимулирования производства. В кн. Закономерности развития мировой социалистической системы. М., 1972.

Подгурский А. Оптимизация планов производства с помощью ЭВМ. В кн. Организация управления. М., 1972.

Поляк В. С. Использование польским рабочим классом в годы пятилетки (1961—1965 гг.) опыта трудящихся СССР в коммунистическом строительстве. В кн. Идеи пролетарского интернационализма — источник дружбы и сотрудничества социалистических стран. Ужгород, 1972.

Пробст А. Территориальное планирование и размещение производительных сил в Польше. *Вопр. экономики*, 1972, № 11.

Пронякова Л., Ермаков В. Экономические связи социалистических и капиталистических стран Европы. *Международ. жизнь*, 1972, № 11.

Пятаков Г. И. Вопросы миграции населения в условиях социалистической системы хозяйства. В кн. *Закономерности развития мировой социалистической системы*. М., 1972.

Резвова Л. В. Сотрудничество в области плановой деятельности: обмен опытом в экономическом стимулировании обновления основных фондов предприятий. В кн. *Закономерности развития мировой социалистической системы*. М., 1972.

Савчук П. Экономическое сотрудничество СССР с социалистическими странами. Комплексная программа сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ. *Материально-техн. снабжение*, 1972, № 11.

Сенин М. В. СССР и развитие экономики мировой системы социализма. *Изв. АН СССР, Сер. экон.*, 1972, № 6.

Смирнова Н. Н. Диалектика взаимосвязи производственных отношений внутри отдельной социалистической страны и мировой системы социализма. В кн. *Закономерности развития мировой социалистической системы*. М., 1972.

Тивоичук И. А. О сущности эквивалентности в экономических отношениях социалистических стран. В кн. *Идеи пролетарского интернационализма — источник дружбы и сотрудничества социалистических стран*. Ужгород, 1972.

Тимошин В. Г. Плановость и задачи развития сотрудничества в области плановой деятельности стран — членов СЭВ. В кн. *Закономерности развития мировой социалистической системы*. М., 1972.

Тумапов М. Н. Совершенствование системы материального стимулирования в европейских странах СЭВ. В кн. *Вопросы методологии политической экономики социализма*. Днепропетровск, 1972.

Тягуненко Л. Социалистическая Федеративная Республика Югославия в 1971 г. В кн. *Международный ежегодник. Политика и экономика*, вып. 1972 г. М., 1972.

Чернусова Л. А. Некоторые вопросы развития международной специализации сельского хозяйства стран — членов СЭВ. В кн. *Закономерности развития мировой социалистической системы*. М., 1972.

Чуканов О. Совет Экономической Взаимопомощи: по пути социалистической экономической интеграции. В кн. *Международный ежегодник. Политика и экономика*, вып. 1972 г. М., 1972.

Шабунина В. Шестая пятилетка Народной Республики Болгарии. *План. хоз-во*, 1972, № 11.

Шарапов Г. Ленинский кооперативный план и его международное значение. *Экономика сельск. хоз-ва*, 1972, № 12.

4. Государственное строительство. Право

Белкин Л. Г. Договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Чехословацкой Республикой 12 декабря 1943 года. (Из истории дипломатии времен второй мировой войны). *Вестн. Ленингр. ун-та. История. Язык. Литература*, вып. 4, 1972, № 20.

Бондарь Ф. М. Социалистический демократизм в организации и деятельности городских национальных советов Польской Народной Республики. В кн. *Актуальные вопросы государства и права*. Томск, 1972.

Гельфер М. А. Основные черты уголовного кодекса Польской Народной Республики 1969 года. *Тр. Всесоюз. юрид. заоч. ин-та*, 1972, т. 26.

Додин Е. В. Система доказательств по административно-процессуальному законодательству европейских социалистических стран. *Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение*, 1972, № 5.

Иванов И. С. Ленинизм и роль болгарского рабочего класса в управлении социалистическим обществом. В кн. *Закономерности развития мировой социалистической системы*. М., 1972.

Кавко А. Молодежь Польши — ее будущее. *Информ. бюл. ком. молодежных организаций СССР*, 1972, № 8.

Лесная Л. В. Вопросы правового и морального регулирования в странах мировой системы социализма. В кн. *Закономерности развития мировой социалистической системы*. М., 1972.

Молдован В. В. Принцип забезпечення права обвинуваченого за захистіного місця в системі принципів кримінального процесу Польської Народної Республіки. *Вісн. Київського ун-ту. Сер. права*, 1972, № 13.

Мотовиловкер Я. О. О структуре и формах деятельности Верховного Суда Польской Народной Республики. В кн. *Актуальные проблемы государства и права*. Томск, 1972.

Польша. Законодательство о социальном обеспечении. *Сб. тр. ЦНИИ экспертизы трудоспособности и организации труда инвалидов*, 1972, вып. 6.

Сохань П. С. Сотрудничество стран социализма и изменения в социальной структуре общества (На примере Народной Республики Болгарии). В кн. *Идеи пролетарского интернационализма — источник дружбы и сотрудничества социалистических стран*. Ужгород, 1972.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Галстян Д. Армянские поселения в Польше и на Украине. Лит. Армения, Ереван, 1972, № 9.

Ермолаева Р. А., Неволина В. С. Софья Сигизмундовна Дзержинская (К 90-летию со дня рождения). Вопр. истории КПСС, 1972, № 11.

Залесский С. А. Русские войны на Балканах в 1877—1878 годах. Вопр. истории, 1972, № 12.

Зюзюкина Т. Е. Позиция ССДП по национальному вопросу в период аннексии Боснии и Герцеговины. В кн. Славяно-балканские исследования. М., 1972.

Крушельницька Л. Г. Прозв'язки лужицької та висоцької культур. «Археологія», Київ, 1972, № 6.

Сардачук П. Листівки розповідають. (Революционная деятельность КП Западной Украины и КПП в 1930—1936 гг.). «Жовтень», Львів, 1972, № 10.

Герешко М. Н. Методы установления исторических фактов. По материалам современной польской методологии истории. Вопр. методологии науки, вып. 2. Томск, 1972.

Чубинський А. Интернациональная солидарность народов Польши и Советского Союза. История Великой Октябрьской соц. революции, 1972, № 3.

2. Культура и наука

Абаджиев И. Образование и наука на этапе строительства развитого социализма. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1972, № 12.

Атанасов П. Книги Ивана Федорова в Болгарии. В кн. Книга и графика (1971—1972). М., 172.

Бадалич М. Первопечатные издания XV в. в народных республиках Хорватии и Словении (Югославия). В кн. Книга и графика (1971—1972). М., 1972.

Байбакова И. Н. Роль государства в развитии научно-технической информации в социалистических странах. В кн. Экономические проблемы научно-технического прогресса в социалистических и капиталистических странах. М., 1972.

Башинджаган Н. Опыт, достижения, проблемы... (Театр-лаборатория Е. Гротовского в зеркале польской и западной прессы). Иностран. лит., 1973, № 1.

Буйницкий Т. Идеология и поэтика (Образ революции в пролетарской поэзии Польши). В кн. Взаемовлияв слов'янских мов і литератур. Київ, 1972.

Вайда — 71. (Фильмы А. Вайды 1971 г. «Пейзаж после битвы», «Березняк»). В кн. Экран (1971—1972). М., 1972.

Владимир Чех: Героическая легенда. В кн. Экран (1971—1972), М., 1972.

Вило Радев: «Черные ангелы». В кн. Экран (1971—1972). М., 1972.

Георгиева М., Андрианова Р. Применение перфокарт в научно-информационной деятельности Болгарской Народной Республики. В кн. Всесоюзное совещание по эффективности применения перфокарт, 3-е. Таллин, 1970. Материалы. Таллин, 1971.

Глеб-Кошаньска Е. Библиографический институт Национальной библиотеки в Варшаве. В кн. Библиотековедение и библиография за рубежом, вып. 42. М., 1972.

Гойворонюк В. А. Деятельность КП Украины по расширению культурного сотрудничества Украинской ССР с европейскими социалистическими странами. В кн. Идеи пролетарского интернационализма — источник дружбы и сотрудничества социалистических стран. Ужгород, 1972.

Горак Ф. Заметки о методах изучения истории книгопечатания. В кн. Книга и графика. М., 1972.

Грабченко Н. И. К вопросу о литературе польского барокко. В кн. Некоторые вопросы современной исторической науки и филологии. Днепрпетровск, 1972.

Даниэль Ольбрыхский: два года. В кн. Экран (1971—1972). М., 1972.

Ефимовская В. М. Современная научно-техническая революция и развитие новых форм сотрудничества социалистических стран в области науки. В кн. Идеи пролетарского интернационализма — источник дружбы и сотрудничества социалистических стран. Ужгород, 1972.

Исачевич Я. Д. Роль братств в издании и распространении книг на Украине и Белоруссии (конец XVI—XVIII в.). В кн. Книга и графика (1971—1972). М., 1972.

Каменева Т. Н. О некоторых нахожках кирилловской печати за рубежом. В кн. Книга и графика (1971—1972). М., 1972.

Каранфилов Е. Деякі проблеми сучасної болгарської белетристики. «Всесвіт», Київ, 1972, № 10.

Кирилл Ценевский: современность истории. В кн. Экран (1971—1972). М., 1972.

Козачук З. Я. Интернациональные связи украинской советской культуры с культурой европейских социалистических стран. В кн. Идеи пролетарского интернационализма — источник дружбы и сотрудничества социалистических стран. Ужгород, 1972.

Костюченко Н. В. Роль Украинского общества дружбы в развитии и укреплении дружественных и культурных связей со странами социалистического сотрудничества. В кн. Идеи пролетарского интернационализма — источник дружбы и

сотрудничества социалистических стран. Ужгород, 1972.

Ласкеев Н. А., Фирсов Г. Г. Профессор Тодор Боров (К 70-летию со дня рождения). В кн. Библиоковедение и библиография за рубежом, вып. 42. М.

Левінська С. Й. Из спостережень над творчістю Єжи Путрумента. В кн. Взаємовплив слов'янських мов і літератур. Київ, 1972.

Левіцка - Каминьска А. Развитие книжного переплета в Кракове. В кн. Книга и графика (1971—1972). М., 1972.

Лозинський І. Владислав Броневський на Україні. «Всесвіт», Київ, 1972, № 12.

Мыльников А. С. Собрания Г. Добнера и И. Добровского и некоторые вопросы изучения личных библиотек ученых. (По новым данным). В кн. Книга и графика (1971—1972). М., 1972.

Немировский Е. Л. Заметки о славянском старопечатании. В кн. Книга и графика (1971—1972). М., 1972.

Неупокоева И. Взаимосвязи литературы социалистического мира. «Коммунист», 1972, № 17.

Осипова К. А. Византиноведение на XIII Международном конгрессе исторических наук (Москва, 16—23 авг. 1970 г.). «Византийский временник», 1972, т. 33.

Панов В. И. Краеведческая библиография Силезии. В кн. Библиоковедение и библиография за рубежом, вып. 42, М., 1972.

Романенко А. Детская литература Югославии до второй мировой войны. Дет. лит., 1973, № 1.

Рубанова И. Березы Польши (О фильме А. Вайды «Березняк»). В кн. Экран (1971—1972). М., 1972.

Рышкевич А. Польский книжный знак (эклибрик) до 1900 г. В кн. Книга и графика (1971—1972), М., 1972.

Селиванов А. К. Крешет содружество советских и болгарских вузов. Вестн. высш. школы, 1972, № 11.

Ступникова Т. С. Некоторые вопросы рационализации «пути книги» в научных библиотеках зарубежных стран. В кн. Библиоковедение и библиография за рубежом, вып. 4. М., 1972.

Тотоева Р. А. Август Цесарец и Советский Союз. Вестн. Ленингр. ун-та, 1972, № 20. История. Язык. Литература. вып. 4.

Черток С. Никола Корабов. В кн. Экран (1971—1972). М., 1972.

Шайкевич Б. Джерело патхненя. Країна Рад у болгарських революційних виданнях 20-х років. «Всесвіт», Київ, 1972, № 12.

Шеховцов И. Документализм (в зарубежных социалистических странах) и современный литературный процесс. Сиб. огни, Новосибирск, 1972, № 10.

Яковсон А. Л. Некоторые законо-

мерные особенности средневековой архитектуры Балкан, Восточной Европы, Закавказья и Средней Азии. «Византийский временник», 1972, т. 33.

3. Языкознание

Блашковиц Й. Топонимы старотуркского происхождения на территории Словакии. Вопр. языкознания, 1972, № 6.

Вайнтрауб Р. М. Соотношение слова и фразеологизма в заимствованиях из русского языка в польском. Тр. Самарк. ун-та. Вопросы фразеологии, V, ч. 2. 1972, вып. 219.

Габинский М. А. Судьбы балканизмов в свете русско-молдавского двуязычия. В кн. Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972.

Гончаренко Л. С. Про основні процеси розвитку науково-технічної лексики слов'янських мов. В кн. Взаємовплив слов'янських мов і літератур. Київ, 1972.

Гриनावецкене Е. Й. Некоторые явления контактирования литовских и славянских говоров (на материале языковых контактов в юго-восточной Литве). В кн. Балто-славянский сборник. М., 1972.

Гюлумянц К. М. Сравнительный оборот и творительный сравнения. На материале русского и польского языков. Тр. Самарк. ун-та. Вопросы фразеологии, V, ч. 2. 1972, вып. 2.

Каралюнас С. С. К балтийскому соответствию славянского Pasti. В кн. Балто-славянский сборник. М., 1972.

Лекомцева М. И. О взаимодействиях фонологических систем в районе балто-славянского пограничья. В кн. Балто-славянский сборник. М., 1972.

Лекомцева М. И. Система значений глагольных граммем в пограничных литовско-славянских говорах. В кн. Балто-славянский сборник. М., 1972.

Леонидова М. О границах варьирования фразеологизма в языке писателя. На материале болгарского языка. Тр. Самарк. ун-та, Вопросы фразеологии, V, ч. 2, 1972, вып. 219.

Масальский В. И. До питання про лексичні паралелі в слов'янських мовах на матеріалі славистичних досліджень. В кн. Взаємовплив слов'янських мов і літератур. Київ, 1972.

Можалева И. Е. Русское и советское славяноведение о сербо-хорватском языке (Обзор работ, вышедших в период 1835—1965 гг.). В кн.: Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972.

Неруш Г. І. Смыслова характеристика багатозначних іменників в одномовному словнику (на матеріалі Словника чеської літературної мови). «Мовознавство», Київ, 1972, № 6.

Новикова Е. А. О некоторых взаимозаменяемых способах временного оформления дополнительных и подлежащ-

ных придаточных предложений в русском, украинском и польских языках. В кн. Взаемовплив слов'янських мов і літератур. Київ, 1972.

Отрембский Я. Из области славянского и балтийского словообразования (Ст.-слав. Nesc и лит. Menuo) В кн. Балто-славянский сборник. М., 1972.

Петлева И. П. Этимологические заметки (русск. выбать, с.-хорв. vibatí и др.). В кн. Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972.

Сгалл П., Паневова Я. Основные черты семантической записи предложения и ее формальная структура. Науч.-техн. информация ВИНТИ, сер. 2. 1972, № 10.

Семчинський С. В. Слов'янські семантичні впливи на молдавську лексику (На матеріалі давніх текстів) В кн. Взаемовплив сл'янських мов і літератур. Київ, 1972

Судник Т. М. Lazunal. Литовская,

белорусская и польская фонологические системы. В кн. Балто-славянский сборник. М., 1972.

Токар Т. Я. Про фонетичні субститути в сербо-хорватських словах, вживаних українськими поселенцями Боснії (Югославії). В кн. Некоторые вопросы современной исторической науки и филологии. Днепропетровск, 1972.

Цыганова К. Л. Присоединительная конструкция — «член предложения» (На материале современного сербохорватского языка). В кн. Межвузовская конференция молодых ученых Волго-Вятского региона. Материалы... Филологическая секция. Саранск, 1972.

Шпербер В. К соотношению между лужицкими и немецкими топонимами в двуязычной Лужице (Названия урочищ). «Новое в лингвистике», 1972, вып. 6.

Шустер-Шевц. Сербо-лужицкие этимологии. В кн. Этимология. 1970. М., 1972.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1972, № 5

В. Хаджинилов. Академик Жак Натан и болгарская историческая наука; С. Гринчаров. Разногласия между Фердинандом и правительством прогрессивно-либеральной партии (1901—1903 гг.) по вопросам внешней политики; В. Павлов. Противоречия в военно-морских отношениях между Болгарией и ее союзниками в 1918 г.; М. Петров. Русская помощь в создании болгарской администрации (1877—1879); М. Годорова. «Общепользные классы» Мидхата паши; П. Тивчев. Кипрская хроника Леонтия Махеры; Н. Хайтов. Еще раз об Ахмеде аге Тымрашли и об одном толковании его роли в подавлении Апрельского восстания.

«Przegląd Historyczny», 1972, № 4

М. Малович. Горное дело в Центральной и Восточной Европе в средние века как элемент общественно-экономических структур в XII—XV веках; Г. Визнер. Речь Посполитая обоих народов — кооперация побежденных или победителей?; Е. Топольский. Правоучительство или разъяснение?; Е. Михальский. Несколько замечаний по поводу статьи Ежи Топольского; Я. Зюлек. Мобилизация новой конницы на левобережье Вислы во время восстания 1830—1831 гг.; И. Спустек. Вопрос западной границы Польши в период подготовки мирной конференции 1919—1920 годов.

«Z pola walki», 1972, № 3

Е. Таргальский. Место Великого Пролетариата в польском рабочем движении; Я. В. Голэмбовский. Восстановление Социалистического интернационала после второй мировой войны; Б. Сыздек. Политические и социально-государственные концепции возрождения ППС.

«Ceskoslovenský časopis historický», 1972, № 6

Ю. Кржижек. Интернациональная годовщина; Я. Горейсек. Ремесленный банк и Люблянский кредитный банк; В. Матула, К. Поглубко. Русское обращение к словакам в 1868 г. и его автор; Й. Крживка. Денежные результаты мецанских хозяйств в XVIII веке; Й. Яначек. Серебро и экономика чешских стран в XIII веке.

«Historický časopis», 1972, № 4

М. Кропалак. Величие и сила объединения (к 50-годовщине образования СССР); А. Шпис. О призраках города в Словакии в период позднего феодализма; Л. Голотик. Словаки между Пештом и Веной в 1860—1877 г.; М. Гронский. К вопросу участия словацких добровольцев в занятии Словакии чехословацкой армией (ноябрь 1918 — март 1919).

«Slovanský přehled», 1972, № 6

В. Мелихар. Начало совместной обороны социалистических стран и значе-

ние основания Варшавского договора; Б. Л е г а р. Образование СЭВ и сотрудничество стран — членов СЭВ в области экономики в 1949—1958 гг.; Д. З а г о р с к а. Начало развития венгерской народной демократии; М. Т е й х м а н. Борьба за справедливое решение Дунайского вопроса после второй мировой войны (1945—1948); М. Ш т е п а н о в а. К развитию отношений между СССР и ГДР после второй мировой войны.

«Литературна мисъл», 1972, № 5

П. Д и н е к о в. Изображение человека в «Истории славяноболгарской»; Г. Г а ч е в. Национальный образ мира; А. А н ч е в. Димитр Димов и Достоевский; К. Г е н е в. Концепция человека и творческое своеобразие писателя; С. Я н е в. Журнал «Художник» и ранний болгарский символизм; Л. М и н к о в а. Изображение болгарина в русской литературе.

«Pamiętnik Literacki», 1972, № 3

З. Г л о м б ё в с к а. Мотивы проперция в элегиях Яна Кохановского; З. С и н к о. К вопросу о европейской готике и ее восприятии в польской литературе; К. В ы к а. Философия действия и труда у Жоржа Сореля и Станислава Бжозовского; А. К. В а с ь к е в и ч. Законы освобожденного воображения. О материализме Яна Бженковского; М. А д а м ч и к. Рассуждения о поэтике мистерии; Р. З и м а н д. «Картезианская лингвистика» Хомского.

№ 4

Э. А л е к с а н д р о в с к а я. Элизабет Роу — предвестница европейского преромантизма — на страницах «Монитора» и ее переводчик. Из работ библиографа «Монитора»; А. О п а ц к а я. «Пелтевские сонеты» Юзефа Дунина Борковского — борьба с романтической условностью; М. Я н ц о н. Сиротские стихи Ленартовича; Б. З а к ж е в с к и й. Чья «лирушка»? (Вопрос авторства Ленартовича); Д. Д а н е к. О заглавии литературного произведения.

«Slavia orientalis», 1972, № 4

А. П о п п е. Литературная культура Древней Руси; Т. К о л а к о в с к и й. «Энеида» И. Котляревского на фоне жанровых опытов героикомической поэмы; В. В и т к о в с к и й. Писал ли Скворода на смешанном старославянско-русско-украинском языке?; Э. Г о р а н и н. «Киевская летопись» (1160—1199) в древней Польше.

«Česká literatura», 1972, № 6

Ю. Б а р а б а ш. Неуловимые структуры; Р. Ш о б е р о в а. Литературно-

художественное произведение — символ или модель?; Г. К у ч е р о в а. Художественное развитие В. Ванчуры в первые годы после первой мировой войны; М. П о г о р с к и й. Гносеологические романы К. Чапека; Я. О. Ф и ш е р. Некоторые методологические проблемы при работе над историей французской литературы в течение последнего столетия.

«Slovenska literatura», 1972, № 5

Д. О к а л ц. Октябрьская революция и возникновение социалистической литературы; Э. П а н о в а. С. Г. Ваянский и А. К. Толстой; Э. Г о м б а л а. «Смерть Яношика» Ботто и «Май» Махи; З. К л а т и к. Переводы рассказов Симы Матавуля Мичатко.

№ 6

М. Б. Х р а п ч е н к о. О некоторых основных направлениях литературоведческого исследования; М. Т о м ч и к. Видовые и жанровые свойства лирики в современной словацкой литературе; Ш. Д р у г. Вступление Яна Поничана в литературную жизнь; Й. Г в и щ. «Краковяки» у Янка Краля.

«Български език», 1972, № 1—2

М. Ч о р о л е е в а, С. Ж е р е в. О некоторых особенностях языка Георгия Димитрова; В. М у р д а р о в. Диалектная основа языка Неофита Рильского, отраженная в «Болгарской грамматике» (1835); Э. П е р и ш к а. Некоторые функционально-стилистические проявления и особенности субстантивированных прилагательных; С. К а л д и е в а. Словообразовательные типы на *-ба*, *-уба*, и *-тва* в современном болгарском литературном языке; Е. Т о д о р о в а. Семантическая характеристика прилагательных, обозначающих линейные размеры; Р. З л а т а н о в а. Адвербиальные формы — компонент составного сказуемого в древнеболгарском языке; Н. В ы л ч к о в а. К вопросу о дистрибуции суффиксов названий лиц мужского рода в сербско-хорватском литературном языке; М. Л а к о в а. Стилистическая характеристика турцизмов в «Словаре современного болгарского литературного языка»; А. С т о я н о в а. Некоторые семантические особенности названий родства; Л. К р у м о в а. Об одном случае адвербиализации; М. К о с п а р т о в а. Лексико-семантические противопоставления в семантической структуре лексемы *бял*; Л. Й о р д а н о в а. Синтаксическо-морфологические влияния. (Простое глагольное сказуемое или составное именное сказуемое?); Ю. Б а л т о в а. О слове *парагод* и его лексических вариантах в эпоху Возрождения; К. Т о м о в а.

О происхождении и значении слова *ходатай*; М. Тетовска-Троева. Контаминированные императивные формы префиксальных глаголов I и II спряжений в говоре с. Равногор, р-н Пештеры; М. Цигарска. Диалектные названия лиц, образованные путем метафоризации; Т. Годоров. Три болгарских слова греческого происхождения; Д. Михайлова. Бол. диал. *испѣрак*; М. Рачева. Заимствования из восточных языков в болгарском; Л. Лашкова. О некоторых проблемах отрицания в славянских языках; Т. Бехар-Захариа. Диалектные тексты из с. Драгалевци, р-н Софии; Р. Златанова. Диалектные тексты из с. Смочево, р-н Сташке Димитрова.

«Български език», 1972, № 3

В. Кипарский. Еще один болгаризм в русском литературном языке: суффиксы *-еский*, *-ество*; В. Георгиев. Ономастика и историческая география; И. Васева. Стилистические функции однородных частей предложения; Ц. Младенов. Семантика слова «нощ» (и соотносительные с ним) у П. Яворова; И. Буюклиев. К характеристике относительных предложений с учетом их структуры в древнеболгарском языке; М. Лилов. Фонетические основы постановки произношения в болгарском языке; К. Станчев. Древнеболгарская поэзия — графическое оформление и термины, ее обозначающие; Р. Русinov, Б. Байчев. К вопросу о количественно-семантической характеристике лексики современного болгарского литературного языка; С. Петков. Экспериментальные данные о болгарском именном словообразовании; В. Москова-Еленска. Еще раз о подчинительных предложениях с союзом *ако*; М. Младенов. Из заметок по болгарской диалектной морфологии; Д. Гамулеску. Южнославянские слова румынского происхождения; М. Выгленов. *Дизайн, дизайнер*; Н. В. Котова. Диалектные тексты из района Горно поле, Кюстендильского округа.

«Език и литература», 1972, № 5

В. Велчев. «История славяноболгарская» Паисия. Историческое обоснование национальной программы; С. Иванчев. Об одном из видов функционально-семантической разграниченности личных и указательных местоимений; М. Михайлов. К вопросу о поэтической атмосфере «Слова о полку Игореве»; Р. Мутафчиев. О точном описании лексического значения слов; С. Стоянов. Иноязычное влияние в употреблении определительного члена в болгарском языке; Р. Коларов. В кругу

враждебного мира. К поэтике А. Блска Д. Добрев. Неизвестный Стоян Даскалов.

№ 6

С. Русакиев. Преобразующая литература; И. Лекоев. Актуальные проблемы славянского языкознания; В. Андреев. Проза Константина Константинова; С. Брезинский. Симметричность и обрамление обособленными частями предложения в современном болгарском языке; Г. Веселинов. Вук Стефанович Караджич и болгарское Возрождение; Д. Кирай. Соотношение между принципом повествования и эпической дистанцией; А. Смольская. Наблюдения над межъязыковой омонимией в русском и болгарском языке; Р. Русев. Заметки по лексике послесловия «Истории славяноболгарской» Паисия; Б. Яновский. Об одном источнике «Истории славяноболгарской» Паисия — Афонском историческом сборнике; М. Москов. Происхождение гидронима *Камчия* в свете новых данных.

«Język Polski», 1972, № 4

Ф. Славский. О языке сороковых годов XVI в.; И. Квилецкая. Неизвестное собрание лексики в сочинении Бартоломея из Быдгощи; В. Тащицки. Янское имя *Barbora* «Барбара» и его уменьшительные *Barborka* и *Barbórka*; Е. Островская. Носовые гласные в древнепольских текстах из Мазовии; Г. Ольшевская-Михалчик. Слитное и раздельное написание предложных выражений в историческом аспекте; А. Баньковский. Собирательные существительные, образованные от названий деревьев, в польской топонимии; Я. Годынь. Заметки о краковском говоре в сочинениях Константина Крумловского.

«Slavia», 1972, № 3

Е. Кжижкова. Контекстное членение и типы вопросительных предложений в славянских языках; З. Г. Оливьерис. Морфематический анализ некоторых местоимений русского языка; Я. Балух. Мицкевич и Словацкий в переводах Галаса; О. Р. Галага. О кирилло-мефодиевском наследии после прихода венгров; М. Квапил. Введение к обзору современной сербской литературной критики.

№ 4

И. Дуйчев. *Les débuts littéraires* Константина Кирилла-Философа; Ю. Кшижановский. Современное возрождение поэзии Семпа Шагинского; В. Ткадчик. Система кирилличес-

кой азбуки; Э. С е к а н и н о в а. Эквиваленты глагольной приставки *pre-* (*npre-*) в словацком, польском, чешском и русском языках; М. К в а п и л. Главные представители современной сербской литературной критики.

«*Slovanska reč*», 1972, № 5

Ш. О н д р у ш. Славянское ли название реки *Váh*? Я. О р а в е ц. Запятая при однородных членах предложения и повторяющихся союзах *aj, i, ani*. Ф. К о ч и ш. Разбор одного типа сложного предложения; А. Г а б о в ш т я к. Происхождение и расширение слова *pri'* в словацком языке; В. О б е р т. Несколько замечаний о форме и стиле лозунгов; М. М а й т а н. Имена литературных героев и сатира Яна Халушки; Э. Т в р д о н ь. Графическое выражение удлинения звуков в словацком языке; В. И г л а р. К истории словарного состава словацкого языка: *špan, župan, pán, kmet'*; Л. Д в о н ч. О словакизированных и несловакизированных формах иноязычных названий городов в литературном языке.

№ 6

Ш. П е ц и а р. Развитие словакистики и советское языкознание; Ш. О н д р у ш. Славянские ли названия вершин гор *Choč* и *Kýčera*? Э. Г о р а к. Система предлогов в словацком литературном языке; Й. М и с т р и к. Характеристика риторического стиля в словацком языке; Л. Д в о н ч. О правописании и произношении слова *laser*.

«*Slovo a slovesnost*», 1972, № 3

Я. К о р ж е н с к и. Слово, предложение, ономазиологическая категория; З. Г л а в с а. К вопросу об оппозиции определенности в чешском языке; Г. П. Н е щ и м е н к о. Тенденция окачествления и ее влияние на словообразование прилагательных; М. Т е ш т и л о в а. О

словообразовательной продуктивности с количественной точки зрения; М. А т т л о в а - Т ы к а л о в а. Субстантивные названия качеств (Опыт разграничения деривации синтаксической и лексической); Й. Г р б а ч е к. Опыт объяснения отношения, выражаемого приложением.

1972, № 4

М. Д о к у л и л. Двадцатилетие деятельности Чехословацкой академии наук; Д. Б р о з о в и ч. О типологии графических и орфографических систем в славянских литературных языках; О. М а р т и ц о в а. К проблеме лексических неологизмов; Я. П а н е в о в а, П. С г а л л. Глагольный вид в эксплицитном описании языка; Р. Ш р а м е к. Топонимические модели и система топонимов; Я. Л е х а р. Заметки о двух древнечешских стихотворениях.

«*Zeitschrift für Slawistik*», 1972, № 4

Х. Ш м и д т, Г. Д у д е к. К характеристике синтеза традиции просвещения и классицизма в русском и польском романтизме; К. К а с п е р. Романтизм и реализм в советской литературе (проза); Д. В и ч е в. Традиции романтизма и революционная лирика в болгарской литературе XX столетия; Э. Р е й с с н е р. Жуковский и Грей; К. Г л о б и г. Социалистический гуманизм и задачи антифашистского движения; Э. К о в а л ь с к и. Эпический мир, художественное изображение и всемирная история в советском романе-эпопее; Н. Т у н. Реализм и романтика как теоретическая проблема ранней советской прозы; Р. Г ё б н е р. Диалектика национального и интернационального как конституирующий элемент художественного изображения; В. Ц е л л. Национально-освободительная борьба славянских народов на рубеже XIX—XX столетий и сорабистика; Э. В и г а н д. «Дракон» Евгения Шварца.

ЗАСЕДАНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ, ПОСВЯЩЕННОЕ 50-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

27 ноября 1972 г. состоялось заседание Ученого совета Института славяноведения и балканистики СССР, посвященное великому празднику — полудекадному юбилею Советского Союза.

С докладом о 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик выступил канд. ист. наук Г. М. Славин (доклад подготовлен совместно с д-ром ист. наук А. Х. Клеванским).

Первое в мире социалистическое государство, подчеркивалось в докладе, было создано революционным творчеством всех советских народов во главе с рабочим классом, под руководством Коммунистической партии. Его образование знаменовало победу пролетарского интернационализма, последовательное осуществление ленинской национальной политики.

Величайшая заслуга в создании Советского Союза принадлежит Владимиру Ильичу Ленину. Принятое по предложению В. И. Ленина решение об образовании Союза ССР стало важнейшим историческим рубежом в развитии народов Советской страны, в общественном прогрессе всего человечества.

Обрисовав путь героических побед и свершений, пройденный народами СССР за 50 лет, докладчик отметил, что их

огромный, самоотверженный, напряженный труд был увенчан созданием нового общественного строя, построением социализма.

Ныне трудящиеся Советского Союза, сплоченные вокруг КПСС, развернули строительство коммунистического общества. СССР предстает перед всем миром как страна дружбы народов, поборник мира на всем земном шаре, оплот международного революционно-освободительного движения.

Особое внимание в докладе было уделено значению советского опыта строительства социалистического государства. О всемирно-историческом значении этого опыта свидетельствует тот факт, что он был взят на вооружение народами, уже решающими или готовящимися решать сложные задачи социалистического строительства.

На заседании Ученого совета указывалось, что исследования, которые ведет коллектив Института славяноведения и балканистики АН СССР, должны способствовать выявлению общих закономерностей развития мировой социалистической системы и особенностей их проявления в отдельных странах.

А. Б.

НАУЧНЫЕ СЕССИИ ЗА РУБЕЖОМ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 50-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

Великий праздник советского народа и всего прогрессивного человечества — пятидесятилетие создания СССР — широко отмечался и научной общественностью в зарубежных славянских странах.

7—8 декабря 1972 г. в Варшаве состоялась научная сессия Польской академии наук, посвященная 50-летию образования СССР. В ней приняли участие члены Политбюро ЦК ПОРП — Председатель Государственного Совета ПНР Г. Яблоньский, секретарь ЦК ПОРП Я. Шидляк, член Секретариата ЦК ПОРП Я. Фрелек, посол СССР в ПНР С. Пилотович

и другие официальные лица. На сессию прибыла делегация советских историков во главе с академиком П. Н. Поспеловым.

Сессию открыл ученый секретарь ПАН министр Я. Качмарек. С приветственным словом к участникам сессии обратился акад. П. Н. Поспелов. На пленарных заседаниях были заслушаны доклады доц. д-ра В. Т. Ковальского (Институт истории польско-советских отношений ПАН) о польско-советских отношениях со времени Октябрьской революции до начала 70-х годов, д-ра ист. наук И. Д. Кораблева (Институт истории СССР АН СССР)

об образовании Союза ССР, доц. д-ра В. Серчика (Ягеллонский университет) о создании федеративного советского государства, проф. д-ра А. Чубинского (Высшая школа общественных наук при ЦК ПОРП) о борьбе прогрессивных сил Польши за нормализацию отношений с Советской страной, проф. И. М. Игнатенко (Институт истории АН БССР) о роли В. И. Ленина в создании Союза Советских Социалистических Республик.

Внимание первой секции сосредоточилось на проблеме создания и развития первого в мире социалистического государства. Д-р ист. наук Н. И. Супруненко (АН УССР) остановился на вопросе складывания военно-политического союза советских республик и значении этого союза для победы в гражданской войне, доц. д-р А. Деруга (Институт истории польско-советских отношений ПАН) касался проблемы гражданской войны на Украине, в Белоруссии и Литве, доц. д-р З. Лукавский (Ягеллонский университет) осветил вопрос о федерации в программе партии большевиков. В других докладах рассматривались правовые аспекты создания СССР (доц. Т. Сухецкий, Варшавский университет), осуществление политической концепции большевиков (доц. д-р М. Танты, Варшавский университет), культурная политика РСФСР в 1918—1922 гг. в отношении малых народов (доц. д-р П. Лоссовский, Институт истории ПАН), решение аграрного вопроса в национальных окраинах Российской федерации (д-р Р. Война, Институт истории ПАН), достижения БССР в составе СССР за 50 лет (д-р ист. наук А. А. Филимонов, Институт истории АН БССР).

На второй секции были заслушаны доклады о польско-советских отношениях в 1917—1972 гг.: д-ра Я. Рузевича (Институт истории науки и техники ПАН) о польско-советских научных связях в 1919—1939 гг., д-ра ист. наук П. М. Калениченко (Институт истории АН УССР) о культурном сотрудничестве между УССР и ПНР в 1944—1972 гг. Доц. д-р Б. Бялокозович (Варшавский университет) охарактеризовал развитие польской русистики, Т. Б. Княжевская (СССР) рассказала о политике Советского Союза в области культуры, чл.-корр. АН СССР Ю. А. Поляков осветил вопрос о советском народе как новой исторической общности. Проблематике польско-советских экономических отношений были посвящены доклады д-ра С. Лопатнюка (Институт истории польско-советских отношений ПАН), д-ра Р. Халябы (Высшая школа общественных наук при ЦК ПОРП) и д-ра Я. Пташека (Отдел ЦК ПОРП).

На третьей секции, занимавшейся проблемой исторической роли СССР в борьбе за разоружение, безопасность и мир в Европе, были сделаны доклады и сообщения: проф. В. Т. Фоминым (Академия общественных наук при ЦК КПСС) об

основных принципах внешней политики СССР, доц. В. Миховичем (Лодзинский университет) о борьбе Советского правительства за разоружение, д-ром А. Сквишником (Институт истории польско-советских отношений ПАН) о концепции «Восточного пакта». Д-р ист. наук В. И. Клоков (Институт истории АН УССР) осветил влияние побед Советской Армии на развитие антифашистской борьбы в Европе, д-р Т. Домбровский (Институт истории польско-советских отношений ПАН) — некоторые аспекты освободительной миссии Советской Армии во второй мировой войне. В докладах д-ра Э. Басиньского (Институт истории польско-советских отношений ПАН) и д-ра Я. Сулека (Польский институт международных отношений) рассматривалось сотрудничество ПНР и СССР в борьбе за европейскую безопасность. Проф. Ч. Пилховский (Министерство юстиции ПНР) коснулся сотрудничества ПНР и СССР по вопросу о привлечении к ответственности гитлеровских военных преступников, доц. д-р Т. Валихновский (Институт истории польско-советских отношений ПАН) охарактеризовал роль СССР в нормализации отношений между социалистическими странами, с одной стороны, и ФРГ, с другой.

Подводя итоги научной сессии, председатель ПАН проф. д-р В. Тшебитовский отметил, что сессия внесла значительный вклад в освещение важной научной проблемы и будет способствовать углублению сотрудничества между учеными ПНР и СССР. Научные сессии, посвященные 50-летию образования СССР, состоялись в Познани, Катовицах, Люблине и других научных центрах Польши.

В ноябре 1972 г. состоялась научно-теоретическая конференция на тему «Ленинская национальная политика». Она была организована Болгарской академией наук, Академией общественных наук и социального управления при ЦК БКП, Софийским университетом, Институтом истории БКП при ЦК БКП и Всенародным комитетом болгаро-советской дружбы.

На открытии конференции в актовом зале Софийского университета присутствовал член Политбюро ЦК БКП и председатель Всенародного комитета болгаро-советской дружбы Ц. Драгойчева, кандидат в члены Политбюро и секретарь ЦК БКП И. Абаджиев, президент Болгарской академии наук акад. А. Балеваки, видные болгарские историки, философы, юристы, экономисты, общественные деятели, представители студенчества и др. В работе конференции приняла участие также делегация советских ученых во главе с акад. М. Б. Митиным.

Во вступительном слове ректора Академии общественных наук и социального управления проф. Г. Ганева было подчеркнуто эпохальное значение образования Союза ССР для триумфа идей социализма и коммунизма. Затем слово было

предоставлено акад. М. Б. Митину, который приветствовал участников конференции от имени советских ученых. Всего на конференции в течение двух дней (14—15 ноября) было заслушано 12 докладов. Их тематика была разнообразной: о болгаро-советской дружбе в свете ленинской национальной политики (акад. С. Гановски), о ленинской национальной политике и ее отражении в конституции СССР (проф. Б. Спасов), о международном значении ленинских принципов советского опыта в деле разрешения национального вопроса (доц. С. Дамянов), о международном значении опыта СССР в социалистическом строительстве (проф. В. Хаджиниколов), об образовании и укреплении Союза ССР и развитии революционного процесса в Болгарии (проф. К. Байчински) и др. Советские ученые выступили на конференции с тремя докладами: «Вклад В. И. Ленина в развитие теории по национальному вопросу» (акад. М. Б. Митин), «В. И. Ленин — создатель и организатор СССР» (чл.-корр. АН СССР Д. М. Кукин) и «Дружба советских народов — основа могущества СССР» (д-р ист. наук Л. Б. Валев).

15 ноября перед сотрудниками Академии общественных наук и социальным управлением, Института истории БКП и другими с докладом о развитии исторической науки в СССР выступил член советской делегации д-р ист. наук С. С. Хромов.

По окончании конференции состоялась поездка делегации советских ученых в Родопский край. 16 ноября здесь, в г. Кырджали, перед партийно-хозяйственным активом и представителями местной интеллигенции с докладами, посвященными 50-летию образования Союза ССР, выступили С. С. Хромов, Д. М. Кукин, Л. Б. Валев. 17 ноября перед таким же активом в г. Смолян выступили М. Б. Митин и Д. М. Кукин.

18 ноября состоялся прием во Всенародном комитете болгаро-советской дружбы в Софии. Председатель комитета Ц. Драгойчева и глава советской делегации акад. М. Б. Митин обменялись речами,

в которых было подчеркнуто значение образования СССР для укрепления советско-болгарской дружбы.

Работа конференции и прием во Всенародном комитете нашли широкое освещение в болгарской печати, в передачах радио и телевидения. Материалы конференции будут опубликованы в отдельном сборнике.

В Братиславе 13—14 декабря 1972 г. проходила сессия Словацкой академии наук, посвященная 50-летию создания СССР. На сессии присутствовали сотрудники академии наук, профессора и преподаватели высших учебных заведений, секретари и члены Братиславского комитета КПС, сотрудники Генерального консульства СССР в Братиславе. С докладом о развитии науки в Словацкой Социалистической Республике и сотрудничестве ученых СССР и ЧССР выступил президент Словацкой академии наук К. Шпик. В выступлениях ряда словацких ученых, главным образом директоров институтов, освещались вопросы словацко-советского сотрудничества в разных областях науки. В работе сессии приняли участие советские ученые академик А. Л. Нарочницкий, чл.-корр. АН СССР Ц. А. Степанян и канд. ист. наук В. К. Кучко. Акад. А. Л. Нарочницкий в докладе «50 лет развития советской исторической науки» показал значение руководящей роли КПСС в развитии общественных наук, и в частности исторических исследований в СССР, и охарактеризовал основные итоги и перспективы советской исторической науки. Доклад Ц. А. Степаняна «Пятидесятилетие СССР и коммунистическое будущее человечества» касался опыта СССР в решении национального вопроса и диалектики национального и интернационального в современном и будущем расцвете и сближении социалистических наций на путях к коммунизму. В докладе В. К. Кучко «Рабочий класс и формирование новой исторической общности — советского народа» раскрывалась роль рабочего класса в процессе сближения социалистических наций в СССР.

С-В-Н

НАУЧНАЯ ВСТРЕЧА ИСТОРИКОВ СССР И ПНР

С 25 по 27 октября 1972 г. в Московском Доме ученых АН СССР проходила научная встреча историков СССР и ПНР по теме «Боевое сотрудничество народов СССР и Польши в борьбе с фашизмом в годы второй мировой войны и его значение для укрепления советско-польской дружбы в настоящее время».

Встреча была организована Советским комитетом ветеранов войны, Всесоюзным обществом «Знание», Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и Институтом военной истории Министерства Обороны СССР. С польской стороны на ней

принимали участие представители Союза борцов за свободу и демократию Польши, Военно-исторического института, Главного политического управления Войска Польского, Высшей школы общественных наук при ЦК ПОРП, Польской академии наук, сотрудники Посольства ПНР в Москве во главе с военным атташе генералом В. Ягасом.

Заседание открыл председатель Советского комитета ветеранов войны дважды Герой Советского Союза генерал армии П. И. Батов. С докладом «Деятельность КПСС и ПНР по укреплению дружбы

советского и польского народов в годы второй мировой войны» выступил член президиума СКВВ генерал-полковник М. Х. Калашник. «Политика дружбы с польским народом, проводимая Коммунистической партией Советского Союза и Советским правительством, — сказал он, — находила горячую поддержку со стороны Польской рабочей партии, польских рабочих и крестьян, всех прогрессивных сил польского народа». Польско-советскую братскую дружбу укрепляла и цементировала совместная героическая борьба народов СССР и Польши против общего врага — германского фашизма. Политическому значению совместной борьбы польского и советского народов было посвящено выступление Генерального секретаря Союза борцов за свободу и демократию Польской Народной Республики Я. Краевского.

Вопросы участия советских и польских вооруженных сил в разгроме фашизма рассматривались в докладах канд. воен. наук Н. И. Шеховцова — «Вклад Советских Вооруженных Сил в освобождение польского народа от немецко-фашистских захватчиков», доц. д-ра В. Юргелевича — «Создание народного Войска Польского и вклад народной Польши в победу над третьим рейхом», д-ра А. Карпиньского — «Значение боевого и организационного опыта Советской Армии и народного Войска Польского для создания польских вооруженных сил в послевоенный период». В них отмечалось, что братство по оружию советских и польских солдат, родившееся в боях под Ленино и скрепленное совместно пролитой кровью, явилось проявлением складывающихся новых отношений между польским и советским народами. Выступление регулярных польских войск, созданных при участии, помощи и поддержке Советского Союза, на главном, советско-германском фронте имело огромное политическое и международное значение. В Великой Отечественной войне Советского Союза против гитлеровской Германии решались судьбы всего человечества, судьбы всей цивилизации. От исхода борьбы Советского Союза зависела не только свобода и независимость советского народа, но и самое существование польского народа.

В докладе «Польская рабочая партия — ведущая сила освободительной борьбы польского народа в годы второй мировой войны» д-р Р. Назаревич подчеркнул, что Польская рабочая партия, продолжательница прогрессивных традиций польского народа, глубоко преданная принципам марксизма-ленинизма, разработала единственно правильную концепцию освобождения польского народа от гитлеровского рабства и возрождения Польши на новых общественных началах.

Борьбе советской и польской дипломатии за обеспечение национальных интересов польского народа были посвящены до-

клады д-ра ист. наук И. И. Костюшко — «Советская внешняя политика и борьба за интересы польского народа в годы второй мировой войны» и доц. д-ра В. Т. Ковальского — «Потсдамские соглашения и Польша. Совместная борьба советской и польской дипломатии по их реализации». Докладчики отметили, что Советский Союз не только принес польскому народу освобождение от фашистской неволи и помог ему восстановить нормальную жизнь, но и боролся за укрепление позиций народной власти на международной арене, за справедливое решение вопроса о западных границах народной Польши.

О развитии и укреплении советско-польских отношений после второй мировой войны, о братском военно-политическом союзе СССР и ПНР рассказал д-р ист. наук И. А. Хренов.

С докладом «Великая интернациональная миссия советского народа во время второй мировой войны» выступил чл.-корр. АН СССР П. А. Жилин. Развитие и укрепление при помощи Советского Союза вооруженных сил народной Польши и их вклад в оборонную систему государств Варшавского договора получили освещение в докладах д-ра ист. наук Е. А. Болтина и д-ра Э. Ядзяка.

Вопрос об участии советских граждан в польском партизанском движении в годы второй мировой войны рассмотрел д-р ист. наук М. И. Семиряга. Участники встречи заслушали также доклады и сообщения: д-ра В. Тушинского — «От Гвардии народной до Армии народной и Войска Польского. Исторический путь вооруженных сил народного движения Сопrotивления», канд. ист. наук В. С. Парсадановой — «Создание органов народной власти в Польше в ходе второй мировой войны и борьба за их упрочение. Помощь СССР молодому польскому государству», проф. Ч. Пилиховского — «Польско-советское сотрудничество в деле разоблачения и наказания гитлеровских военных преступников», д-ра Н. Коломейчика — «Помощь Советского Союза в возвращении Польше ее западных и северных земель», проф. С. Окенцкого — «Помощь польского движения Сопrotивления и польского населения Советской Армии во время боев за освобождение земель Центральной Польши», проф. д-ра Ч. Лучака — «О контактах польских и советских граждан, находившихся на принудительных работах в фашистской Германии», проф. д-ра К. Дунина-Вонсовича — «Совместные акции польских и советских граждан, оказавшихся в гитлеровских концлагерях», зам. начальника Главного политического управления Войска Польского генерала Н. Михты — «Помощь польского населения советским военнопленным». Всего сделано более 30 докладов и сообщений, представляющих большой научный интерес.

Е. Пилишек

ЗАСЕДАНИЕ КОМИССИИ ИСТОРИКОВ СССР И ЧССР

С 25 по 28 сентября 1972 г. в Смоленнице (под Братиславой) проходило пленарное заседание Комиссии историков СССР и ЧССР. На заседании была обсуждена научная проблема «Вторая мировая война и советско-чехословацкие отношения в военные годы», рассмотрены научно-организационные вопросы, а также перспективный план работы Комиссии.

Советскую часть Комиссии возглавлял академик П. Н. Поспелов, чехословацкую — академик Й. Поулик.

Заседание открыл акад. Й. Поулик. Он отметил большое значение возобновления работы Комиссии после четырехлетнего перерыва, подчеркнув, что Комиссия имеет своей задачей содействовать успеху работы советских и чехословацких историков, их общению и сотрудничеству.

Акад. П. Н. Поспелов в своем выступлении охарактеризовал важнейшие направления исследований советских историков, рассказал о некоторых конкретных, наиболее крупных результатах советской историографии по проблемам отечественной и всемирной истории. Он сказал, что Комиссия должна способствовать совместной разработке советскими и чехословацкими историками важных проблем исторической науки. Особенно плодотворным сотрудничество может быть в области исследования истории советско-чехословацких отношений, формирования и развития мировой социалистической системы, исторической роли рабочего класса в осуществлении социалистической революции и создании социалистического общества, в утверждении принципов пролетарского интернационализма во взаимоотношениях социалистических стран, в совместной разработке и обсуждении проблем этногенеза славянских народов, становления и развития феодальной формации, генезиса капитализма и др.

В докладе чл.-корр. АН СССР П. А. Жилина «Некоторые актуальные проблемы истории второй мировой войны» были рассмотрены основные направления разработки истории второй мировой войны: предыстория войны и причины ее возникновения, характер войны на различных ее этапах, взаимодействие политики и стратегии воюющих государств и коалиций во второй мировой войне, решающая роль Советского Союза в разгроме блока фашистских государств и вклад отдельных стран и народов антигитлеровской коалиции в достижение победы над фашизмом, масштабы и характер движения Сопротивления, роль вооруженных восстаний в освобождении европейских стран от фашистских захватчиков. Автор особо отметил необходимость дальнейшей разработки проблемы «СССР и освобождение Чехословакии».

Той же теме был посвящен доклад д-ра ист. наук В. Краля «Чехословакия и вто-

рая мировая война». Автор дал критический анализ ошибочных концепций отдельных чехословацких историков, протаскивавших антимарксистские взгляды в 60-е годы.

Используя ставшие теперь доступными английские дипломатические документы, В. Краль подчеркнул, что правительство Чемберлена решительно отказывалось содействовать восстановлению Чехословакии в доюнхенских границах. Во главе правительства Англии и Франции стояли тогда сторонники политики уступок, и их целью было не что иное, как компромисс с нацистской Германией. Политика уступок, приведшая к ликвидации Чехословацкого государства, мотивировалась не только соображениями о положении немецкого меньшинства в Чехословакии, но и исходила прежде всего из сомнения в целесообразности существования Чехословацкого государства как такового. Он указал на значение советско-чехословацкого договора 1943 г. и помощи СССР национально-освободительному движению чехов и словаков в годы второй мировой войны.

Канд. ист. наук Я. Черны и канд. ист. наук В. Плевза — авторы содоклада «Буржуазные фальсификаторы истории второй мировой войны» подвергли критике работы по истории второй мировой войны буржуазных английских, французских, американских, западногерманских историков; их стремление возвеличить роль и заслуги западных держав в победе над фашистской Германией и ее союзниками; умалчивание или подтасовку исторических фактов, искажение политики Советского Союза во второй мировой войне и его роли в победе над гитлеровской Германией и т. д.

В докладе канд. ист. наук П. М. Деревянко «Критика буржуазных концепций истории второй мировой войны» были показаны различные школы, течения, направления буржуазной историографии, основными тенденциями которых является стремление снять вину империалистов перед человечеством за подготовку и развязывание второй мировой войны, умалить вклад СССР в победу над фашизмом, приуменьшить роль движения Сопротивления народов оккупированных стран против гитлеровского нашествия, выхолостить его политическую сущность, исказить значение помощи СССР другим народам в их борьбе за независимость и социальное освобождение. В докладе был рассмотрен ряд проблем, по которым ведется наиболее острая борьба между марксистской и буржуазной историографией, показана несостоятельность концепций фальсификаторов истории второй мировой войны.

В сообщении канд. ист. наук В. П. Морозова рассказывалось о стратегиче-

ском наступлении вооруженных сил СССР на Карпато-пражском направлении в 1944—1945 гг., поддержанном отрядами советских, чешских и словацких партизан. Автор подробно рассмотрел крупные операции, последовательно проведенные Советской Армией. Некоторые из них долгое время в военно-исторической литературе не получали полного освещения.

В докладе «Политические аспекты советско-чехословацких отношений в годы второй мировой войны» д-р ист. наук А. И. Недорезов, используя новые материалы советских архивов, рассмотрел те стороны советско-чехословацких отношений, а также политики СССР в военные годы, которые до сих пор не были освещены или получили недостаточное, а иногда искаженное толкование. В докладе дан последовательный анализ развития советско-чехословацких отношений в период 1939—1945 гг., когда были заложены основы для формирования отношений нового типа. Раскрыта вся сложность обстановки, в которой Советское государство, исходя из общих принципов внешней политики, последовательно и неизменно стремилось к сотрудничеству с правительством Чехословакии, вело борьбу за восстановление государственности и суверенитета ЧСР. Показана политика английского правительства, постоянно оказывавшего давление на чехословацкое правительство в Лондоне, колебания и маневрирование Бенеша в вопросе чехословацко-советских отношений.

В докладе д-ра ист. наук Й. Грозиенчика «Политические аспекты исторического развития чехословацко-советских отношений» показано значение исторических традиций дружбы и сотрудничества народов Советского Союза и Чехословакии в развитии новых форм боевой дружбы и взаимной морально-политической поддержки в годы второй мировой войны. На традиции дружбы опиралась КПЧ в организации борьбы трудящихся Чехословакии против фашистской оккупации. Помощь Советского Союза народам Чехословакии в годы войны стала выражением новых отношений, основанных на принципах пролетарского интернационализма. Ход развития чехословацко-советских отношений в период второй мировой войны показал, отмечает автор, что борьба Советского Союза против гитлеровской Германии, активное участие советских людей в борьбе против фашизма на территории Чехословакии помогли ускорить процесс национально-демократической революции и достигнуть тех целей, которые рабочий класс под руководством КПЧ ставил перед собой в борьбе против фашизма. Боевая дружба и сотрудничество в ходе второй мировой войны закономерно перерасли затем в дружбу и сотрудничество народов Чехословакии и Советского Союза в строительстве социализма и в борьбе за укрепление мира во всем мире.

Доклад канд. ист. наук Ч. Аморта был посвящен чехословацко-советским отношениям накануне и в годы второй мировой войны. Отвергая утверждения некоторых историков, пытавшихся оправдать политику Бенеша накануне и в период Мюнхена, автор подчеркнул, что чехословацко-советский договор о взаимопомощи, заключенный в 1935 г., не был приведен в действие в критические сентябрьские дни 1938 г. только по вине Бенеша и тогдашнего правительства Чехословакии. Советский Союз, несмотря на то, что чехословацко-советский договор был практически аннулирован чехословацким правительством, проявил готовность выступить на защиту интересов чешского и словацкого народов и последовательно проводил эту политику в годы войны. Автор на конкретных примерах показал военную, материальную и моральную помощь советского народа народам Чехословакии в их борьбе против гитлеровской оккупации и в организации нового, народно-демократического государства.

Доклад д-ра ист. наук М. Крошилака был посвящен помощи Советского Союза Словацкому национальному восстанию.

В докладе на основании документов показаны конкретные акции действительной помощи Словацкому восстанию, предпринятые Советским Союзом. Приведенные факты разоблачают некоторых буржуазных историков, трактующих эту помощь как вмешательство во внутренние дела Чехословакии. Рассмотрев пути и формы оказания советской помощи повстанцам, автор отметил, что это нашло отражение не только в письменных свидетельствах, но сохранилось в живой памяти старшего и среднего поколения и до сих пор не утратило своего воздействия.

Канд. ист. наук М. В. Искров в своем сообщении «Роль и место партизанского движения в годы второй мировой войны» рассмотрел вопросы организации и развития партизанского движения на временно оккупированной территории Советского Союза, а также движения Сопротивления в оккупированных странах, в том числе и Чехословакии, показал их огромную роль в ослаблении фашистских армий, крушении гитлеровской военной машины, в разгроме фашизма.

Выступление чл.-корр. АН БССР И. М. Игнатенко посвящено участию словаков в партизанском движении на территории Белоруссии, в частности, патриотов словацкой дивизии, переброшенной гитлеровцами в южную часть республики для охраны железнодорожных коммуникаций.

Значение документального кино, как одного из важнейших источников при изучении второй мировой войны, рассмотрел канд. ист. наук В. Пеша.

Д-р ист. наук И. Н. Мельникова рассказала об освещении традиций чехословацко-советского боевого содружества

историками-краеоведами, в частности, боевых операций чехословацкой воинской части под командованием Людвика Свободы на территории Украины в многотомном издании «История городов и сел Украинской ССР».

В сообщении канд. ист. наук Я. Пиволуски были рассмотрены вопросы внешнеполитической ориентации чехословацкого движения Сопротивления.

Канд. ист. наук А. Фалтыс посвятил свое выступление формам связей молодых советских и чехословацких граждан, оказавшихся во время войны в концлагерях в Германии, в частности, в концлагере в Нюрнберге, в котором он сам находился с 1942 г.

Канд. ист. наук О. Голема рассказал о возникновении и действиях одного из партизанских отрядов в средней Словакии.

С докладом¹ о состоянии и задачах чехословацкой историографии выступил акад. И. Поулик. Он рассказал о ревизионистских проявлениях в чехословацкой исторической науке и их причинах, охарактеризовал задачи и направления развития чехословацкой исторической науки, намеченные в перспективном плане ЧСАН.

В заключении И. Поулик указал на необходимость расширения сотрудничества чехословацких и советских историков и назвал ряд проблем, по которым это сотрудничество могло бы быть наиболее плодотворным: история советско-чехословацких отношений, история мировой социалистической системы, история международного рабочего движения.

Чл.-корр. АН СССР Ю. А. Поляков рассказал о результатах изучения истории советского общества в СССР, остановившись на некоторых проблемах истории социалистического и коммунистического строительства в СССР, над которыми в настоящее время ведется работа.

Выступление д-ра ист. наук А. А. Искендерова было посвящено критике некоторых взглядов буржуазных историков в области всеобщей истории.

Канд. ист. наук Ф. Гейл проанализировал некоторые проявления неопозитивизма в чехословацкой историографии 60-х годов и остановился на задачах создания новых учебников для вузов и школ Чехословакии.

Члены Комиссии обсудили и утвердили тематику будущих заседаний. Было принято решение провести в 1973 г. симпозиум на тему «Советско-чехословацкие отношения (1917—1970 гг.) как фактор международной политики» и в 1974 г. — очередное заседание Комиссии на тему «Проблемы социалистического строительства в СССР и европейских социалистических странах. Становление и развитие мировой социалистической системы».

Была заслушана также информация А. И. Недорезова и Ф. Гейла о подготовке чехословацких и советских историков к VII Международному съезду славистов (1973 г.) и к XIV конгрессу историков (1975 г.).

Работа Комиссии проходила в теплой дружественной обстановке.

Е. Воробьева

НАУЧНАЯ СЕССИЯ КОМИССИИ ИСТОРИКОВ СССР И ПНР

Очередная научная сессия Комиссии историков Советского Союза и Польской Народной Республики состоялась в Варшаве 16—17 ноября 1972 г. Она была посвящена весьма актуальной и еще недостаточно изученной теме «Советско-польские отношения в 1918—1939 гг.». На трех пленарных заседаниях было заслушано десять докладов, вызвавших весьма оживленную и содержательную дискуссию.

С советской стороны на сессии выступили сотрудники Института славяноведения и балканистики АН СССР: д-р искусствоведения И. Ф. Балза, прочитавший доклад о советско-польских культурных связях в межвоенное двадцатилетие, и канд. ист. наук П. Н. Ольшанский — о советско-польских отношениях в 1921—1924 гг. Д-р ист. наук В. Я. Сиполс (Институт истории СССР АН СССР) посвятил свой доклад проблемам безопасности народов Европы во внешней политике СССР на протяжении межвоенного периода, д-р ист. наук П. М. Калениченко (Институт истории АН УССР) рассказал о влиянии Великой Октябрьской социалистической революции на восстановление польского

независимого государства, д-р ист. наук А. Н. Мацко (Институт истории АН БССР) — о солидарности народов СССР с революционной борьбой трудящихся масс межвоенной Польши.

На сессии выступили сотрудники Института польско-советских отношений ПАН: доц. В. Гостынская рассмотрела ряд вопросов, связанных с вооруженным конфликтом 1920 г., д-р С. Лопатнюк остановился на советско-польском пакте о ненападении (1932 г.), д-р А. Скупинек проанализировал советско-польские отношения середины 30-х годов. Доц. Ф. Селицкий (Вроцлавский университет) и магистр А. Кмита (Институт славяноведения ПАН) посвятили свои выступления культурным связям. В их докладах, взаимно дополняющих друг друга, речь шла о переводах и распространении произведений Максима Горького в межвоенной Польше.

Содержание докладов и развернувшейся дискуссии показали, что суждения советских и польских ученых по рассмотренному кругу вопросов едины в своей основе. С удовлетворением констатируя это при подведении общих итогов д-р ист.

наук В. А. Дьяков и доц. д-р В. Ковальский отметили, что сессия внесла существенный вклад в разработку истории советско-польских отношений межвоенного двадцатилетия, осветив некоторые их слабо изученные аспекты и содействуя достижению единодушия или сближению точек зрения специалистов на отдельные спорные вопросы.

На организационном заседании Комиссии, состоявшемся после закрытия научной сессии, были подведены итоги работы за прошедший год и обсуждены вопросы, касающиеся планов на будущее. Польская сторона заявила о своем намерении опубликовать материалы проведенной сессии либо отдельным изданием, либо в составе сборников статей, периодически выпускаемых Институтом истории польско-советских отношений ПАН. Из взаимной

информации о проделанной работе выяснилось, что польская сторона выпустила в свет материалы научной сессии Комиссии, проведенной в 1970 г. в Познани («Związki rewolucjonistów polskich i rosyjskich w XIX wieku», Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1972), а советская сторона — материалы научной сессии 1969 г. в Киеве («Становление ранне-феодалных славянских государств», Киев, 1972). Кроме этого советская сторона сообщила о сдаче в производство сборника материалов научной сессии, проведенной Комиссией в Минске в 1969 г. и посвященной советско-польскому боевому содружеству в годы второй мировой войны (этот сборник в ближайшее время будет выпущен в свет издательством «Мысль»).

В. Д.

М. В. МИСКО

28 декабря 1972 г. после длительной и тяжелой болезни скончался кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Михаил Васильевич Миско. Его многолетняя научная деятельность была связана с развитием советского славяноведения, делу которого он отдавал все свои силы и знания.

М. В. Миско родился в 1904 г. в деревне Чемери Слобимского уезда Гродненской губернии в семье крестьянина. Находясь в Саратовской губернии, он осенью 1920 г. вступил в комсомол, зимой 1920—1921 г., будучи бойцом Частей особого назначения, участвовал в боях по ликвидации банд Антонова. С 1924 г. учился в 1-м Московском государственном университете, здесь в марте 1926 г. вступил в кандидаты в члены РКП/б/, а в мае 1928 г. был принят в члены партии.

После окончания исторического отделения Университета (1929) обучался в аспирантуре Института истории Коммунистической академии (1929—1931), а затем был слушателем Института красной профессуры (1931—1933). Преподавал общественные дисциплины в Высшем инженерно-строительном училище, Московском областном коммунистическом университете, Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада, Польском педагогическом институте (Киев) и в других учебных заведениях, был научным сотрудником Украинской академии наук, Государственной исторической библиотеки.

В 1941 г. вступил в народное ополчение и затем находился на фронте; за мужество, проявленное в боях с немецкими захватчиками, награжден орденом Красной Звезды и медалями. После демобилизации из армии работал старшим научным сотрудником Комиссии по истории Великой Отечественной войны (1944—1945), Института истории АН СССР (1945—1946), а с 1947 г. до ухода в 1964 г. по состоянию здоровья на пенсию — старшим научным сотрудником Института славяноведения АН СССР.

Внимание М. В. Миско, являвшегося большим знатоком истории Польши, привлекали прежде всего проблемы новой и

новой истории польского народа. Его первая крупная работа, опубликованная в журнале «Историк-марксист» (1932, № 6), была посвящена революционному кризису в Польше в 1923 г. и тактике Коммунистической партии Польши. В следующем году в том же издании появилась работа М. В. Миско «К. Маркс и Ф. Энгельс о польском вопросе». Этими проблемами, понимаемыми широко, определялись в основном дальнейшие научные интересы М. В. Миско.

Он обстоятельно исследовал значение Октябрьской революции для возрождения независимой Польши и развития польского революционного движения. Результатом этого были подготовленные им главы для «Истории Польши», ряд статей и монография «Октябрьская революция и (восстановление независимой Польши) М., 1957). В этих работах показана роль Октябрьской революции в исторических судьбах польского народа, политика ленинской партии и Советского государства, направленная на установление и укрепление дружественных отношений между Советским Союзом и Польшей.

Немало сделано М. В. Миско в области изучения польского национально-освободительного движения, в особенности восстания 1863—1864 г. В его статьях и книге «Польское восстание 1863 года» (М., 1962) освещается позиция основоположников марксизма по польскому вопросу, героическая борьба польского народа за национальную независимость и демократизацию общественного строя, революционные связи народов Польши и России. Перу М. В. Миско принадлежит и ряд работ по другим проблемам истории польского народа, им написаны интересные рецензии и историографические обзоры. Исследования М. В. Миско во многом обогатили советскую славистику.

М. В. Миско был активным принципиальным коммунистом, скромным человеком, хорошим товарищем. Он щедро делился своими знаниями, помогал молодым научным работникам в овладении мастерством исследования. Таким он остается навсегда в памяти всех тех, кто его знал.

И. Костюшко

CONTENTS

- R. P. Grishina.* The Bulgar Fatherland front after the victory of the Uprising of 9-th September 1944. *T. A. Kurgunyan.* «The Pakt of the Fours» and the Czechoslovakian diplomacy. *M. V. Kirsenko.* The role of Greece in the formation of the Balkan Union 1912. *M. Stępeń* (Poland). Between the literature and the politics (about the literature life at the 2-nd decade of the independent Poland). *E. I. Ryabova.* About the literature of «Ismes» and its service for the revolution. *R. Pavlova* (Bulgaria). To the comparative investigation on the semantics of the prepositions. *V. Kiparsky* (Finland). To the history of Slavic studies in Finland 3

Toward the VII International Congress of Slavonic Studies

- V. D. Korolyuk.* To the explorations on the ethnogenesis of the Slavs and the East-Romanes 73

PEOPLE, EVENTS. FACTS

- V. I. Belyajeva.* A. A. Voznesensky's activity in the All-Slav-Committee and Slav-Committee of the USSR. *N. A. Prokofyeva.* The repertory of the Theatre on Taganka in Czechoslovakia 92

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

- V. Marjina.* A book about Klement Gottwald. *I. Kostyushko.* Czesław Łuczak. «Kraj Warty» 1939—1945. Studium historyczno-gospodarcze okupacji hitlerowskiej. *V. I. Vinogradov.* A. A. Ulunyan. The Bulgarian people and the Russian-Turkish War of 1877—1878. *E. E. Stankevich.* «Historia Śląska», t. II. *S. Sidelnikov.* The new works about G. S. Rakovsky. *E. Z. Cybenko, V. I. Khitarishvili.* The polish magazine of Slaves languages and literature. *A. Zhygulyov.* The statute book of polish proverbs. *L. Titova.* The 2-nd volume of «The history of the Czech theatre». *L. Sofronova.* Study on the polish convict Theatre. *Ya. K. Begunov.* A contribution to the studies about Ciril's and Methody's activity 102

Bibliography

- The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1972. The contents of foreign periodicals 123

SCIENTIFIC LIFE

- A. B.* The meeting of the academic board at the Institute of Slavic and Balkan studies to the 50-th anniversary of USSR. *S-V-N.* The scientific sessions abroad dedicated to the 50-th anniversary of USSR. *E. Pilishek.* A scientific meeting of the historians of the USSR and Poland. *E. Vorobjeva.* The session of the Commission of the historians of the USSR and Czechoslovakia. *V. D.* The scientific session of the Commission of the historians of the USSR and Poland . . 135
I. Kostyushko. M. V. Misko 143

Технический редактор *Т. Н. Сенченко*

Сдано в набор 12 II-1973 г. Т-01297 Подписано к печати 13/IV-1973 г. Тираж 1215 экз.
 Зак. 1751 Формат бумаги 70×108^{1/16} Усл. печ. л. 12,6 Бум. л. 4^{1/2} Уч.-изд. л. 14.9

издательский «Наука»

Готовится к печати книга:

ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ЭТНОГРАФИЯ И ФОЛЬКЛОР СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ. Доклады советской делегации на VII Международном съезде славистов. 1973. 40 л. 2 р. 75 к.

В докладах поднимаются вопросы социально-экономического, политического и культурного развития славянских народов, их национально-освободительной борьбы, проблемы славянского самосознания и истории политических и культурных межславянских связей. Ряд статей освещает влияние первой русской и Великой Октябрьской социалистической революций на развитие национально-освободительного движения славянских народов, а также борьбу славянских народов против фашизма в годы второй мировой войны.

Книга рассчитана на историков, филологов, этнографов, искусствоведов, а также на широкий круг студентов и аспирантов гуманитарных факультетов.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

МОСКВА, В-463, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

ЛЕНИНГРАД, П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайшие магазины «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»:

Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; Баку, ул. Джапаридзе, 13; Днепропетровск, проспект Гагарина, 24; Душанбе, проспект Ленина, 95; Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303; Киев, ул. Ленина, 42; Кишинев, ул. Пушкина, 31; Куйбышев, проспект Ленина, 2; Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57; Ленинград, Менделеевская линия, 1; Ленинград, 9 линия, 16; Москва, ул. Горького, 8; Москва, ул. Вавилова, 55/7; Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; Новосибирск, 91, Красный проспект, 51; Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73; Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; Томск, наб. реки Ушайки, 18; Уфа, Коммунистическая ул., 49; Уфа, проспект Октября, 129; Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; Харьков, Уфимский пер., 4/6.